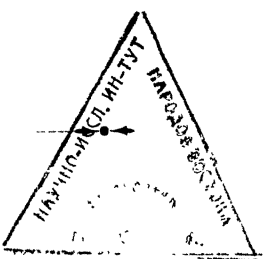
Проф. В. Бузескулъ.

АНТИЧНОСТЬ

II

СОВРЕМЕННОСТЬ

Современныя темы въ античной Греціи.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича В. о., 5 л., 28.
1913.

Пост 49

DF
217

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

324
32

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемая книжка возникла изъ публичной лекціи, которая напечатана была въ „Вѣстн. Европы“ (1912, авг—сент.). Теперь лекція эта выходитъ въ значительно расширенномъ видѣ. Между прочимъ, сюда вошла, какъ одна изъ главъ, и другая моя статья, появившаяся въ томъ же журналѣ (1911, апр.),—о школьномъ дѣлѣ у древнихъ грековъ по новымъ даннымъ; вообще, использованы результаты прежнихъ моихъ работъ, увеличено число выдержекъ и примѣровъ, нѣсколько пополнены библографическія указанія. Но основной характеръ изложенія, по возможности, сохраненъ. Исчерпать тему я не имѣлъ въ виду; многое здѣсь только намѣчено, многое не затронуто вовсе. Я хотѣлъ лишь, какъ говорю это и въ текстѣ книжки, рядомъ примѣровъ, хотя бы отрывочныхъ, освѣтить ту сторону эллинскаго міра, которая дѣлаетъ этотъ міръ для насъ живымъ, особенно близкимъ и роднымъ...

В. Б.

Харьковъ
1912 г., декабрь.

Греческій міръ оставилъ современному культурному человѣчеству великое, по своему значенію, наслѣдіе. Въ произведеніяхъ своей литературы и искусства онъ завѣщалъ намъ образцы дивной, неувядаемой красоты. По изящному выраженію знатока и поклонника античности, Ѳ. Ф. Зѣлинскаго [1]), въ эллинскомъ мірѣ „впервые предстала передъ человѣчествомъ, связаннымъ имъ же скованными узами, упоительная троица—радость, красота и любовь, какъ высшая цѣнность жизни...“. Въ Греціи—корни современной философіи, науки, современной культуры вообще. Говоря словами Мэна,—не филолога-классика, котораго можно было бы заподозрѣть въ слѣпомъ преклоненіи предъ греками,—„все, что̀ движется въ нашемъ мірѣ, имѣетъ свое начало въ Греціи“. Извѣстный географъ Реклю сравниваетъ Аѳины съ тѣми звѣздами, которыя уже потухли, но еще продолжаютъ освѣщать землю; такъ и этотъ городъ, бывшій „школою Эллады“, представляетъ все еще школу

[1]) Венеціанскій купецъ и кольцо Нибелунга („Рус. Мысль“, 1911, янв., стр. 85) Ср. *его-же*, Древній міръ и мы (во II т. „Изъ жизни идей“).

для цѣлаго міра, которая, черезъ двадцать вѣковъ послѣ своего паденія, не перестала просвѣщать насъ.

И тѣмъ не менѣе къ этому античному міру русское общество—по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени—относилось съ холоднымъ равнодушіемъ, скорѣе даже съ отвращеніемъ. Виною тому въ значительной степени та „классическая“ или, вѣрнѣе, „грамматическая“ система, которая проводилась у насъ съ такимъ ожесточеніемъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго вѣка и которая, конечно, способна была не привлечь, а оттолкнуть отъ всего, что̀ напоминало ненавистный классицизмъ. Въ лучшемъ случаѣ за античностью признается эстетическое значеніе, допускается, что юношество „на пути къ ярмаркѣ жизни“ должно проходить „чрезъ тихій храмъ великой классической старины“; но старина эта все-же представляется чѣмъ-то чуждымъ и далекимъ; ея исторія кажется хотя, можетъ быть, и важною, но неинтересною, какою-то безжизненною.

Въ дѣйствительности она полна живого интереса. Дѣло въ томъ, что „великая классическая старина“—не только „тихій храмъ“; греки не только грезили о прекрасномъ: они жили также и обыденными, прозаическими интересами; они испытали борьбу политическую и соціальную; предъ ними стояли жгучіе вопросы, жизненныя проблемы, сходныя съ тѣми, которыя занимаютъ современное человѣчество,—проблемы „вѣчныя“, и они трудились и волновались надъ ихъ разрѣшеніемъ, не говоря уже о томъ, что они создали *раціональную* науку, пріемы *критическаго изслѣдованія*. Такимъ образомъ, отношеніе античнаго міра къ совре-

менному мы можемъ разсматривать, не только имѣя въ виду, какъ много первый далъ второму, какъ античность отражается въ современности [1]), но и наоборотъ—какъ много въ античномъ мірѣ „*современнаго*“, такого, что̀ считается принадлежностью нашего времени.

Матеріала для знакомства съ этой стороной античной жизни достаточно, частью стараго, давно извѣстнаго, мимо котораго прежде обыкновенно проходили, не замѣчая его или не давая ему должнаго освѣщенія [2]), частью новаго, недавно открытаго въ видѣ надписей и папирусовъ. Я ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами и начну съ греческаго *государства*.

---

[1]) Объ этомъ см. напр. *Mahaffy*, What have the greeks done for modern civilisation? N.-York-Lond. 1909; *P. Cauer*, Das Altertum im Leben der Gegenwart. Leipz 1911 (изъ коллекціи „Aus Natur und Geisteswelt“); *O. Immisch*, Das Erbe der Alten. Sein Wert und Wirkung in der Gegenwart, *Förster*, Das Erbe der Antike. Breslau. 1911 (Festreden); *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, Древній міръ и мы (II т. „Изъ жизни идей“. Спб. 1905).

[2]) Этотъ матеріалъ выдвинутъ въ трудахъ новѣйшихъ ученыхъ, главнымъ образомъ—Эд. Мейера и Пельмана.

I.

Греческое государство—Его нравственныя основы—Понятіе о гражданинѣ—Вопросъ о формахъ правленія—Характеристика демократіи.—Свобода и равенство въ теоріи и на практикѣ

Съ перваго взгляда греческое государство во многомъ отличается отъ современнаго. Его типъ — *государство-городъ*, т. е. городъ съ его ближайшими окрестностями. Небольшая территорія, легко обозримая, считалась какъ бы необходимымъ условіемъ для государства съ обычной точки зрѣнія грека [1]). Аѳинская республика, занимавшая пространство около 40 кв. миль, уже считалась обширною и являлась скорѣе исключеніемъ изъ общаго правила. Какая разница въ сравненіи съ территоріями современныхъ государствъ! Далѣе: греческое государство и общество основывалось въ значительной мѣрѣ на рабствѣ, на рабскомъ

---

[1]) См. напр разсужденія Аристотеля въ „Политикѣ“, VII, 4, p. 1326 a—b (рус. пер.—*С. А. Жебелева*. Спб. 1911 [въ „Трудахъ Спб Философск. Общества“, вып. VII] и М. 1911 [изд. Сабашниковыхъ]).

трудѣ. Впрочемъ не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого явленія. Рабовъ въ античномъ мірѣ не было такъ много [1]), какъ прежде принято было думать. Наряду съ рабами въ Греціи существовали и свободные рабочіе. Въ древности болѣе интенсивное рабское хозяйство только тамъ возникало, гдѣ не хватало дешевыхъ туземныхъ рабочихъ силъ [2]). Рабы были преимущественно изъ варваровъ, и съ точки зрѣнія Аристотеля варваръ и рабъ по природѣ своей понятія тождественныя [3]). Надо также имѣть въ виду, что рабы въ древности замѣняли нынѣшнія машины и оказывали на хозяйственный порядокъ вліяніе, подобное тому, какое теперь оказываетъ машинное производство [4]). Еще Аристотель говорилъ, что если бы каж-

---

[1]) Это доказано Белохомъ и Эд. Мейеромъ См также *Ciccotti*, Il tramonto della schiavitù nel monde antico. Torino. 1899.

[2]) Подтверждается и примѣромъ Египта временъ Птолемеевъ. *Mitteis und Wilcken*, Grundzuge u. Chrestomathie der Papyruskunde. I Bd, Histor. Teil. 1-te Halfte. Grundzüge von *U. Wilcken*. Leipz-Berl 1912, стр 27—28.

[3]) О рабахъ—въ началѣ „Политики“.

[4]) По мнѣнію извѣстнаго знатока исторіи древности *Эд. Мейера*, свободный трудъ—не преемникъ рабства, а, напротивъ, „возникаетъ въ тотъ самый моментъ, когда и рабство начинаетъ выступать въ качествѣ экономически значительнаго фактора оба они одного возраста и представляютъ лишь двѣ различныя конкуррирующія между собою формы, въ которыхъ пытается найти удовлетвореніе одна и та же экономическая потребность,—формы, въ которыхъ выражается одинъ и тотъ же экономическій переворотъ. Капиталъ нуждается въ дешевыхъ и подвижныхъ, освобожденныхъ отъ естественно выросшихъ отношеній патріархальнаго средневѣковаго общества рабочихъ силахъ, которыя старается использовать въ возможно полномъ объемѣ; а правовая форма, въ которой онѣ ему предлагаются, стоитъ экономически на второмъ планѣ“. Э. Мейеръ тутъ усматриваетъ нѣкоторую

дый инструментъ могъ выполнять свойственную ему работу самъ, если бы, напр., ткацкіе челноки сами

аналогію между развитіемъ древности и новаго времени. Эпохой развитія рабства, по его словамъ, была эпоха расцвѣта демократіи, и рабство этого періода вызвано тѣми же причинами, что и свободный трудъ новаго времени: онѣ стоятъ на одной линіи. Вопросъ, по мнѣнію Меиера, не въ томъ, какъ возникло античное рабство, а въ томъ, какъ объяснить, что аналогичное современное развитіе съ XIV—XV стол. не привело на Западѣ къ господству рабства? И Э. Мейеръ отвѣчаетъ, что здѣсь рѣшающее значеніе имѣлъ тотъ моментъ, на которомъ, при всемъ параллелизмѣ, покоится основное отличіе христіано-германскаго развитія отъ античнаго: античное развитіе идетъ отъ изолированности націй и отъ небольшихъ государствъ къ соединенію и окончательному единству, христіанское же средневѣковье начинаетъ съ единства и, не смотря на всѣ разлагающіе элементы, сохранило унаслѣдованную отъ древности идею единства человѣческаго рода, что однако не помѣшало вывозить рабовъ изъ странъ нехристіанскихъ, изъ Африки, и пользоваться ими въ американскихъ колоніяхъ. Стремленіе капитала къ большей прибыли и къ возможно болѣе дешевому труду, по мнѣнію Менера, уравновѣшивается также развитіемъ промышлености и обширнымъ иноземныхъ рынковъ для сбыта. Въ этомъ и заключается спасеніе. Но Э. Мейеръ не считаетъ совершенно невозможнымъ, чтобы въ наше время,—время свободнаго труда,—не повторилось развитіе рабства, подобное тому, какое набюдается въ древности „Римскій капиталъ“, говоритъ онъ, „хватился за рабство, потому что оно уже было готово; еслибъ этой формы не было, онъ кинулся бы искать другой путь, чтобы добыть себѣ необходимыя рабочія силы, а потомъ была бы найдена и соотвѣтствующая правовая форма... Идея ввозить въ Германію китайскихъ кули едва-ли осуществится; но извѣстно, какими массами сельское населеніе стекается въ города; выйдите въ поле гдѣ-нибудь въ Лаузицѣ или Саксоніи и посмотрите, сколько мелкихъ собственниковъ ведутъ здѣсь безнадежную борьбу за существованіе; съ другой стороны, какъ ничтожно въ имѣніяхъ число нѣмецкихъ батраковъ и поденщиковъ, между которыми нѣтъ ни одного крестьянина изъ ближайшихъ поселковъ, такъ какъ трудъ его считается слишкомъ дорогимъ, а притязанія—чрезмѣрными; посмотрите, какъ изъ года въ годъ, лишь только наступаетъ пора

ткали, то тогда не нужны были бы и рабы. А приводя стихъ Гесіода: „домъ прежде всего, супруга затѣмъ, и быкъ-землепашецъ“, онъ поясняетъ, что „у бѣдняковъ быкъ заступаетъ мѣсто раба“.

Но всмотримся ближе въ греческое государство, въ его основы, его задачи, и мы, рядомъ съ отличіями, замѣтимъ много намъ близкаго, сходнаго съ современнымъ правовымъ государствомъ.

Уже древній грекъ искалъ *правды* и *справедливости*. Осуществленія ихъ онъ ждалъ отъ государства: оно—строитель справедливости. Грекъ полагалъ, что если есть правда на землѣ, если есть нравственныя начала, то они должны существовать не только въ душѣ человѣка: они должны найти выраженіе въ общественныхъ отношеніяхъ, въ государственномъ строѣ [1]). Забота о справедливости для государства—все равно, что забота о здоровьѣ для отдѣльнаго человѣка. Для государства необходимы *нравственныя основы*. Оно можетъ существовать только тогда, когда въ немъ господствуетъ право, αἰδώς τε καὶ δίκη,—стыдъ, т. е. совѣсть, нравственное чувство, и справедливость [2]). Для греческаго мыслителя политика, ученіе о госу-

---

полевыхъ работъ, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ начинаютъ высаживаться цѣлыми толпами польскіе рабочіе, расходящіеся потомъ по имѣніямъ,—и вы не въ состояніи будете отдѣлаться отъ подобныхъ мыслей“... См. *Ed. Meyer*, Die Sklaverei in Altertum (теперь перепеч. въ его Kleine Schriften. Halle. 1910); есть рус. перев.

[1]) Кромѣ „Политики“ Аристотеля, см. сочиненія Платона „Государство“, „Законы“, „Горгій“, „Протагоръ“ и др.

[2]) *Hirzel*, Themis, Dike und Verwandtes. Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen. Leipz. 1907, стр. 57.

дарствѣ, составляетъ лишь часть этики. Платонъ развиваетъ мысль о томъ, какъ государство возникаетъ въ силу матеріальныхъ потребностей человѣка, но онъ считаетъ задачей государства и государственныхъ дѣятелей содѣйствіе нравственному совершенствованію человѣка: только въ государствѣ человѣкъ можетъ развить свои лучшія стремленія и качества, и государство должно имѣть въ виду общее благо, а не благо одного сословія. По Аристотелю, всякое государство—продуктъ естественнаго процесса, естественнаго развитія, и человѣкъ по природѣ своей—существо политическое. Государство возникаетъ ради потребностей жизни, для достиженія самодовлѣющаго существованія. Но этого мало: цѣлью его служитъ *благая жизнь;* государство создается не только для того, чтобы люди могли жить, но и для того, чтобы они могли жить *счастливо* и *прекрасно.*

Съ понятіемъ о греческомъ государствѣ неразрывно связано понятіе о греческомъ *гражданинѣ.*

Бѣлинскій писалъ Боткину: „...Обаятеленъ міръ древности. Въ его жизни зерно всего великаго, благороднаго, доблестнаго, потому что основа его жизни—гордость личности, неприкосновенность личнаго достоинства“ [1]). Обыкновенно думаютъ, что высокое понятіе о *чести* развилось въ западно-европейскомъ средневѣковомъ обществѣ, въ эпоху рыцарства. Но вотъ что читаемъ мы у Ксенофонта [2]). Въ его діалогѣ „Гіе-

[1]) О воззрѣніяхъ Бѣлинскаго на античный міръ—ст. *В. Р. Лобанова* въ „Гермесѣ“, 1911, № 7—9.

[2]) См. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, Трагедія чести („Вѣстн. Евр.“, 1911, сент., стр. 131).

ронъ“ поэтъ Симонидъ говоритъ: „Великое дѣло—честь! Въ стремленіи къ ней люди всякій трудъ берутъ на себя, ни передъ какой опасностью не отступаютъ. И мнѣ думается, что именно этимъ мужъ отличается отъ прочихъ живыхъ существъ—своимъ стремленіемъ къ чести. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ ѣда, питье, сонъ, любовныя утѣхи — всѣмъ этимъ... одинаково наслаждаются всѣ твари; любовь же къ чести не врождена ни безсловеснымъ животнымъ, ни даже всѣмъ людямъ. А тѣ, въ кого природа вселила жажду къ чести и хвалѣ,—это именно тѣ, которые болѣе всего возвышаются надъ животными и заслуживаютъ имени уже не просто людей, а именно мужей“. Греки ставили человѣческую личность чрезвычайно высоко [1]). Вспомнимъ титаническій образъ Прометея, борца за человѣчество, за его прогрессъ,—борца, „пріявшаго муку за высшія стремленія духа“, или слова хора у Софокла [2]):

„Въ мірѣ много силъ великихъ,
Но сильнѣе человѣка
Нѣтъ въ природѣ ничего..
. . . . . .
Создалъ рѣчь и вольной мыслью
Овладѣлъ, подобной вѣтру,
И законы начерталъ“.

При такомъ міровоззрѣніи грекъ въ государствѣ не могъ снизойти до уровня безгласнаго подданнаго-раба, какъ было напр. на Востокѣ. Необходимая принад-

[1]) Это, какъ извѣстно, не мѣшало имъ признавать рабство и имѣть рабовъ,—впрочемъ, большею частью изъ „варваровъ“.

[2]) „Антигона“, пер. Д. С. Мережковскаго, стр. 18—19.

лежность греческаго *гражданина*—участіе въ управленіи. По Аристотелю, гражданинъ—тотъ, кто можетъ быть судьею и должностнымъ лицомъ, кто участвуетъ въ судѣ и въ народномъ собраніи. До извѣстной степени признавалась неприкосновенность личности гражданина; по крайней мѣрѣ въ Аѳинахъ члены совѣта пятисотъ, главнаго административнаго органа, при вступленіи въ должность давали клятву, въ которой они между прочимъ обязывались не заключать въ тюрьму ни одного аѳинянина, если онъ представитъ трехъ поручителей (за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ случаевъ). Французскій ученый Glotz, одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ древне-греческаго права, называетъ это обязательство — конечно, не безъ преувеличенія — „Habeas corpus аѳинскаго права“ [1]). „Эллину свойственна свобода“, могъ съ гордостью заявить грекъ (τὸ Ἑλληνικὸν ἐλεύθερον).

По Солонову закону каждый имѣлъ право заступиться за обижаемаго. По Демокриту власти избираются для того, чтобы творить благо, а не зло. Идея раздѣленія властей, развитая Монтескьё, извѣстна была уже грекамъ: мы ее встрѣчаемъ у Аристотеля, который въ своей „Политикѣ“ говоритъ о трехъ властяхъ—законодательной (или, какъ онъ ее называетъ, законосовѣщательной), административной и судебной. Во всякомъ государственномъ строѣ, по его словамъ, есть эти три элемента, составляющіе основу каждой изъ формъ правленія. Отъ соотношенія ихъ зависитъ

[1]) Etudes sociales et juridiques sur l'antiquité grecque. P. 1906, стр. 128.

благосостояніе государства; да и самое различіе отдѣльныхъ формъ государственнаго строя обусловлено различной организаціей каждаго изъ этихъ элементовъ [1]).

Что касается формъ правленія, то монархія и республики—аристократическія, олигархическія и разнаго вида демократическія—были извѣстны грекамъ (самыя названія этихъ формъ—греческія). Правда, *конституціонныхъ* монархій современнаго типа древній міръ не зналъ, а современныя обширныя демократіи значительно отличаются отъ греческихъ прямыхъ, непосредственныхъ народоправствъ (большую аналогію послѣднимъ мы, впрочемъ, встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ). Но идея представительства—и притомъ пропорціональнаго—не была совершенно чужда античному міру, какъ думали раньше. Въ этомъ отношеніи интересна организація совѣта пятисотъ въ Аѳинахъ со времени реформы Клисѳена: каждый демъ, т. е. волость Аттики, имѣлъ здѣсь своихъ представителей; число ихъ было пропорціонально значенію дема, его величинѣ, количеству его населенія. Совѣтъ, такимъ образомъ, представлялъ собой весь демосъ Аттики, и Headlam называетъ его mikropolis'омъ.

Даже столь характерное явленіе въ Греціи VII—VI в. до Р. Х. (а въ Сициліи и позже), какъ тираннія, находитъ себѣ полную аналогію въ Италіи конца среднихъ вѣковъ и начала новыхъ, въ эпоху Возрожденія. Итальянскіе тираннъ этого времени во многомъ напоминаютъ греческихъ. Самыя условія, окружавшія

[1]) IV, 11, 1 сл., p. 1298 a 1 сл.

тѣхъ и другихъ, въ значительной мѣрѣ сходны [1]). Какъ въ Греціи, такъ и въ Италіи то была пора развитія городской жизни, торговли, богатства, городского класса [2]); то былъ вѣкъ новеллъ и меценатства. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Греціи, Гольмъ, называетъ Гиппарха, сына аѳинскаго тиранна Писистрата, „Лаврентіемъ Великолѣпнымъ древности". Извѣстно, что у Макіавелли, въ его трактатѣ „О государѣ", есть немало совпаденій съ тѣми мѣстами Аристотелевой „Политики", гдѣ рѣчь идетъ о тиранніи. Мало того: аналогію древней тиранніи представляетъ и новѣйшій цезаризмъ во Франціи въ XIX в. Когда Аристотель говоритъ о тираннѣ или, какъ мы теперь сказали бы, объ „узурпаторѣ", о томъ, какими средствами онъ поддерживаетъ свою власть [3]), и отмѣчаетъ обычный способъ дѣйствій тирановъ: устраненіе выдающихся, независимыхъ личностей, стараніе все вывѣдать, развитіе шпіонства, недозволеніе общественныхъ организацій и школъ, стремленіе подавить солидарность, чтобы всѣ оставались чужими другъ другу, вселить въ гражданъ взаимное недовѣріе, малодушіе, чтобы лишить ихъ политической энергіи, веденіе войнъ, чтобы подданные были заняты и нуждались въ сильной власти, или когда Аристотель изображаетъ противоположный способъ дѣйствій тиранна—стараніе носить обликъ правителя, пекущагося объ интересахъ массы и т. д.,

[1]) *Pohlmann*, Die Entstehung des Cäsarismus (въ сборн. „Aus Altertum und Gegenwart". Munchen. 1895; есть 2-е изд.).

[2]) Еще Ѳукидидъ отмѣтилъ (I, 13), что тиранніа въ Греціи появилась благодаря развитію торговли и богатства.

[3]) „Политика", V, 9, 2 сл., 1313 и сл.

то кажется, какъ будто древній философъ предначертываетъ программу и тактику Наполеона III.

Вопросъ о формахъ правленія, достоинствахъ и недостаткахъ каждой изъ нихъ занималъ и грековъ. Уже у Геродота [1]) мы встрѣчаемъ разсужденіе на эту тему, вложенное, правда, въ уста персидскихъ вельможъ; но ясно, что это—разсужденія не персовъ, а грековъ. Семь знатныхъ персовъ совѣщаются, какую форму правленія установить послѣ удавшагося имъ ниспроверженія владычества маговъ. Одинъ доказываетъ, что никому изъ нихъ не слѣдуетъ быть монархомъ; это и непріятно, и нехорошо. Можно опасаться своеволія царя; да и какимъ образомъ государство можетъ быть благоустроеннымъ при монархіи, когда одному дозволяется дѣлать безотвѣтственно все, что угодно? Даже самый лучшій человѣкъ не сохранитъ привычнаго ему настроенія: все окружающее ведетъ его къ своеволію, а чувство зависти и безъ того врождено человѣку. Хотя лицу, облеченному монархическою властью, слѣдовало бы быть свободнымъ отъ зависти, такъ какъ оно обладаетъ всѣми благами, однако монархъ завидуетъ лучшимъ гражданамъ, покровительствуетъ негоднѣйшимъ и болѣе всего вѣритъ клеветѣ. Угодить ему чрезвычайно трудно: если восхищаться имъ умѣренно, онъ недоволенъ, почему не чтишь его чрезмѣрно; если оказываешь ему чрезмѣрныя почести, онъ недоволенъ тобою, какъ льстецомъ, и т. д. Этотъ персъ стоитъ за демократію, такъ какъ,

[1]) III, 80 сл.

во-первыхъ, она носитъ прекраснѣйшее названіе—*исономіи* (равноправія); во-вторыхъ, должностныя лица въ ней избираются по жребію и отвѣтственны; все предоставляется рѣшенію народа. Другой персъ, соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ о монархіи, возражаетъ однако противъ демократіи: нѣтъ ничего безсмысленнѣе и наглѣе негодной толпы, и невозможно, избавляя себя отъ своеволія тиранна, отдавать себя своеволію необузданной массы. Тираннъ, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ со смысломъ то, что̀ дѣлаетъ, а у народа нѣтъ смысла; да и какой смыслъ можетъ быть у того, кто ничему доброму не учился и безъ толку накидывается на дѣла, подобно бурному потоку? Демократію могутъ предлагать только тѣ, кто желаетъ зла персамъ; онъ же рекомендуетъ олигархію, ибо отъ лучшихъ людей надо ожидать и лучшихъ рѣшеній. Третій персъ, къ мнѣнію котораго присоединились и остальные четверо, отдаетъ предпочтеніе монархіи, ибо не можетъ быть ничего лучше единодержавія наилучшаго человѣка. Руководимый лучшими намѣреніями, онъ будетъ править безупречно; кромѣ того, вѣрнѣе сохранятся въ тайнѣ рѣшенія, касающіяся внѣшнихъ враговъ. При олигархіи возникаютъ обыкновенно ожесточенныя распри между правителями, а при демократіи проникаетъ всюду порочность: дурные люди не враждуютъ между собою, а вступаютъ въ тѣсный союзъ, дѣлаютъ свое дѣло сообща, сговорившись. Монархія—не только лучшая форма правленія, но она лучше обезпечиваетъ и свободу.

Пренія о формѣ правленія мы находимъ и въ греческой поэзіи, напр. у Еврипида, въ его пьесѣ: „Про-

сительницы". Изъ Θивъ въ Аѳины является вѣстникъ и спрашиваетъ, гдѣ царь. Тезей на это отвѣчаетъ: „Ты ошибся съ перваго же слова; здѣсь нѣтъ единаго властителя; это—свободное государство; народъ самъ правитъ посредствомъ ежегодно смѣняющихся выборныхъ лицъ; богатому не дается преимуществъ и бѣдный имѣетъ равныя права". Тогда вѣстникъ съ гордостью заявляетъ: „Государство, отъ котораго я явился, управляется однимъ человѣкомъ, а не толпой. Нѣтъ въ немъ никого, кто, обманывая рѣчами, вертѣлъ бы государствомъ такъ и сякъ, сообразно своей частной выгодѣ... Да и какъ можетъ хорошо править государствомъ народъ, который не въ состояніи разобраться въ словахъ? Для этого надо время, а бѣднякъ-земледѣлецъ занятъ своими дѣлами. Вредно для лучшихъ гражданъ, когда дурной человѣкъ, не будучи раньше ничѣмъ, держитъ въ рукахъ демосъ, благодаря своему языку". Слѣдуетъ опять возраженіе Тезея. Для государства—говоритъ онъ,—нѣтъ ничего ужаснѣе тиранна. Гдѣ тираннъ, тамъ, прежде всего, нѣтъ общихъ для всѣхъ законовъ; тамъ царитъ воля одного, получившаго законъ самъ отъ себя, а это не есть равенство. При писанныхъ же законахъ и бѣдный, и богатый имѣютъ равныя права, и слабый беретъ верхъ, если дѣло его право. Каждому желающему дать государству полезный совѣтъ предоставляется къ тому полная возможность. Гдѣ демосъ властелинъ, тамъ радуются, видя, какъ растетъ число молодыхъ гражданъ. Царь же считаетъ ихъ за враговъ и лучшихъ изъ нихъ умерщвляетъ, боясь за свою тираннію. Можетъ ли быть сильнымъ

государство, когда смѣлая молодежь, какъ весенніе колосья на нивѣ, подкашивается и истребляется?.. [1]).

У Θукидида Алкивіадъ называетъ демократію „общепризнаннымъ безуміемъ“ (VI, 89). Вообще съ конца V в. въ политической литературѣ грековъ, довольно обширной, изъ которой до насъ дошло далеко не все, преобладаетъ отрицательное отношеніе къ демократіи. Есть, напр., олигархическій памфлетъ — такъ назыв. „Псевдо-Ксенофонтова Аѳинская Политія“, — проникнутый непримиримою ненавистью къ демосу и аѳинской демократіи и въ то же время сознаніемъ удивительной цѣлесообразности, съ которою построена эта демократія, органической связи между разными ея сторонами, состояніемъ общества, учрежденіями и общимъ направленіемъ политики. Авторъ этого памфлета неизвѣстенъ [2]). Въ отношеніи характеристики аѳинской демократіи и взглядовъ олигарха произведеніе это чрезвычайно интересно.

Авторъ не одобряетъ выбранной аѳинянами формы правленія, такъ какъ при этой формѣ у нихъ „дурные“ граждане оказываются въ лучшемъ положеніи, нежели „хорошіе“, „благородные“ („дурной“ у автора синонимъ человѣка бѣднаго и низкаго происхожденія,

[1]) *Д. Θ. Бѣляевъ*, Воззрѣнія Еврипида... („Журн. Мин. Нар. Просв“, 1882, окт., стр. 401 — 404); моя „Ист. аѳинск демокр.“, Спб. 1909, стр. 299—300.

[2]) Его авторомъ считаютъ то Критія, то Фриниха, извѣстнаго олигархическаго дѣятеля 411 г., то, наконецъ, Алкивіада или Θукидида Алопекскаго, политическаго противника Перикла. Критическое изслѣдованіе объ этомъ памятникѣ, его текстъ и комментарій—А. Н. Шварца (М. 1891). Ср. мое „Введеніе въ исторію Греціи“. Харьк. 1904 (2-е изд.), стр. 141 сл.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

„хорошій“ — синонимъ знатнаго и богатаго). Но разъ они ее выбрали, нужно сознаться, говоритъ онъ, что они прекрасно поддерживаютъ ее и вообще поступаютъ цѣлесообразно. Если прочіе греки думаютъ, что аѳиняне заблуждаются и дѣлаютъ грубыя ошибки, то это неосновательно, что̀ и намѣренъ авторъ показать въ своемъ трактатѣ. Такъ, если въ Аѳинахъ бѣдные и демосъ пользуются большими преимуществами по сравненію съ знатными и богатыми, то потому, что именно демосъ гонитъ корабли и доставляетъ силу государству. Поэтому кажется справедливымъ, чтобы всѣ имѣли доступъ къ должностямъ и право разсуждать о государственныхъ дѣлахъ. Къ военнымъ должностямъ демосъ, впрочемъ, и не стремится; онъ сознаетъ, что полезнѣе, если не самъ онъ будетъ занимать эти должности, а допускать къ нимъ болѣе состоятельныхъ; онъ стремится къ тѣмъ, которыя связаны съ жалованьемъ и выгодны въ хозяйственномъ отношеніи. Далѣе, если преимущество отдается „дурнымъ“, бѣднымъ и вообще людямъ изъ народа, то этимъ самымъ поддерживается демократія: такіе люди содѣйствуютъ росту демократіи; если же было бы хорошо знатнымъ и богатымъ, то демократы усилили бы враждебный имъ самимъ элементъ. Повсюду, въ каждой странѣ, „лучшіе“ — противники демократіи: у нихъ меньше всего необузданности, несправедливости и больше стремленія къ благородному; у народа же — больше всего невѣжества, безпорядка, низости; ибо бѣдность доводитъ до постыдныхъ дѣлъ и вслѣдствіе недостатка средствъ является невѣжество и невоспитанность. Можно было бы возразить, что слѣ-

довало бы позволять говорить въ народномъ собраніи и участвовать въ совѣтѣ не всѣмъ, а только болѣе опытнымъ и „лучшимъ“. Но, замѣчаетъ на это авторъ, въ такомъ случаѣ было бы хорошо лишь „благороднымъ“, а демократамъ—плохо; теперь же всякій „дурной“, желающій говорить, изыскиваетъ хорошее и себѣ самому, и себѣ подобнымъ. Скажутъ, какъ можетъ такой человѣкъ знать, что̀ хорошо ему и демосу? Но демократы сознаютъ, что его невѣжество и низость при благожелательности окажется полезнѣе, чѣмъ доблесть и мудрость „хорошаго“ при зложелательности. Конечно, государство съ такими порядками, продолжаетъ авторъ, не можетъ быть самымъ лучшимъ, но демократія такъ лучше всего поддерживается. Ибо демосъ вовсе не желаетъ быть рабомъ при хорошемъ строѣ. онъ желаетъ быть свободнымъ и властвовать; до дурныхъ же порядковъ ему нѣтъ дѣла. То, что̀ считаютъ нехорошими порядками, именно и даетъ демосу силу и свободу. Если искать хорошаго строя, то его можно видѣть тамъ, гдѣ самые опытные люди даютъ законы, благородные будутъ наказывать дурныхъ, будутъ давать совѣты по государственнымъ дѣламъ и не позволятъ, чтобы „сумасшедшіе люди“ участвовали въ совѣтѣ и въ народномъ собраніи и говорили рѣчи. Но при такихъ хорошихъ порядкахъ народъ однако очень скоро впалъ бы въ рабство... Расходы по снаряженію кораблей, поставкѣ хоровъ и т. п. въ Аѳинахъ несутъ богатые; народъ же считаетъ справедливымъ получать плату за то, что онъ поетъ, состязается въ бѣгѣ, пляшетъ, плаваетъ... Что касается союзниковъ, то лица,

являющіяся къ нимъ на корабляхъ, доносятъ въ Аѳины на „хорошихъ“ изъ нихъ и ненавидятъ таковыхъ, полагая, что властвующій непремѣнно долженъ быть ненавидимъ подвластнымъ. И если въ союзныхъ городахъ получили бы силу богатые и „хорошіе“, то владычество аѳинскаго демоса держалось бы очень недолго. Вслѣдствіе этого „хорошихъ“ среди союзниковъ аѳиняне лишаютъ чести, отымаютъ у нихъ имущество, изгоняютъ и убиваютъ, „дурныхъ“ же возвышаютъ. „Хорошіе“ среди аѳинянъ поддерживаютъ „хорошихъ“ въ союзныхъ городахъ, зная, что для нихъ всегда полезнѣе поддерживать „лучшихъ“... Авторъ утверждаетъ, что аѳинскій народъ знаетъ, какіе граждане „хорошіе“ и какіе „дурные“, но онъ любитъ тѣхъ, кто ему близки и полезны, хотя бы то были и дурные, а „хорошихъ“ ненавидитъ тѣмъ сильнѣе, что, по его мнѣнію, у этихъ хорошихъ доблесть направлена не на добро, а на зло по отношенію къ демосу. Олигархъ этотъ прощаетъ демосу его демократію, ибо „простительно каждому благодѣтельствовать самому себѣ“; но если кто не изъ народа предпочитаетъ жить въ демократическомъ государствѣ, а не въ олигархическомъ, тотъ въ его глазахъ завѣдомо готовится совершать несправедливость, разсчитывая, что въ демократическомъ государствѣ дурному укрыться легче, чѣмъ въ олигархическомъ. Итакъ, повторяетъ авторъ, онъ не одобряетъ образа правленія Аѳинскаго государства, но разъ аѳиняне рѣшили управляться демократически, они, по его мнѣнію, умѣютъ хорошо поддерживать демократію: въ Аѳинахъ нельзя иначе вести дѣла, чѣмъ такъ, какъ они ведутся; можно

слегка что-либо убавить или прибавить, но многаго нельзя трогать, не разрушая вмѣстѣ съ тѣмъ демократіи. Можно многое придумать, чтобы государственный строй былъ лучше; но чтобы существовала демократія и вмѣстѣ правленіе было лучше, это придумать нелегко...

Таково общее содержаніе (детали, касающіяся собственно Аѳинъ, мы пропускаемъ) „Псевдо-Ксенофонтовой Политіи“, небольшого, но во многихъ отношеніяхъ любопытнаго произведенія, являющагося первымъ дошедшимъ до насъ политическимъ памфлетомъ. Что касается Ксенофонта, то онъ преклонялся предъ Спартой и обнаруживалъ монархическія симпатіи. Въ своей „Киропедіи“ онъ идеализируетъ монарха въ образѣ Кира; хорошій правитель, по его словамъ, это — „одаренный зрѣніемъ законъ“; идеальнаго царя Ксенофонтъ представляетъ себѣ пастухомъ, а подданныхъ — стадомъ...

Аристотель, какъ извѣстно, не сочувствовалъ демократіи, въ крайнемъ ея видѣ, гдѣ преобладаетъ „корабельная чернь“, гдѣ масса непосредственно участвуетъ въ управленіи, гдѣ господствуютъ демагоги [1]), хотя онъ и допускалъ, что въ большихъ городахъ его времени трудно быть другой формѣ правленія, кромѣ демократіи, и что демократія прочнѣе, менѣе подвержена переворотамъ, нежели олигархія. Впрочемъ, Аристотель не придавалъ рѣшающаго значенія формѣ правленія; тѣ формы, по его мнѣнію, хороши, которыя имѣютъ

[1]) Ср. ниже замѣчанія Аристотеля по поводу преобладанія псефизмъ (декретовъ) и демагоговъ.

въ виду общее благо, а не только выгоду правителей. Такія формы онъ называлъ „правильными“ и насчитывалъ ихъ три—монархія, аристократія, т. е. господство „лучшихъ“, и такъ называемая „политія“, а къ неправильнымъ или „извращеннымъ“ относилъ тиранію, олигархію и демократію. Изъ нихъ, по его мнѣнію, тираннія — худшая; демократія же и олигархія могутъ быть сносными, если онѣ лишь немного уклоняются отъ лучшей формы; если же основной элементъ политическаго устройства ихъ развить еще болѣе и уклоненіе довести до крайности, то строй сдѣлается хуже и даже вовсе не будетъ никакого государственнаго порядка. Если масса принимаетъ непосредственное участіе въ управленіи, то возникаетъ крайній видъ демократіи — демократія деспотическая. Лучшая демократія—та, гдѣ демосъ земледѣльческій, ибо такой демосъ не имѣетъ времени часто сходиться въ народное собраніе. Вообще Аристотель сторонникъ середины,—строя, въ которомъ преобладаетъ средній классъ, эта лучшая основа государства и опора государственнаго порядка. Въ теоріи онъ готовъ признать самою лучшею формою монархію, но лишь какъ исключительное явленіе, въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ стоитъ неизмѣримо выше остальныхъ. А этого—замѣчаетъ Аристотель,—теперь въ дѣйствительности не встрѣчается: человѣчество слишкомъ двинулось впередъ, чтобы одинъ кто-либо могъ казаться какъ бы богомъ среди другихъ. У народа свободнаго, гдѣ всѣ равны, монархія невозможна; но народъ, стоящій на низкой ступени и неспособный къ самоуправленію, можетъ нуждаться въ

господинѣ. Сравнительно лучшею формою правленія, соотвѣтствующею условіямъ дѣйствительности, Аристотель считалъ „политію“—смѣшеніе началъ олигархическихъ и демократическихъ, съ преобладаніемъ послѣднихъ. Своего идеала государства Аристотель въ „Политикѣ“ не начерталъ въ полномъ, законченномъ видѣ: текстъ здѣсь прерывается, такъ что очеркъ идеальнаго строя остается обрывкомъ.

Зато Платонъ подробно рисуетъ свой политическій и общественный идеалъ въ знаменитомъ своемъ произведеніи: „Государство“ (или „Политія“). Греческихъ мыслителей не удовлетворяли окружавшая ихъ дѣйствительность, существовавшія государственныя и общественныя формы. И вотъ Платонъ создаетъ свой идеалъ государства, котораго, по его собственнымъ словамъ, нѣтъ на землѣ: его образъ находится, можетъ быть, на небѣ; онъ можетъ существовать у боговъ и сыновъ божьихъ. Государствомъ этимъ правятъ философы; оберегаютъ его стражи, воины, а остальное населеніе—ремесленники и земледѣльцы—содержитъ два высшихъ класса. Основано оно на коммунизмѣ, обязательномъ для правителей и стражей, которые не имѣютъ частной собственности: у нихъ все общее, даже жены и дѣти.

Какъ ни утопиченъ, казалось бы, этотъ идеалъ Платона, но и здѣсь можно видѣть приближеніе къ послѣдующей дѣйствительности. Прежде всего, Платоновъ коммунизмъ можетъ напомнить современныя коммунистическія и соціалистическія стремленія, хотя тутъ есть и значительная разница: коммунизмъ у Платона вводится только по отношенію къ двумъ высшимъ клас-

самъ; остальное же населеніе, работая и содержа эти классы, является въ сущности порабощеннымъ; во-вторыхъ, жизнь высшихъ классовъ, правителей и стражей, такъ обставлена, что ихъ коммунизмъ — не столько общее право каждаго на пользованіе земными благами, сколько общее отреченіе отъ этихъ благъ [1]). Затѣмъ, въ Платоновомъ „Государствѣ“ видятъ предвѣстника христіанской западной средневѣковой теократіи: съ классомъ философовъ-правителей Платоновой республики сопоставляютъ всевластное духовенство католической церкви, съ классомъ стражей или воиновъ — свѣтское, рыцарское сословіе, которое, подобно воинамъ у Платона, сражается за „міръ Божій“, считая себя призваннымъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать божественный порядокъ противъ враждебныхъ ему стихій, еретиковъ и невѣрныхъ; низшему Платонову классу соотвѣтствуютъ средневѣковые крѣпостные, своимъ трудомъ обезпечивающіе содержаніе высшихъ, свободныхъ классовъ. А въ требованіи Платона, чтобы правители и стражи отказались отъ семьи и собственности, видятъ предвѣстіе средневѣковаго и вообще христіанскаго монастырскаго идеала [2]). Иногда—особенно нѣмецкіе ученые—заходятъ такъ далеко, что Платоновыхъ правителей и стражей сравниваютъ даже съ современными чиновниками, на государственной службѣ получающими

---

[1]) *Виндельбандъ*, Платонъ. Спб. 1900, стр. 171 (перев.); *Gomperz*, Griechische Denker, II, 403.

[2]) Кн. *Е. Н. Трубецкой*, Политич идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историч. значеніи („Вопр философіи и психологіи“, 1890, кн. 4).

жалованье, и съ постояннымъ войскомъ или корпусомъ офицеровъ: извѣстный знатокъ древней греческой философіи Zeller говоритъ напр., что новое время другими способами и по инымъ мотивамъ вызвало къ жизни то, что отчасти проектировалъ Платонъ,—„аристократію научно-образованнаго сословія чиновниковъ и офицеровъ“ [1]). А государству, которое описалъ Платонъ, на старости лѣтъ, въ своихъ „Законахъ“ и которое онъ считалъ болѣе осуществимымъ,—государству на религіозно-полицейскихъ основахъ, неподвижному и косному, гдѣ все регламентировано до мелочей и гдѣ смертная казнь грозитъ за критику установленнаго, находятъ параллель въ той организаціи, которую создали іезуиты въ Парагваѣ (въ XVII—XVIII ст.).

На изображеніи капитализма и плутократіи у Платона мы остановимся потомъ, а теперь приведемъ характеристику демократіи у него. Характеристика эта отличается особенною яркостью и образностью и отмѣчаетъ такія черты, которыя знакомы намъ и по современной дѣйствительности: читая ее, можно подумать, что Платонъ даетъ изображеніе нѣкоторыхъ современныхъ явленій, а не далекаго прошлаго [2]). Въ демократіи, говоритъ онъ, всѣ пользуются полною свободой; каждый можетъ дѣлать все, что хочетъ. Здѣсь типы людей — самые разнообразные. Демократія кажется прекраснѣйшею формою правленія: она подобна

---

[1]) См. его „Philosophie der Griechen“ и особый трактатъ „Der platonische Staat in seiner Bedeutung für die Folgezeit“.

[2]) См *Кн. Е. Н. Трубецкой*, Древній философъ на современныя темы („Московск. Еженедѣльникъ“, 1907, № 16).

пестрому платью, изукрашенному всевозможными цвѣтами. Она заключаетъ въ себѣ всѣ роды правленія. Если желаешь управлять, ненужно для этого способностей или подготовки; нѣтъ надобности быть подвластнымъ, если не хочешь подчиняться, ни воевать, когда другіе воюютъ, ни заключать миръ, когда другіе его заключаютъ. Если законъ устраняетъ тебя отъ участія въ судѣ и въ управленіи, ты все-таки можешь, когда тебѣ угодно, судить и управлять. Люди, приговоренные къ смерти или къ изгнанію, тѣмъ не менѣе живутъ и ходятъ открыто, выступаютъ героями, и никто не заботится объ этомъ. Тутъ все можно попирать ногами, лишь бы ладить съ народомъ. Это—образъ правленія пріятный, анархическій и пестрый, предоставляющій равенство равнымъ и неравнымъ. Всѣ понятія извращены. Наглость, своеволіе, распутство и безчинство восхваляются и называются прекраснѣйшими именами: наглость—образованностью, своеволіе — свободой, распутство—великолѣпіемъ, безстыдство —мужествомъ. Демократическій типъ—это пестрый человѣкъ; нѣтъ въ его жизни ни порядка, ни закона. Демократія вырождается въ тираннію. Ее губитъ ненасытная жажда свободы, подобно тому, какъ олигархію [1]) губитъ ненасытная жажда богатства. Демократическое государство, горя жаждою свободы, попадаетъ въ руки дурныхъ виночерпіевъ; оно упивается несмѣшанною свободою и возстаетъ противъ властей, обвиняя ихъ какъ преступниковъ и олигарховъ, а тѣхъ, кто повинуется властямъ, презираетъ какъ рабовъ и людей ничего не

[1]) Олигархія у Платона есть, въ сущности, плутократія.

стоющихъ; тѣхъ же, кто равняетъ правителей съ управляемыми и управляемыхъ съ правителями, оно прославляетъ и удостоиваетъ почестей. Въ демократіи свобода проникаетъ и въ частную жизнь. Отецъ тутъ равняется съ сыномъ и боится его, а сынъ равняется съ отцомъ, не стыдится и не боится родителей, чтобы быть свободнымъ. Учитель боится учениковъ и льститъ имъ, а ученики презираютъ учителей и педагоговъ. Молодые состязаются со стариками, а старики, особенно вѣжливы и ласковы къ нимъ, чтобы не показаться людьми суровыми и деспотичными. Между мужчинами и женщинами здѣсь равенство. Даже животныя въ такомъ государствѣ чувствуютъ себя гораздо свободнѣе; и собаки тамъ бываютъ таковы, каковы ихъ господа, а ослы и лошади привыкаютъ ходить свободно и важно, сталкивая тѣхъ, кто не посторонится. Какъ нѣжны здѣсь граждане! Малѣйшій намекъ на рабство ихъ раздражаетъ, они не могутъ этого терпѣть. Они не обращаютъ вниманія на законы писанные и неписанные, чтобы никто и никакъ не былъ ихъ господиномъ. Но одна крайность вызываетъ другую, противоположную. Такъ бываетъ въ природѣ, такъ и въ государственномъ строѣ. Излишняя свобода приводитъ къ рабству. Изъ демократіи возникаетъ тираннія, изъ крайней свободы — величайшее и жесточайшее рабство. Демосъ, убѣгая отъ дыма рабства, попадаетъ въ огонь деспотіи и вмѣсто излишней и неумѣстной свободы облекается въ тягчайшее и горькое рабство [1])... Въ глазахъ Платона, современное ему го-

[1]) „Государство“, кн. VIII, p. 557 сл.; кн. *Е. Н. Трубецкой*,

сударство — корабль, на которомъ пассажиры спорятъ за власть, каждый знающій и незнающій считаетъ себя призваннымъ управлять кораблемъ, каждый хватается за руль, а знающаго и способнаго кормчаго выбрасываютъ за бортъ.

Такова демократія IV в. до Р. Х. въ изображеніи ея принципіальнаго противника. Въ иномъ видѣ рисуется аѳинская демократія V в. въ знаменитой рѣчи Перикла надъ павшими въ бою воинами, въ первый годъ Пелопоннесской войны. Наше государственное устройство — говоритъ Периклъ [1]), — называется демократіей, такъ какъ основывается не на меньшинствѣ, а на большинствѣ; по законамъ у насъ у всѣхъ равныя права, а что касается уваженія, то каждый пользуется въ государственной дѣятельности большимъ почетомъ не въ силу принадлежности къ извѣстному классу, а по доблести, по способностямъ. Даже бѣдняку невидность положенія не препятствуетъ служить государству, если онъ на то способенъ... Мы свободно правимъ государствомъ и мы не питаемъ подозрительности другъ къ другу, не нарушаемъ законовъ изъ благоговѣйнаго страха, повинуемся властямъ и законамъ, особенно тѣмъ, которые установлены въ защиту слабыхъ, обижаемыхъ, и, не будучи писанными, навлекаютъ на нарушителя позоръ въ общественномъ мнѣніи... Мы любимъ прекрасное, соединенное съ простотой; любимъ образованіе, не впадая въ изнѣженность.

Соціальн. утопія Платона („Вопр. философіи и психологіи“, 1908, кн 1—2); моя „Ист. аѳ. демокр.“ стр. 428 сл.

[1]) Ѳукид, II, 36 сл.

Бѣдность въ нашихъ глазахъ не постыдна; постыдно не выбиваться изъ нея трудомъ, и безполезенъ тотъ, кто не принимаетъ участія въ государственной дѣятельности. Мы взвѣшиваемъ и рѣшаемъ дѣла, прежде чѣмъ приступить къ исполненію, ибо не считаемъ слово вредомъ для дѣла, а наоборотъ—полагаемъ, что больше вреда, если не посовѣтоваться предварительно... Весь городъ нашъ—школа Эллады, и въ отдѣльности каждый у насъ можетъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ дѣятельности представить собою личность самодовлѣющую, исполняющую все въ высшей степени искусно и съ граціей.

Вотъ какія черты аѳинской демократіи выдвигаетъ Периклъ или говорящій его устами историкъ Ѳукидидъ. Пусть это только идеалъ, но важно, что такой идеалъ одушевлялъ лучшихъ вождей аѳинскаго народа. Онъ понятенъ, дорогъ, и для людей XIX—XX в.; онъ кажется намъ чѣмъ-то роднымъ. По выраженію Виламовица, на первое государство, которое основалось на свободѣ и гражданскомъ долгѣ, міръ долженъ смотрѣть съ благоговѣніемъ, пока онъ самъ признаетъ эти основы [1]). Наиболѣе характерными и дорогими въ глазахъ аѳинянъ чертами ихъ демократіи являлись *исономія* и *исегорія*, равенство передъ закономъ, равноправіе, и равенство голоса, равное право на свободу рѣчи и на участіе въ политической жизни. Это—тѣ же завѣтныя слова, что̀ для новѣйшаго времени „свобода“ и „равенство“, liberté и égalité.

[1]) Staat und Gesellschaft der Griechen. Berl.-Leipz. 1910, стр. 3 (въ коллекціи Die Kultur der Gegenwart).

Но, какъ и въ современной жизни, идеалъ не совпадалъ съ дѣйствительностью. Не говоря уже о рабахъ, свободными и полноправными въ Аѳинахъ считались только граждане; метэки — чужеземцы и ихъ потомки, поселившіеся въ Аттикѣ, были лично свободны, но не имѣли права гражданства, да и аѳинская женщина была не полноправна. Въ средѣ самихъ гражданъ, помимо имущественнаго неравенства, которое въ демократіи, быть можетъ, давало себя чувствовать съ особой силой, существовало неравенство профессій, занятій, неравенство положеній на общественной лѣстницѣ. Не смотря на весь демократизмъ Аѳинъ, тамъ все же имѣли большое значеніе знатность и богатство. Въ стратеги, напр., избирали сплошь и рядомъ лицъ болѣе или менѣе знатныхъ и состоятельныхъ, избирали даже Никія, несмотря на его консерватизмъ и посредственность. Въ глазахъ общества второй половины V в. благородное происхожденіе считалось завидною долею. Геродотъ замѣчаетъ, что греки заимствовали, будто бы, точку зрѣнія варваровъ, оказывая меньше почета тому, кто занимается ремесломъ, и считая благороднымъ того, кто воздерживается отъ ручного труда, и въ особенности того, кто посвящаетъ себя военному дѣлу; одни лишь коринѳяне меньше другихъ презираютъ ремесленниковъ (II, 167). У Ксенофонта упоминается, что ремесленники считаются плохими людьми и гражданами и въ нѣкоторыхъ государствахъ, славящихся военнымъ дѣломъ, граждане не имѣютъ права заниматься ремесломъ [1]); именно знающіе хорошо ремесло кузнеца,

[1]) „О хозяйствѣ“, IV, 2—3.

плотника, башмачника и т. под.—большею частью рабскія, низкія души [1]). Аристофанъ въ своихъ пьесахъ, желая кого-либо очернить, подчеркиваетъ его низкое происхожденіе. Въ противоположность Перикловой рѣчи Аристотель — который, впрочемъ, не былъ аѳинянином, —говоритъ, напр., что въ наилучшемъ государствѣ ремесленнику не будетъ предоставлено полное право гражданства; тотъ, кто ведетъ жизнь ремесленника или поденщика, не можетъ развивать въ себѣ гражданскую доблесть; для развитія этой доблести и для участія въ государственныхъ дѣлахъ нуженъ досугъ [2]).

Физическій трудъ, трудъ рабочаго, ремесленника, мелкаго торговца не былъ почетенъ въ глазахъ общества; еще хуже—быть въ услуженіи у кого-либо: это напоминало рабство. Недаромъ въ Аѳинахъ понадобился законъ, которымъ — если только сообщеніе о немъ вѣрно — запрещалось ставить въ упрекъ гражданину или гражданкѣ ихъ занятія. Извѣстенъ случай, когда одного аѳинянина заподозрѣли, что онъ не гражданинъ, а метэкъ, и вычеркнули его изъ списка гражданъ на томъ основаніи, что онъ и его мать торговали лентами

---

[1]) Memorabilia, IV, 2: οἱ γὰρ πλεῖστοι τῶν γε τὰ τοιαῦτα ἐπισταμένων ἀνδραποδώδεις εἰσίν. Въ основѣ такого взгляда лежало между прочимъ признаніе тѣсной связи между тѣломъ и духомъ: ремесленныя занятія и образъ жизни вредно вліяютъ на тѣло, а, слѣдовательно, и на духъ. *Neurath*, Zur Anschauung der Antike über Handel, Gewerbe und Landwirtschaft (Jahrb. für Nationalökon. und Statistik, III F., 1906, XXXII, 587—8).

[2]) „Политика“, напр. III, 3, 1278 a. Въ Ѳивахъ былъ законъ: кто въ теченіе десяти лѣтъ занимался рыночной торговлей, тотъ не имѣлъ права занимать государственную должность.

на рынкѣ, и, кромѣ того, мать его служила кормилицею. И пришлось этому гражданину, ведя процессъ, говорить въ свое оправданіе, что если онъ и его мать занимались продажей лентъ, если его мать была и кормилицей, то это вызвано бѣдственнымъ положеніемъ; если бы они были богаты, то не стали бы торговать лентами; онъ соглашается, что унизительно служить кормилицею, но бѣдность заставляетъ и свободнаго гражданина выполнять многія рабскія и недостойныя его обязанности. Онъ проситъ судей не считать трудящихся „чужими“, т. е. не-гражданами, проситъ не унижать бѣдняковъ,— для которыхъ уже достаточное бѣдствіе бѣдность — и особенно тѣхъ, кто предпочитаетъ работать и жить честно... [1]). Даже художники не пользовались большимъ почетомъ [2]). „Современное общество“, говоритъ Эд. Мейеръ, „смотритъ на физическій трудъ точно такъ же, какъ античное. Юридическое различіе здѣсь, какъ и тамъ, устранено демократіей, но соціальная пропасть между землевладѣльцами и людьми, избирающими высшія, такъ назыв. свободныя профессіи, съ одной стороны, и представителями низшихъ профессій— ремесленниками и рабочими—съ другой, такъ же велика, какъ въ древности; современному ученому кажется, въ общемъ, столь же неестественнымъ и унизительнымъ, чтобы его сынъ сдѣлался ремесленникомъ, какъ и древнему; купецъ въ нашихъ демократическихъ торговыхъ городахъ смотритъ съ такимъ же пренебреженіемъ на мелкаго торговца и лавочника, какъ и въ Аѳинахъ...

[1]) См. рѣчь противъ Евбулида, приписываемую Демосѳену.
[2]) См. замѣчанія Плутарха въ началѣ біографіи Перикла.

Но въ то время, какъ древніе высказывали свои взгляды съ полной откровенностью, мы не рѣшаемся открыто признавать себя сторонниками этихъ взглядовъ“ [1]). Со словами Э. Мейера совпадаетъ замѣчаніе Цицерона, по которому живущіе трудомъ рукъ своихъ, какъ люди грязнаго ремесла (in sordida arte), не могутъ признаваться членами настоящаго общества; мелкая торговля должна считаться дѣломъ грязнымъ, крупная же—не заслуживаетъ большого порицанія [2]). Купцы допустимы въ общество только тогда, когда они ворочаютъ капиталами; наиболѣе же почетное мѣсто принадлежитъ лишь помѣщикамъ и при томъ крупнымъ [3]).

Что касается свободы мысли и слова въ Аѳинахъ, то и она подвергалась иногда стѣсненію и даже преслѣдованію. Казнь Сократа—не единичный примѣръ. Еще раньше философъ Анаксагоръ, признававшій за управляющее начало въ мірѣ *разумъ* и объяснявшій природныя явленія естественными причинами, долженъ былъ покинуть Аѳины, когда народнымъ собраніемъ было принято постановленіе, по которому тому, кто не признавалъ боговъ или разсуждалъ о небесныхъ явленіяхъ, грозило обвиненіе въ государственномъ пре-

---

[1]) Экономич. развитіе древн міра. Спб., 1898, стр. 55—56; *Е В Спекторскій*, Понятіе общества въ античномъ мірѣ („Записки Общества исторіи, филологіи и права при Варшавскомъ Унив“ Вып. V, 1911); *Neurath*, Zur Anschauung der Antike über Handel, Gewerbe und Landwirtschaft (Jahrb. f. Nationalökon. und Statistik, III F., XXXII u. XXXIV B., 1906—7).

[2]) De officiis, I, 42. „Mercatura autem, si tenuis est, sordida putanda est; sin magna et copiosa... non est admodum vituperanda“. *Е В. Спекторскій*, стр. 71.

[3]) Е. В. Спекторскій, l. c.

ступленіи. Поэтъ Діагоръ объявленъ былъ внѣ покровительства закона и его голова оцѣнена за то, что онъ отвергъ существованіе боговъ, оставляющихъ, по его мнѣнію, безнаказанными человѣческія преступленія. Знаменитый софистъ Протагоръ тоже былъ привлеченъ къ отвѣтственности, какъ атеистъ; онъ бѣжалъ изъ Аѳинъ, а его сочиненія были сожжены на площади, подобно тому какъ во Франціи временъ „стараго порядка“ сожигались произведенія нѣкоторыхъ писателей. Противъ комедіи, съ ея смѣлыми политическими нападками, предпринимались иногда ограничительныя мѣры; такъ напр., запрещалось выводить на сцену лицъ подъ ихъ именами или осмѣивать лицъ должностныхъ, особенно архонтовъ, поименно, ибо „имя это не отдѣльнаго лица, а государства“. Въ случаѣ осмѣянія ихъ или демоса можно было подвергнуться обвиненію въ оскорбленіи народа. Впрочемъ, такія ограничительныя мѣры большею частью были временными и примѣнялись недолго. Во всякомъ случаѣ комедіи Аристофана показываютъ, до какой смѣлости могли доходить въ Аѳинахъ нападки на державный демосъ. Достаточно указать хотя бы на комедію того же Аристофана: „Всадники“, въ которой демосъ выведенъ въ образѣ старика, выжившаго изъ ума:

Сынъ Пникса [1]), Демъ, брюзга, глухои старикъ,
Свирѣпый, вспыльчивый и до бобовъ охотникъ [2]).

Его легко провести; онъ падокъ до лести и находится

[1]) Холмъ, гдѣ обыкновенно происходило народное собраніе.
[2]) Бобы служили жребіемъ при выборахъ.

въ рукахъ то негодяя-пафлагонца (Клеона), то колбасника:

Дивна власть твоя, о Демосъ!
Ты всѣмъ людямъ, какъ тиранъ,
Страхъ ужаснѣйшій внушаешь,
Но ввести тебя въ обманъ
Такъ легко: до лести падки
Самъ же лѣзешь ты въ капканъ.
И на рѣчи чьи угодно
Ты готовъ разинуть ротъ,
А разсудокъ своевольный
Все въ отсутствіи живетъ... [1])

Вопросъ о свободѣ слова ставился и теоретически. Въ своихъ „Законахъ“ Платонъ, какъ уже упомянуто, далъ образецъ „полицейскаго“ государства; здѣсь все регламентировано, и смертная казнь грозитъ тому, кто осмѣлился бы критиковать порядки и установленія. Нужно опасаться людей, которые занимаются наукой, но не надлежащимъ образомъ, — говоритъ Платонъ. Полное невѣжество не такъ опасно и не составляетъ такого большого зла; гораздо вреднѣе ученость и многознаніе, безъ правильнаго метода и пріемовъ. Вліяніе поэтовъ можетъ быть вреднымъ; слишкомъ большая начитанность въ нихъ опасна для юношества. Платонъ предлагалъ своего рода цензуру: было бы, по его мнѣнію, неблагоразумно разрѣшать всякія драмы; предварительно необходимо разсмотрѣть, не содержатъ ли онѣ чего-либо вреднаго и противнаго законамъ [2]).

---

[1]) Рус. пер. Станкевича. Спб. 1892.

[2]) „Законы“. VII, § 489, p. 819; § 469, p 811; § 486, p 817

II.

Законъ и декретъ —Наказаніе —Право и сила.

Аѳиняне отлично сознавали разницу между *закономъ*, создающимъ общую норму, и *псефизмой*, постановленіемъ народнаго собранія, декретомъ или „указомъ“. Порядокъ законодательства былъ у нихъ довольно сложный. Пересмотръ (или такъ назыв. „голосованіе“, эпихиротонія) законовъ производился разъ въ годъ, въ опредѣленное время; проектъ новаго закона предварительно проходилъ чрезъ совѣтъ пятисотъ; онъ выставлялся во всеобщее свѣдѣніе на людномъ мѣстѣ, на площади, чтобы каждый грамотный аѳинянинъ могъ прочитать его, и, кромѣ того, читался секретаремъ совѣта въ народныхъ собраніяхъ, происходившихъ въ промежутокъ между пересмотромъ законовъ и внесеніемъ новаго. Послѣдній не долженъ былъ находиться въ противорѣчіи съ существующими законами, иначе автору его могло угрожать „обвиненіе въ противозаконіи“; если такое противорѣчіе существовало, то объ этомъ слѣдовало заранѣе открыто заявить и потребовать, вмѣстѣ

съ введеніемъ новаго закона, отмѣны стараго, съ нимъ не согласующагося. Проектъ вносился въ народное собраніе, которое передавало его на рѣшеніе коммиссіи такъ назыв. „законодателей“, *номоѳетовъ*, изъ состава суда присяжныхъ (геліэи). Дѣло тутъ разсматривалось въ формѣ судебнаго процесса. Государство назначало пять особыхъ оффиціальныхъ защитниковъ (синдиковъ, синэгоровъ) старыхъ законовъ; защитникомъ новаго являлся его авторъ; кромѣ того, всякій аѳинянинъ могъ принять участіе въ преніяхъ. Рѣшающій голосъ принадлежалъ номоѳетамъ: только въ случаѣ ихъ одобренія проектъ получалъ силу закона. Такимъ образомъ пересмотръ законовъ долженъ былъ совершаться не въ любой моментъ, не по случайному настроенію народнаго собранія, а лишь въ извѣстный, разъ навсегда опредѣленный срокъ. Для знакомства съ проектированнымъ закономъ, для обдумыванія рѣшенія, для взвѣшиванія доводовъ за и противъ, времени было достаточно. Наконецъ, окончательное рѣшеніе принадлежало не народному собранію, а коммиссіи изъ лицъ большею частью зрѣлаго или даже пожилого возраста, связанныхъ, притомъ, присягой.

Впослѣдствіи, правда, часто раздавались жалобы на то, что законъ и псефизма смѣшиваются въ Аѳинахъ, что декретъ замѣняетъ собою законъ; но въ принципѣ грань между ними признавалась и проводилась. Худшій видъ демократіи, по мнѣнію Аристотеля, тотъ, гдѣ рѣшающую силу имѣютъ не законы, а народные декреты, произведенія демагоговъ. Въ демократіяхъ, гдѣ царитъ законъ, демагогамъ нѣтъ мѣста: тамъ на первомъ

мѣстѣ—лучшіе граждане. Гдѣ законы не имѣютъ силы, тамъ появляются демагоги, и народъ становится многоголовымъ монархомъ. Такой демосъ стремится царить, не подчиняясь закону; онъ становится деспотомъ, и у него въ почетѣ льстецы. Такая демократія подобна тираніи среди монархій· обѣ онѣ деспотичны, народные декреты въ демократіи—то же, что тамъ приказы. Демагогъ и льстецъ — одно и то же: льстецъ имѣетъ наибольшее вліяніе у тирановъ, а демагогъ — въ крайней демократіи. Виновники того, что рѣшающее значеніе получаютъ декреты, а не законы, — демагоги, такъ какъ они все предоставляютъ на рѣшеніе народа и тѣмъ самымъ становятся могущественными; ибо демосъ—господинъ надъ всѣмъ, а надъ его рѣшеніями—господа они. Демагоги выступаютъ съ обвиненіями противъ властей, доказывая, что судить послѣднихъ долженъ народъ, который и поддается этому, и такимъ образомъ подрывается всякая власть. Такая демократія—не политія; она не имѣетъ правильнаго политическаго строя, „ибо гдѣ законы не властвуютъ, тамъ нѣтъ политіи“. Законъ долженъ властвовать надъ всѣмъ, властямъ же и народному собранію должно быть предоставлено рѣшеніе отдѣльныхъ вопросовъ [1]).

Вообще Аѳинское государство можно назвать „*правовымъ*“: въ лицѣ номоѳетовъ судъ присяжныхъ—геліэя—стоитъ здѣсь какъ бы выше народнаго собранія, надъ волею котораго, а слѣдовательно и надъ самимъ державнымъ демосомъ, поставленъ *законъ*. Мы

[1]) „Политика“. IV. 4. 4 сл., 1292а.

видимъ здѣсь систему самоограниченія демоса,—систему, которая проявляется и въ дѣлѣ финансовъ: въ Аѳинахъ, кромѣ государственной казны, существовала еще казна „священная“ — богини Аѳины,—изъ которой аѳиняне предпочитали, въ случаѣ надобности, брать заимообразно, на извѣстныхъ условіяхъ, съ соблюденіемъ сложныхъ формальностей, съ уплатой процентовъ и съ обязательствомъ возвратить взятое. Всѣ эти сложныя формальности и обязательства должны были дѣйствовать сдерживающимъ образомъ и предупреждать слишкомъ частыя, поспѣшныя и необдуманныя траты. Тутъ, слѣдовательно, то же стремленіе, тотъ же духъ, какимъ запечатлѣнъ и порядокъ законодательства: державный демосъ самъ пытается ограничить себя. Есть даже основаніе думать, что бюджетъ расходовъ въ Аѳинахъ устанавливался законодательнымъ порядкомъ: въ предѣлахъ установленной суммы можно было расходовать по постановленію народнаго собранія, а расходы сверхъ ея нуждались въ дополнительномъ законѣ.

Аѳинская демократія имѣла много недостатковъ, темныхъ сторонъ; на ея памяти есть грѣхи и преступленія; но она впервые въ исторіи сознательно и ясно поставила идеаломъ свободу и равноправіе, въ сочетаніи съ закономъ. Еще Солонъ въ своихъ стихотвореніяхъ прославлялъ благотворное дѣйствіе „евноміи“—олицетворенной законности: она всюду водворяетъ порядокъ и согласіе, сглаживаетъ шероховатости, смягчаетъ высокомѣріе и послѣдствія вражды, умѣряетъ гнѣвъ и ненависть. Аѳиняне гордились своею свободою, тѣмъ, что они не знали надъ собою иного господина,

кромѣ закона, признаннаго народомъ, и повиновались этому закону, а не капризу или произволу одного лица, подобно „варварамъ“, „ибо у варваровъ“ — говорится у Еврипида — „всѣ рабы, кромѣ одного“ [1]). То же отношеніе къ закону мы видимъ и у другихъ грековъ. У Геродота спартанскій царь-изгнанникъ, Демаратъ, находившійся въ персидскомъ станѣ, говоритъ Ксерксу о спартанцахъ: „Будучи свободны, они свободны, однако, не во всѣхъ отношеніяхъ; надъ ними есть владыка, законъ; они боятся его гораздо больше, нежели твои подданные боятся тебя. Поэтому они исполняютъ все, что̀ законъ ни потребовалъ бы отъ нихъ“ (VII, 104). По словамъ Пиндара, „законъ—царь всѣхъ, смертныхъ и безсмертныхъ; превозмогающей рукой даетъ онъ побѣду справедливости“. Гдѣ законъ не властвуетъ, тамъ—говоритъ Аристотель—нѣтъ политіи, нѣтъ государственнаго строя. По Гераклиту, отстаивать законъ народъ долженъ какъ свою твердыню.

Интересны и воззрѣнія грековъ на *наказаніе*. Уже Драконово законодательство въ Аѳинахъ (VII в.) различаетъ убійство по категоріямъ, смотря по мотивамъ и обстоятельствамъ дѣла. Такъ, въ случаѣ убійства преднамѣреннаго судъ происходитъ въ ареопагѣ, въ случаѣ непреднамѣреннаго — въ Палладіи, святилищѣ Аѳины въ Фалерѣ, при чемъ судьями являются такъ назыв. эфеты, которыхъ можно сравнить съ средневѣковыми шеффенами, boni homines. Если убійство было „справедливое“, дозволенное закономъ—напр. въ

[1]) *Д. Ф. Бѣляевъ*, Воззрѣнія Еврипида... (Ж. М. Нар. Пр. 1882, окт., стр. 393)

случаѣ самообороны, прелюбодѣянія, — то судили въ Дельфиніи, святилищѣ Аполлона. Когда дѣло шло о жизни человѣка, надо было быть, по мнѣнію грековъ, осмотрительнымъ.

„Во всемъ ошибку извинить мы можемъ,
Въ судѣ лишь о жизни человѣка — нѣтъ".

говоритъ Амфіарай у Еврипида [1]).

Какъ цѣль наказанія, греческіе мыслители выдвигали преимущественно устрашеніе если не самого преступника, то, по крайней мѣрѣ, другихъ, исправленіе и т. п. [2]), а не возмездіе. Возмездіе недостойно было бы культурныхъ людей: „бѣшенство мести подобаетъ лишь дикимъ звѣрямъ". Питтаку приписываютъ изреченіе: „прощеніе сильнѣе возмездія". Но по отношенію къ преступникамъ закоренѣлымъ, злодѣямъ, слѣдовало, по мнѣнію нѣкоторыхъ, примѣнять безпощадныя мѣры и смертную казнь, которая въ такихъ случаяхъ является самозащитой со стороны общества, подобно тому, какъ противъ хищныхъ звѣрей, змѣй; это—устраненіе ядовитаго вещества, угрожающаго организму [3]).

Вопросъ о *смертной казни* и цѣлесообразности суровыхъ карательныхъ мѣръ былъ поднятъ и обсуждался въ Аѳинахъ въ V в. до Р. Х., болѣе чѣмъ

---

[1]) См. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, Царица-прислужница („Вѣстн Евр.", 1909, авг., стр. 463).

[2]) Аристотель считалъ состояніе опьяненія не смягчающимъ, а отягощающимъ вину обстоятельствомъ.

[3]) Слова Протагора у Платона. *Nestle*, Politik und Aufklärung in Griechenland im Ausgang des V Jahrh. (Neue Jahrb. f das klass Altert..., XXIII, 1909)

за 2.300 лѣтъ до нашихъ дней [1]). Уже тогда смертная казнь и мѣры устрашенія имѣли своихъ защитниковъ и своихъ противниковъ. Доводы тѣхъ и другихъ чрезвычайно напоминаютъ то, что̀ мы теперь слышимъ и читаемъ.

Во время Пелопоннесской войны отъ аѳинянъ отложился союзный городъ Митилена на островѣ Лесбосѣ, но послѣ нѣкотораго сопротивленія принужденъ былъ сдаться. Возникъ вопросъ, какъ поступить со сдавшимися. Аѳиняне, подъ вліяніемъ раздраженія, постановили-было казнить всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей обратить въ рабство, но затѣмъ, одумавшись, созвали снова народное собраніе, чтобы еще разъ обсудить дѣло [2]). Въ защиту смертной казни и прежняго рѣшенія выступилъ Клеонъ: „Вы“, говорилъ онъ между прочимъ аѳинянамъ, „не хотите понять, что ваше владычество есть тираннія, что союзники слушаются васъ не изъ-за добра, которое вы имъ дѣлаете во вредъ себѣ, а изъ-за того, что вы сильнѣе ихъ“. Опаснѣе всего не держаться твердо разъ принятыхъ рѣшеній: государство, пользующееся худшими, но твердыми, неизмѣнными законами, сильнѣе того, въ которомъ законы прекрасны, но безсильны. Вторично обсуждать вопросъ о судьбѣ митиленянъ значитъ лишь затягивать дѣло; между тѣмъ только то наказаніе, которое быстро слѣдуетъ за обидой, служитъ надлежащимъ возмездіемъ. „Вы“, говорилъ Клеонъ,

[1]) См. мою статью объ этомъ въ „Историческихъ Этюдахъ“ (Спб. 1911). Ср „Ист. аѳ. демокр.“, стр. 264 сл.

[2]) Ѳукид., III. 37—48.

„не думаете заранѣе о томъ, что изъ этого выйдетъ. Вы ищите чего-то другого, а не видите тѣхъ условій, въ какихъ мы живемъ, и недостаточно обдумываете настоящее положеніе“. Не слѣдуетъ впадать въ ошибку, поддаваясь „тремъ самымъ гибельнымъ для власти побужденіямъ: состраданію, увлеченію краснорѣчіемъ и снисходительности“. Смягченіемъ наказанія, милостью, аѳиняне не расположатъ къ себѣ митиленянъ, а себя накажутъ. Ради собственной пользы они должны наказать митиленянъ—или же отказаться отъ власти, и тогда спокойно разыгрывать роль добродѣтельныхъ. Надо покарать виновныхъ и тѣмъ дать ясный урокъ прочимъ союзникамъ, дабы тѣ знали, что всякій отложившійся будетъ наказанъ смертью.

Противъ этого выступилъ нѣкій Діодотъ. Онъ исходилъ не изъ мотивовъ человѣколюбія, а изъ соображеній цѣлесообразности, государственной пользы. Дѣло идетъ—говорилъ онъ—о мудрости рѣшенія. Если бы прощеніе митиленянъ было вредно для государства, пусть бы ихъ казнили, хотя бы они заслуживали прощенія. Но надо имѣть въ виду не только настоящее, но и будущее. Тщетно надѣяться, что казнь митиленянъ окажется полезною, что благодаря ей уменьшатся возстанія. Смертная казнь опредѣлена въ государствахъ за многія преступленія, и однако люди рѣшаются на опасныя предпріятія и преступленія, надѣясь на то, что выйдутъ благополучно изъ опасности. Смертная казнь неспособна удержать отъ преступленій. „Невозможно—да и было бы наивностью думать, что это можно,—когда природа человѣка страстно стремится

что-либо сдѣлать, отвратить ее отъ этого силою законовъ или какою-нибудь иною мѣрою устрашенія". Итакъ, не слѣдуетъ полагаться на смертную казнь, какъ на обезпеченіе спокойствія, и принимать гибельное рѣшеніе; не надо лишать возставшихъ всякой возможности раскаяться и загладить свою вину, не надо отнимать надежду на прощеніе и примиреніе. Оберегать себя должно не суровостью законовъ, а заботливостью въ дѣлахъ. Людей свободныхъ не слѣдуетъ подвергать суровому наказанію тогда, когда они уже возстали, а надо дѣйствовать такъ, чтобы имъ и на мысль не приходило отлагаться, въ случаѣ же побѣды надъ возставшими возможно меньше взыскивать съ нихъ. Для упроченія владычества гораздо выгоднѣе снести добровольно обиду, нежели истребить тѣхъ, кого слѣдуетъ пощадить. „Кто мудро рѣшаетъ, тотъ по отношенію къ врагамъ сильнѣе, чѣмъ тотъ, кто идетъ на нихъ, хотя и съ матеріальными силами, но не разумно". Такъ уже въ Греціи высказано было мнѣніе, что суровыя наказанія и казни не могутъ предотвратить возстанія и преступленія.

Кромѣ писаннаго, формальнаго закона, греки признавали еще законъ „неписанный", начертанный въ сердцѣ, въ совѣсти человѣка. Человѣкъ не долженъ

.Велѣнія божественныхъ законовъ,
Не писанныхъ, но вѣчныхъ, преступать.
И не вчера рожденныхъ, не сегодня,
Но правящихъ всегда,—никто изъ насъ
Не вѣдаетъ, когда они возникли" [1]).

---

[1]) Антигона у Софокла (рус. пер. Д. С. Мережковскаго)

Съ другой стороны,

„Великъ законъ божественный,
Но людямъ надо слушаться
И власти человѣческой.“ [1])

Такимъ образомъ, между закономъ формальнымъ или писаннымъ и закономъ „неписаннымъ“ могъ быть конфликтъ—конфликтъ „власти и совѣсти, закона и любви“ [2]). Такой конфликтъ изображенъ Софокломъ въ „Антигонѣ“. Антигона, эта греческая Корделія [3]), которая, по ея собственнымъ словамъ, „родилась не для вражды взаимной, а для любви“, нарушаетъ запретъ царя Креона и хоронитъ брата своего, павшаго въ бою противъ Ѳивъ: свой долгъ по отношенію къ покойному, голосъ совѣсти. она поставила выше приказа властителя. Она погибла; „въ цвѣтѣ юности, свободно“, „за долгъ“ пошла на смерть. Она

. устремилась, гордая,
Къ предѣлу недоступному
Къ подножью Правды царственной,
Богини справедливости“,

и, „какъ первая мученица, имѣетъ право соединить свое имя съ идеей, которую она освятила своею смертью“ [4]). Но „какъ все это далеко отъ насъ!“ воскликнетъ читатель. „Ужъ будто въ самомъ дѣлѣ такъ далеко?“ замѣчаетъ проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій въ

---

[1]) Хоръ въ „Антигонѣ“

[2]) *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, Изъ жизни идеи. Спб. 1905, I, 142.

[3]) Антигона, какъ извѣстно, была спутницей слѣпого отца своего, Эдипа

[4]) *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*. Изъ жизни идеи I, 142.

своей статьѣ объ „Антигонѣ“ [1]). „Во времена сказочной старины законъ запрещалъ вамъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, хоронить вашего убитаго брата; много вѣковъ спустя такой же законъ запрещаетъ вамъ признавать своимъ сыномъ рожденнаго вамъ любимой женщиной ребенка, или воспитать вашихъ дѣтей въ вашей вѣрѣ, или напутствовать умирающаго на его родномъ языкѣ... въ извѣстныхъ случаяхъ. Внѣшнія формы мѣняются, сущность—насилованіе совѣсти закономъ—остается неизмѣнной... Антигона много и много разъ была ведена на смерть, не только на городскихъ площадяхъ и въ государственныхъ темницахъ, но и—что́ еще хуже—въ тихихъ умственныхъ лабораторіяхъ мыслителей и писателей. И можемъ ли мы утверждать, что ея мартирологъ уже кончился?..“

Право могло соединяться съ силою, и тогда, по выраженію Эсхила, „нѣтъ сильнѣе этого четы“. Солонъ, напр., проводилъ свою реформу, по собственному его признанію, „соединивъ право и силу“. Но право и сила часто сталкивались между собою: мы не разъ видимъ торжество силы надъ правомъ и оправданіе этого торжества.

Еще за 700 лѣтъ до Р. Х. Гесіодъ жалуется, что нѣтъ правды на землѣ: торжествуетъ сильный. Иллюстраціей къ положенію: „съ сильнымъ не борись“, служитъ у него басня о ястребѣ и соловьѣ. Ястребъ несетъ высоко въ облакахъ схваченнаго имъ соловья „сладкозвучнаго“, вонзивъ въ него свои кривые когти,

---

[1]) Тамъ-же, стр 138. 142

и въ отвѣтъ на его жалобные стоны говоритъ: „Чудакъ! чего ты кричишь? вѣдь, ты во власти болѣе сильнаго. И отправишься туда, куда потащу, хоть ты и пѣвецъ. Захочу—съѣмъ, захочу—выпущу. Безумецъ тотъ, кто захочетъ бороться съ сильнымъ: и побѣды не достигнетъ онъ, и горечь униженія испытаетъ". „Такъ", замѣчаетъ Гесіодъ, „говорилъ быстролетный ястребъ, ширококрылая птица". Въ судахъ нѣтъ правды: ее изгнали правители-„дароѣды" [1]), которые какъ хотятъ, такъ и судятъ. Но, утѣшаетъ себя поэтъ, Зевсъ все видитъ—и правду, и злыя дѣла—и каждому воздастъ по дѣламъ. Есть еще дѣва Дика (Правда), рожденная отъ Зевса, и она ему повѣдаетъ о чинимыхъ ей обидахъ, о несправедливости людей.

Сомнѣнія въ силѣ правды, сомнѣнія, гдѣ же эта правда и въ чемъ она состоитъ, особенно должны были обнаружиться въ вѣкъ греческаго „Просвѣщенія", во второй половинѣ V в., въ эпоху софистовъ, работы анализирующей, критической мысли, отрѣшенія отъ старыхъ вѣрованій, воззрѣній и нравственныхъ основъ. Въ комедіи Аристофана „Облака" Несправедливое слово утверждаетъ, что правды нѣтъ ни въ чемъ: гдѣ она? у боговъ? какая же тамъ правда, если остался живъ Зевсъ, сковавшій своего отца! Справедливаго—къ такому выводу приходятъ философы—нѣтъ по природѣ; люди постоянно спорятъ и мѣняютъ свои мнѣнія относительно справедливости. Что они положатъ въ данный моментъ, то на время и пріобрѣтаетъ

[1]) Т. е. берущіе подарки, взятки.

господствующее значеніе. У Платона (въ „Государствѣ“) софистъ Ѳрасимахъ доказываетъ, что самая справедливость есть не что иное, какъ полезное сильнѣйшему; всякая власть даетъ законы согласно со своею пользою: демократія—демократическіе, тиранія—тираническіе и т. д.; давъ же законы, полезные для себя, она объявляетъ ихъ справедливыми для подданныхъ и нарушителя этихъ законовъ наказываетъ, какъ беззаконника и противника правды.

У Ксенофонта приводится характерный разговоръ между Алкивіадомъ и Периклом [1]).

— „Скажи мнѣ, пожалуйста, Периклъ“, — спрашиваетъ Алкивіадъ,—„можешь ты меня научить, что такое законъ?“

— „Конечно“, — отвѣчаетъ Периклъ. — „Законъ есть все то, что народъ, собравшись и одобривъ, начерталъ, дабы опредѣлить, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ“.

— „А если не народъ, а, какъ это бываетъ въ олигархіяхъ, только немногіе собираются и устанавливаютъ, что это такое?“

— „Все, что господствующая въ государствѣ власть установитъ, то и называется закономъ“.

— „Значитъ, если что и тиранъ установитъ, и это будетъ законъ?“

— „Да, и это называется закономъ“.

— „Но въ такомъ случаѣ что же такое насиліе

---

[1]) Memorab. I, 2, 40 сл (привожу его въ нѣсколько сокращенномъ видѣ).

и беззаконіе?“ — спрашиваетъ Алкивіадъ. — „Не то ли, когда сильнѣйшій не убѣжденіемъ, а силою принуждаетъ слабѣйшаго дѣлать то, что первому угодно?“...

Торжество силы надъ правомъ особенно проявлялось въ отношеніяхъ одного города или государства къ другому, при внѣшнихъ столкновеніяхъ. Одинъ изъ самыхъ характерныхъ примѣровъ — расправа аѳинянъ съ жителями острова Мелоса, которые желали оставаться нейтральными во время Пелопоннесской войны и которыхъ аѳиняне принуждали вступить въ ихъ союзъ. У Ѳукидида, изображающаго это столкновеніе слабаго и сильнаго, правды и насилія, въ видѣ обширнаго діалога (V, 85 сл.), жители Мелоса опираются на свою правоту и надѣются, что судьба, посылаемая отъ Бога, не допуститъ ихъ до пораженія, ибо они борются противъ несправедливости; аѳиняне же ссылаются на право сильнѣйшаго, какъ на законъ природы, который не они первые ввели и который будетъ существовать вѣчно. „Право“, говорятъ аѳиняне, „существуетъ только между равными по силѣ: если же этого равенства нѣтъ, то сильнѣйшій дѣлаетъ, что хочетъ, а слабѣйшій покоряется. Вездѣ, гдѣ люди имѣютъ силу, они властвуютъ по непререкаемому велѣнію своей природы. Не мы первые установили право сильнѣйшаго и не мы первые примѣнили его“ [1]).

Нечего, конечно, удивляться торжеству силы надъ правомъ въ древности: и въ новое время мы встрѣчаемъ много примѣровъ, когда открыто провозглаша-

[1]) Ср. слова аѳинскихъ пословъ въ Спартѣ (Ѳукид., I, 76) и въ Камаринѣ (VI, 82 сл.)

лось, что сила выше права. Это заявляли неразъ государственные дѣятели. Вспомнимъ хотя бы Бисмарка, съ его политикой „крови и желѣза“. Эта же мысль проводилась даже въ ученой и философской литературѣ. Провозглашали же нѣмецкіе юристы, что сила рождаетъ право, что послѣднее есть та же сила, но только дисциплинированная, что „право есть политика силы“ (Іерингъ). Скорѣе надо дивиться тому, что еще въ Греціи, въ срединѣ V в. до Р. Х., мы встрѣчаемъ попытку улаживать столкновенія между государствами путемъ посредничества, мирнаго третейскаго суда. Такимъ способомъ условились разрѣшать взаимныя недоразумѣнія и несогласія аѳиняне и спартанцы по Периклову или Тридцатилѣтнему миру 445 г. Правда, постановленіе это осталось безъ примѣненія; но интересно возникновеніе еще въ античномъ мірѣ этой идеи третейскаго суда и мирнаго разрѣшенія международныхъ распрей [1]).

[1]) Въ Аѳинахъ существовала уже своего рода консульская юрисдикція: былъ трибуналъ „морскихъ судей“, который вѣдалъ споры, возникающіе между моряками и негоціантами. См. *Guiraud*, Etudes économiques sur l'antiquité P. 1905, стр. 7.

III.

Соціальная борьба и соціальный вопросъ въ Греціи. Коммунистическія идеи — Государственный соціализмъ.

Внутренняя борьба — борьба партій, демократовъ и аристократовъ, бѣдныхъ и богатыхъ — происходила и въ греческихъ государствахъ. Въ предѣлахъ небольшой территоріи государства-города, она была еще болѣе страстной, ожесточенной: классовые партійные и личные счеты здѣсь должны были обнаруживаться еще сильнѣе. И борьба была не только политическая, но и *соціальная* [1]). Уже тогда выставлялись иногда радикальныя программы, требованія передѣла земли, какъ это было напр. въ Аттикѣ передъ Солоновой реформой въ концѣ VII и въ началѣ VI в., когда, насколько намъ извѣстно, впервые въ исторіи раздался кличъ: „земля — массѣ, народу“ [2]). Даже такой умѣ-

---

[1]) *Пельманъ*, Исторія античн. коммун. и соціализма (во II т „Общей исторіи европ. культуры“); 2-е изд. нѣм подлинника — Gesch. der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. 1912. 2 т.; *Wolf*, Gesch. der antiken Sozialismus und Individualismus. Gütersloh. 1909 (изъ коллекціи „Gymnasial-Bibliothek“).

[2]) *Пельманъ*, Исторія античн. коммунизма и соціализма, стр. 360).

ренный законодатель, примиритель и посредникъ, сторонникъ „середины“, какъ Солонъ, единственный выходъ изъ тяжкаго кризиса видѣлъ въ „прощеніи долговъ“, въ уничтоженіи долговыхъ обязательствъ.

Особенно ожесточенною борьба становится со времени Пелопоннесской войны. Она сопровождается тяжелыми потрясеніями, казнями и изгнаніями, экспропріаціями или конфискаціями имущества, передѣлами земли и т. п.

Въ Леонтинахъ (въ Сициліи) демократическая партія задумала отобрать землю у богатыхъ и раздѣлить ее; тогда состоятельные граждане призвали себѣ на помощь сиракузянъ, изгнали противниковъ, разорили собственный городъ, а сами переселились въ Сиракузы [1]). Послѣ паденія Діонисія II въ Сиракузахъ „соціально-демократическое“, какъ выражается Пельманъ, большинство народнаго собранія постановило-было произвести передѣлъ земли; это не осуществилось благодаря тому, что Діонъ силою оружія овладѣлъ властью въ городѣ. Вообще въ Сициліи и въ частности въ Сиракузахъ, гдѣ сталкивались разные иноплеменные и соціальные элементы, борьба была особенно частою и жестокою. Господство то черни, то богатыхъ собственниковъ, то военной диктатуры безпрестанно смѣняло другъ друга, сопровождаясь сценами ужаснаго грабежа и убійствъ, которыя достигли высшей степени при переворотѣ, произведенномъ Агаѳокломъ (317 г. до Р. Х.). Облеченный полномочіями

[1]) Ѳукид., V, 1.

полководца и „охранителя мира“, Агаѳоклъ пополнилъ свое войско гражданами, которымъ по выраженію источника [1]), „вслѣдствіе ихъ бѣдности и зависти противенъ былъ блескъ богатыхъ“, и напустилъ это войско на городъ. Въ теченіе двухъ дней происходили грабежъ и избіеніе не только приверженцевъ правительственной партіи, знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ, но и вообще собственниковъ, такъ какъ тѣ, которые, по словамъ того же источника, надѣялись поправить свои дѣла убійствомъ состоятельныхъ, измышляли все, чтобы погубить послѣднихъ. Затѣмъ Агаѳоклъ созвалъ народъ, объявилъ городъ „очищеннымъ“, „истинную и подлинную свободу“ — обезпеченною и обѣщалъ кассировать всѣ долги и подарить землю бѣднымъ. Что сталось съ этимъ обѣщаніемъ, неизвѣстно; извѣстно только, что въ Сиракузахъ тогда утвердилась военная диктатура... По поводу этого Діонисій Галикарнасскій (VII, 8) называетъ передѣлъ земли и отпущеніе долговъ „прологомъ“ или „предисловіемъ“ ко всякой тиранніи [2]).

Какъ въ свою очередь ненавидѣли олигархи демосъ, показываетъ клятва, которую они, по свидѣтельству Аристотеля, въ нѣкоторыхъ греческихъ городахъ давали другъ другу: „быть врагомъ народа и вредить ему, насколько можно“. *Терроръ* и *террористическіе пріемы* были хорошо извѣстны греческому міру. Примѣняли ихъ тамъ съ особою систематичностью не столько демократы, сколько олигархи. Стоитъ прочесть, напр., у Ѳукидида (VIII, 65 сл.), какъ подготовляли аѳинскіе

[1]) Діод., XIX, 6—7.
[2]) *Пельманъ*, стр. 458—9.

олигархи переворотъ 411 г., какъ они дѣйствовали при помощи тайныхъ политическихъ клубовъ, *гетерій*. какъ устраняли посредствомъ убійствъ лицъ, для нихъ неудобныхъ, какъ въ народномъ собраніи допускали говорить только то, что̀ имъ нравилось, и только тѣмъ, кто былъ ихъ сторонниками. Изъ прочихъ никто не смѣлъ возражать, если же кто и возражалъ, того умерщвляли безнаказанно; народъ, не объединенный, не организованный и безсильный, не зная въ точности, сколько заговорщиковъ и кто къ нимъ принадлежитъ, былъ запуганъ и подавленъ... Или вспомнимъ тираннію Тридцати въ Аѳинахъ и дѣйствія Критія, этого террориста, подобнаго Робеспьеру, съ тою лишь разницею, что Робеспьеръ отправлялъ на гильотину во имя „свободы, равенства, братства“, а Критій казнилъ во имя олигархіи. Съ точки зрѣнія Критія нечего обращать вниманія на жизнь отдѣльныхъ лицъ; при переворотахъ, жестокости и казни неизбѣжны; враговъ надо истреблять безъ всякой пощады; „тѣмъ, кто желаетъ господствовать, нельзя не устранять тѣхъ, кто стоитъ на ихъ дорогѣ“.

На островѣ Керкирѣ (Корфу) во время Пелопоннесской войны разыгрались ужасныя сцены ожесточенной партійной борьбы. Какъ среди подобныхъ сценъ и междоусобицъ извращались понятія, дичало и деморализовалось общество, какія патологическія явленія наблюдались уже тогда, объ этомъ мы имѣемъ чрезвычайно интересныя замѣчанія у Ѳукидида (III, 82 — 83). Вслѣдствіе междоусобицъ, говоритъ онъ, много тяжкихъ бѣдъ обрушилось на государство,—бѣдъ, какія обыкно-

венно бываютъ и всегда будутъ, пока человѣческая природа остается тою же, но только проявляются онѣ въ разной степени и въ различныхъ формахъ, сообразно обстоятельствамъ. Понятія извратились. Безразсудная смѣлость стала считаться мужествомъ, предусмотрительная медлительность — благовидною трусостью, благоразуміе — предлогомъ къ малодушію, вниканіе во всякое дѣло — лѣностью. Поносящій другихъ слылъ во всемъ надежнымъ, а возражавшій — подозрительнымъ... Кто успѣшно строилъ козни, почитался умнымъ, кто угадывалъ ихъ — еще болѣе способнымъ, а кто не считалъ нужнымъ пользоваться ими, того называли разрушителемъ товариществъ — гетерій — и трусомъ... Родство связывало людей менѣе, нежели политическіе кружки, такъ какъ участвовавшіе въ послѣднихъ больше готовы были на все. Довѣріе другъ къ другу скрѣплялось не столько божественнымъ закономъ, сколько противозаконіемъ, совершаемымъ сообща... Клятвы нарушались и побѣдитель пріобрѣталъ славу умнаго человѣка: большинству пріятнѣе имя ловкаго злодѣя, чѣмъ добраго простака: послѣдняго стыдятся, первымъ гордятся. Причина всего этого — жажда власти изъ-за корысти и честолюбія; отсюда и страстность борьбы. Лица, стоявшія во главѣ государствъ, на словахъ служили общему благу, а на дѣлѣ стремились къ личнымъ цѣлямъ. Всякимъ способомъ боролись они другъ съ другомъ и рѣшались на ужаснѣйшія злодѣянія, руководясь только тѣмъ, что пріятно той или другой партіи. Обѣ партіи ничего не признавали святымъ. Граждане, не принадлежавшіе ни къ одной партіи, истреблялись обѣими сторонами или

за то, что не принимали участія въ борьбѣ, или изъ зависти, что могутъ остаться невредимыми. „Такимъ образомъ, всяческіе виды испорченности вслѣдствіе междоусобицъ водворились среди эллиновъ, и то добродушіе, которое больше всего присуще благородству, было осмѣяно и исчезло; возобладало враждебное, недовѣрчивое отношеніе другъ къ другу. Для прекращенія вражды не было ни достаточно сильнаго слова, ни достаточно страшной клятвы... Брали перевѣсъ люди менѣе сильнаго ума: опасаясь своей неспособности и ума противниковъ, они, чтобы не быть побѣжденными, приступали къ дѣлу смѣло, а тѣ, смотря свысока и воображая, что могутъ все предусмотрѣть и что нѣтъ нужды приступать къ дѣйствію, гдѣ можно взять умомъ, погибали беззащитными". Объ извращеніи понятій въ современной ему демократіи говорилъ, какъ мы видѣли, и Платонъ.

Хозяйственное развитіе Греціи привело въ IV в. къ глубокой пропасти между богатыми и бѣдными. Въ настоящее время, благодаря главнымъ образомъ трудамъ Эд. Мейера [1]) и Пельмана [2]), доказана несостоятельность прежде господствовавшаго взгляда, будто вся древность относится къ періоду такъ назыв. *ойкоснаго* или домашняго хозяйства, производства на себя безъ

---

[1]) Кромѣ его капитальнои Geschichte des Altertums, см. его докладъ, имѣющійся въ русск. пер.,— „Экономич развитіе древн міра".

[2]) Кромѣ „Исторіи античн коммунизма и соціализма" или, какъ теперь этотъ трудъ озаглавленъ (во 2-мъ изд.), Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt, см. его „Очеркъ греч исторіи" (рус. пер. Спб 1910).

обмѣна, когда продукты потребляются въ томъ же хозяйствѣ, которое ихъ производитъ. Родбертусъ и Бюхеръ, главные представители этой теоріи, полагали, что древность не пошла далѣе зачатковъ высшихъ формъ экономическихъ отношеній и единичныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ въ предѣлахъ одного города, такъ что ни народнаго хозяйства, ни постоянной торговли, ни торговаго класса, ни экономическаго расчлененія общества тогда не было. Эд. Мейеръ и Пельманъ показали, что уже въ Греціи торговля, деньги, капиталъ играли чрезвычайно важную роль; существовалъ „помѣщичій" укладъ [1]), но существовалъ и классъ купцовъ, промышленниковъ, были товарищескія предпріятія, торговыя общества, монополіи (о которыхъ упоминаетъ и Аристотель) [2]), было раздѣленіе труда. Даже представитель идеальной философіи, Платонъ, выводилъ возникновеніе государства изъ существованія разныхъ потребностей, изъ необходимости удовлетворить ихъ; говорилъ, что для значительнаго города нуженъ обмѣнъ товарами, ввозъ и вывозъ, необходимы купцы и мелкіе торговцы, и признавалъ принципъ раздѣленія труда. Въ малыхъ городахъ, по словамъ Ксенофонта, одинъ и тотъ же человѣкъ дѣлаетъ и кровать, и дверь, и плугъ, и столъ; часто онъ же строитъ и домъ; въ большихъ же городахъ, вслѣдствіе большого спроса, каждый можетъ заниматься однимъ какимъ-либо ремесломъ; нерѣдко даже

---

[1]) О „помѣщичьемъ" укладѣ въ Боспорскомъ царствѣ см. въ ст. *М. И. Ростовцева*, Боспорское царство и южно-русск. курганы („Вѣстн. Евр.", 1912, іюнь, и отдѣльно. Спб. 1912).

[2]) „Политика". I. 4. 6, p. 1259 a 20 сл.

занимаются не всѣмъ ремесломъ, а напр., одинъ дѣлаетъ мужскую обувь, другой—женскую, одинъ кроитъ хитоны, а другой только сшиваетъ ихъ [1]). Наряду съ рабами существовали и свободные рабочіе. Случались и стачки или „забастовки". Есть, напр., декретъ, начертанный на мраморѣ, въ честь одного должностного лица на островѣ Паросѣ: ему воздается хвала „за то, что онъ, въ качествѣ „агоранома", заботился о томъ, чтобы рабочіе не терпѣли несправедливости" отъ работодателей и обратно, и „побудилъ рабочихъ согласно закону не устраивать стачки, а работодателей — платить имъ подобающую плату" [2]). Для морской торговли въ IV в. составлялись нерѣдко торговыя компаніи или товарищества: подъ залогъ корабля и груза давались ссуды однимъ или нѣсколькими капиталистами; возвращалось судно,—и товарищество распадалось, а иногда вновь соединялось для новаго предпріятія. Составлялись товарищества и для другихъ дѣлъ—взятія на откупъ косвенныхъ налоговъ, возведенія построекъ и проч. При сдачѣ подрядовъ правительство въ видѣ гарантіи удерживало съ подрядчика извѣстный процентъ (10%) на случай какой-либо неисправности съ его стороны [3]) и т. д.

Еще въ старину—въ VII в. до Р. Х.—въ Греціи говорили: „деньги дѣлаютъ человѣка" (Алкей). Въ

---

[1]) Кироπедія, VIII, 2 51

[2]) *Пельманъ*, Ист. античн. коммун. и социализма, стр. 370

[3]) См., напр., указанія въ ст. *А. В. Никитскаго*, Ученая фантазія (въ „Сборн. въ честь Э. Р. ф. Штерна" [XXX т. „Зап. Имп. Одесск. Общ. Исторіи и Древн."])

V—IV в. деньги стали еще могущественнѣе, капиталъ и капиталисты получили еще большую силу; появились и *банки*. Въ Аѳинахъ банковое дѣло находилось обыкновенно въ рукахъ мѣнялъ, *трапезитовъ*. Въ IV в. особенно извѣстенъ былъ тамъ банкъ бывшаго раба и вольноотпущенника Пасіона, котораго называютъ Ротшильдомъ того времени. Частныя лица часто держали деньги не у себя дома, а клали въ банкъ; священныя деньги иногда тоже хранились тамъ ради процентовъ. Банкирскія книги имѣли силу документальнаго доказательства. Бывали и банки городскіе или общественные. Напр., въ эллинистическую эпоху былъ такой банкъ въ Милетѣ; изъ дошедшей до насъ надписи мы узнаемъ, что въ этомъ банкѣ, между прочимъ, хранился капиталъ, пожертвованный гражданиномъ Евдемомъ на школьное дѣло и записанный въ счетъ города подъ особой рубрикой—„пожертвованіе Евдема на образованіе свободныхъ мальчиковъ“ [1]).

Вообще *капитализмъ* былъ хорошо извѣстенъ Греціи; извѣстно было и самое слово „*плутократія*“ [2]). А Платонъ въ своемъ „Государствѣ“ подъ именемъ *олигархіи* рисуетъ въ сущности *плутократію*. Тутъ, по образному его описанію, неистово чтутъ во мракѣ свое золото и серебро; строятъ хранилища и особыя сокровищницы, чтобы складывать и прятать въ нихъ свое богатство, воздвигаютъ себѣ стѣны домовъ, точно

---

[1]) См. мою ст. „Школьное дѣло у древн. грековъ“ („Вѣстн. Евр.“, 1911, апр., стр. 95) и далѣе гл. VIII.

[2]) Встрѣчается у Ксенофонта, въ „Воспоминаніяхъ о Сократѣ“ (IV, 6, 12)

гнѣзда, чтобы тамъ расточать огромное свое имущество; трясутся надъ деньгами. Олигархію губитъ кладовая, полная золота. Тутъ преобладаютъ любостяжатели; въ государствѣ расточаютъ похвалы, удивляются и ввѣряютъ власть богатому, а бѣднаго унижаютъ Идоломъ здѣсь служатъ золото и серебро, которыя обнаруживаютъ притягательную силу; жажда стяжанія непрерывно растетъ; одни чрезмѣрно богаты, другіе—крайне бѣдны. Наряду съ богачами и круглыми бѣдняками появляются праздные лѣнтяи и расточители. Это — трутни, съ тою разницею, что у пчелъ трутни безъ жалъ, а двуногіе трутни бываютъ безъ жала, но бываютъ и съ жаломъ И вотъ сидятъ обѣднѣвшіе въ городѣ, снабженные жаломъ и вооруженные, одни — обремененные долгами, другіе — лишившіеся правъ, третьи — испытывая то и другое, и они ненавидятъ завладѣвшихъ ихъ состояніемъ и всѣхъ остальныхъ, злоумышляютъ противъ нихъ и жаждутъ переворота. А ростовщики, нагнувшись и какъ бы не видя ихъ, каждаго новаго поддающагося имъ ранятъ, впуская серебро, и, наживая проценты, увеличиваютъ въ городѣ число тунеядцевъ и нищихъ. Если такъ настроенные правители и управляемые сойдутся между собой, когда, напр., изможденный и загорѣлый бѣднякъ, стоя въ сраженіи подлѣ богача, привыкшаго къ лѣни и холѣ, тучнаго, видитъ, какъ этотъ богачъ задыхается и изнемогаетъ,—тогда не приходитъ ли на мысль ему, что эти люди богатѣютъ только пороками, и тутъ же бѣднякъ, глазъ-на-глазъ съ другимъ бѣднякомъ, не говоритъ ли: наши господа ничего не стоютъ?

Итакъ, въ тогдашней Греціи рядомъ съ богачами были бѣдняки, на ряду съ капитализмомъ росъ и *пролетаріатъ*.

По Платону, греческій polis — государство-городъ того времени—распался какъ-бы на двое: на бѣдныхъ и на богатыхъ, жившихъ вмѣстѣ, но глубоко враждебныхъ другъ другу, представлявшихъ два непріятельскихъ лагеря. Выраженіе Гоббса: „*война всѣхъ противъ всѣхъ*“, встрѣчается уже въ греческой литературѣ того времени, и именно у Платона [1]). Борьба политическая была вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбой *соціальной*, *классовой*. Этимъ объясняется ея ожесточенный характеръ, напр. такіе факты, какъ звѣрства, произведенныя на островѣ Керкирѣ, эпизоды въ Сиракузахъ во время Агаѳокла или извѣстный *скитализмъ* въ Аргосѣ, когда чернь избила палками болѣе 1000 богатыхъ. „Народъ въ Аргосѣ“, говоритъ Исократъ [2]), „тѣшился избіеніемъ богатыхъ гражданъ и, устраивая побоище, радуется сильнѣе, нежели иные радуются, избивая непріятеля. Въ Пелопоннесѣ непріятеля боятся меньше, чѣмъ своихъ согражданъ. Богачи охотнѣе бросили бы свое достояніе въ море, чѣмъ отдать бѣднымъ; бѣдные же ничего такъ не желали, какъ ограбить богатыхъ“.

Ненависть была взаимная. Мы видѣли, какую, напр., клятву давали олигархи—быть врагомъ народа и вредить ему всячески. Демагоги же твердили, что „высшія

---

[1]) Законы. р. 626

[2]) Филиппъ 52.

сословія на родинѣ—все равно, что иноземный непріятель: прирожденные враги бѣднаго человѣка".

Положеніе бѣдняковъ было тяжкое. „Въ старину", замѣчаетъ Исократъ [1]), „ни одинъ гражданинъ не терпѣлъ недостатка въ необходимомъ и ни одинъ не позорилъ государства, прося у проходящихъ милостыню; а теперь нуждающихся больше, чѣмъ имущихъ... Можно простить бѣднякамъ, если они думаютъ не о государственныхъ дѣлахъ, а только о томъ, какъ просуществовать сегодняшній день. Кто не опечалится, видя, сколько гражданъ ждетъ жребія предъ дикастеріемъ (судилищемъ) ради хлѣба насущнаго" (чтобы попасть въ присяжные и получить плату), „будутъ ли они имѣть его, этотъ хлѣбъ, или нѣтъ; какъ они за плату въ золотыхъ одеждахъ участвуютъ въ хорахъ, а зиму ходятъ въ одеждѣ, которую я и описать не могу". Жалкая обстановка бѣдняковъ изображается у Аристофана въ комедіи „Плутосъ" („Богатство"): отъ холода они ищутъ убѣжища въ баняхъ, вмѣсто плаща у нихъ лохмотья, вмѣсто постели — мѣшокъ съ соломой, полный клоповъ, вмѣсто ковровъ—прогнившая плетенка, вмѣсто хлѣба питаются они стеблями мальвы, вмѣсто ячменной лепешки—завядшею зеленью рѣдьки, вмѣсто скамьи имъ служитъ горло разбитаго кувшина, а вмѣсто квашни — бокъ поломанной бочки [2]). Дѣло въ томъ,

[1]) Ареопагитикъ, 52 сл., 83

[2]) Это описаніе очень напоминаетъ слова „Мемуара королевскихъ коммиссаровъ о народной нуждѣ и о средствахъ помочь ей" во Франціи при Людовикѣ XIV, въ 80-хъ годахъ XVII ст: . . Въ деревняхъ.. крестьяне питаются исключительно

что богъ богатства, Плутосъ, слѣпъ: ослѣпилъ его еще въ дѣтствѣ Зевсъ, чтобы онъ слѣпо раздавалъ свои дары, и вотъ честный, богобоязненный земледѣлецъ работаетъ въ потѣ лица, нуждается, живетъ впроголодь, а „другіе — святотатцы, ораторы, сикофанты и дурные люди“ — богатѣютъ...

Нелегко было подчасъ и положеніе богатыхъ. Ни одинъ гражданинъ, по словамъ Исократа [1]) не живетъ пріятно и беззаботно: одни жалуются на бѣдность и нужду, другіе — на множество повинностей; имѣющимъ состояніе иногда хуже живется, чѣмъ тѣмъ, кто постоянно находится въ бѣдности. У Ксенофонта обѣднѣвшій аристократъ радуется — конечно, не безъ иронiи — потерѣ состоянія. „Когда я былъ богатъ“, говоритъ онъ, „я, во-первыхъ, боялся, какъ бы кто не сдѣлалъ подкопа въ домѣ, не взялъ моихъ денегъ и не причинилъ мнѣ самому какого-либо зла. Затѣмъ, я ухаживалъ за сикофантами, зная, что я могу скорѣе отъ нихъ потерпѣть непріятность, чѣмъ причинить имъ. Кромѣ того, государство требовало отъ меня по-

---

чернымъ хлѣбомъ; не имѣющіе даже этого хлѣба питаются кореньями папоротника, отваренными вмѣстѣ съ ячменной или овсяной мукой и солью... Но всего лучше можно наблюдать крестьянскую бѣдность въ ихъ собственныхъ домахъ, гдѣ во всемъ замѣчается крайняя нужда. Они спятъ на соломѣ, имѣютъ только одно носильное платье, и то никуда негодное, обходятся совсѣмъ безъ мебели, безъ всякихъ запасовъ провизіи, безо всего, что хотя бы сколько-нибудь напоминало достатокъ“ (Mémoires des intendants sur l'état des généralités, dressés pour l'instruction du duc de Bourgogne. I. Mémoire de la généralité de Paris, publ. par *M. de Boislisle*. 1881; цит. у *Лакуръ-Гайе*, Исторія новаго времени 1610—1789. Спб. 1894. стр. 320 [рус. пер.]).

[1]) О мирѣ, 127—8.

стоянно какихъ-либо расходовъ, а отлучиться мнѣ никуда нельзя было. Теперь же, послѣ того, какъ я лишился находящихся за нашими предѣлами имѣній, а здѣшняя земля не приноситъ дохода и домашнее имущество продано, я сладко сплю, растянувшись; я сталъ надежнымъ для государства, мнѣ никто не угрожаетъ, но уже я угрожаю другимъ; какъ свободному человѣку, мнѣ можно и отлучаться, и здѣсь оставаться. Предо мною встаютъ съ мѣстъ богатые и уступаютъ мнѣ дорогу. Теперь я подобенъ тиранну, а прежде я былъ явно рабомъ. Тогда я вносилъ подать народу, а теперь государство мнѣ платитъ и кормитъ меня“ [1]).

Демократія, подобная хотя бы аѳинской, многихъ не удовлетворяла. Не говоря уже объ олигархахъ,— народная масса, въ юридическомъ и политическомъ отношеніи уравненная съ богатыми и знатными, все-таки чувствовала себя обездоленною. Демократы, говоритъ Аристотель, думали такъ: если они въ какомъ-либо отношеніи равны, хотя бы въ отношеніи свободы, то, слѣдовательно, они и вообще равны. Другими словами, за политическимъ равенствомъ должно было слѣдовать и равенство соціальное. И вотъ, являлась мысль объ устройствѣ общества на совершенно иныхъ началахъ: являлись *коммунистическія идеи.*

Что подобныя идеи существовали въ тогдашнемъ греческомъ обществѣ, лучше всего показываетъ комедія Аристофана: „Женщины въ народномъ собраніи“. Въ этой пьесѣ женщины берутъ въ свои руки упра-

[1]) Пиръ, IV, 30—32.

вленіе государствомъ и устраиваютъ его на новыхъ началахъ—коммунистическихъ. Государство, надѣются онѣ, станетъ тогда счастливымъ—не будетъ ни грабежей, ни зависти, ни нагого, ни бѣднаго, ни заклада имущества; все будетъ общимъ достояніемъ, каждый будетъ жить на общій счетъ. При новомъ порядкѣ не будетъ воровства — все, вѣдь, общее; кто же станетъ красть свое? Не будетъ ссоръ и тяжбъ. Если кто пожелаетъ плащъ, ему добровольно отдадутъ; изъ-за чего ссориться, когда другой, еще лучшій плащъ можно достать изъ общаго склада? Образъ жизни для всѣхъ будетъ общій; городъ составитъ какъ бы одинъ домъ. Судебныя мѣста и портики превращаются въ общественныя залы. На ораторскихъ трибунахъ — сосуды съ яствами и питіями, на площади—урны съ жребіемъ, но не для избранія присяжныхъ или должностныхъ лицъ (въ Аѳинахъ они избирались большею частью по жребію), а для распредѣленія пирующихъ по разнымъ помѣщеніямъ, сообразно тому, какую кто букву или нумеръ — вынетъ изъ урны. Словомъ, аѳинянамъ остается только пировать, а работать будутъ рабы, безъ которыхъ не обходится и этотъ новый коммунистическій строй. Какъ осуществлялось постановленіе женщинъ о введеніи коммунизма, показываетъ сцена, въ которой выведены два гражданина: одинъ спѣшно укладываетъ свое имущество, чтобы согласно новому распоряженію нести его на площадь и сдать въ общую казну, а другой не спѣшитъ: не желая разстаться такъ легко съ своимъ достояніемъ, онъ выжидаетъ, какъ будетъ исполнено приказаніе другими и

не помѣшаетъ ли какое-нибудь неожиданное происшествіе, въ родѣ, напр., землетрясенія, приведенію въ исполненіе задуманнаго нововведенія. Насмѣшка Аристофана имѣла смыслъ и могла быть понятной для зрителей лишь въ томъ случаѣ, если въ дѣйствительности существовало нѣчто подобное тому, что́ изображаетъ или на что́ намекаетъ комикъ,—если коммунистическія идеи не были чужды современному ему обществу. Не говоримъ уже о мечтахъ философовъ, въ родѣ проекта Фалея (или Фалеаса) Халкедонскаго, стоявшаго за уравненіе поземельной собственности и въ такомъ имущественномъ равенствѣ видѣвшаго средство противъ преступленій, такъ какъ тогда людямъ не придется прибѣгать къ нимъ отъ голода и холода, или въ родѣ идеальнаго государства Платона, у котораго—по крайней мѣрѣ для правителей и стражей-воиновъ—вводится общность имущества, такъ какъ, по его мнѣнію, этимъ достигается больше цѣльности и единства и устраняются несогласія и раздоры, вызываемые существованіемъ собственности. Не будемъ говорить и о такихъ утопіяхъ-романахъ, напоминающихъ утопіи Томаса Мора и Кампанеллы, какъ разсказы Ѳеопомпа о „землѣ мероповъ“, „Священная Хроника“ Евгемера и въ особенности „Солнечное государство“ Ямбула [1]). А на Липарскихъ островахъ въ дѣйствительности существовала общность имущества: переселившіеся сюда дворяне въ началѣ VI в. установили,

[1]) О нихъ см. у Пельмана и *Rohde,* Der griechische Roman und seine Vorläufer. 1900 (2-изд.).

сообща съ липарцами, коллективную форму владѣнія, организовавъ общину на коммунистическихъ началахъ [1]).

Важность *соціальнаго вопроса* и его разрѣшенія сознавалась еще въ древности. Фалей объяснялъ преступленія „голодомъ и холодомъ". Даже авторъ Псевдо-Ксенофонтовой „Аѳинской Политіи", относившійся съ такой непримиримою ненавистью къ демосу, соглашается, что если народъ проявляетъ невѣжество, безпорядокъ, низость, то это вполнѣ естественно: его доводитъ до этого бѣдность. Изъ словъ Аристотеля мы видимъ, какое значеніе придавалось надлежащему урегулированію имущественныхъ отношеній: изъ-за этихъ отношеній, говоритъ онъ, происходятъ большею частью безпорядки [2]). Для прочности государства важно обезпечить матеріальное благосостояніе жителей. Въ демократіяхъ нужно, чтобы демосъ не былъ бѣденъ. Самый лучшій строй—тотъ, гдѣ преобладаетъ средній классъ; самое счастливое государство — то, въ которомъ граждане имѣютъ среднее, достаточное состояніе [3]). Аристотель возстаетъ противъ обычнаго образа дѣйствія демагоговъ, противъ конфискаціи имущества богатыхъ, противъ раздѣла ихъ имѣній и излишняго обремененія повинностями, „литургіями". Надо щадить богатыхъ и заботиться о благосостояніи массы; надо придумать средства, чтобы это благосостояніе было постояннымъ, „хроническимъ". Для этого въ числѣ мѣръ рекомен-

---

[1]) Діодоръ, V, 9, *Ѳ Г. Мищенко*, Общность имущества на Липарск. островахъ (изъ Журн. Мин. Нар. Просв.).

[2]) Политика, II, 4, 1; 1266a 36 сл.

[3]) Политика, IV, 9, 3 сл.; 1295b 2 сл.

дуется изъ излишка государственныхъ доходовъ давать неимущимъ средства на пріобрѣтеніе въ собственность небольшого участка земли, на открытіе торговли или обзаведеніе сельскимъ хозяйствомъ и проч. По выраженію „Евдемовой этики“, человѣкъ существо не только политическое, но и экономическое [1]).

Государственный соціализмъ былъ извѣстенъ античной Греціи. Оставимъ въ сторонѣ Спарту, съ ея земельными надѣлами, „клерами“, и общественными столами, вызванными военной организаціей Спартанскаго государства. Но вспомнимъ мѣры Перикла въ Аѳинахъ, жалованье присяжнымъ и членамъ совѣта, „ѳеориконъ“ или зрѣлищныя деньги, а въ особенности его строительную дѣятельность, которая имѣла въ виду не только украсить Аѳины и „доставить имъ безсмертную славу“, но и „распространить благосостояніе среди населенія, вызвать разнообразную дѣятельность и различныя потребности, оживить всякія искусства и ремесла, занять всѣ руки, чтобы городъ весь былъ какъ бы на жалованьѣ, самъ себя украшая и вмѣстѣ съ тѣмъ питая“,— сдѣлать такъ, чтобы не только тѣ, кто получалъ вознагражденіе за службу государству, но и остальная масса не оставалась безъ работы и своей доли въ государственныхъ доходахъ, чтобы между всѣми возрастами и профессіями распредѣлялись занятія и благосостояніе [2]); вспомнимъ развитую систему клерухій или поселеній аѳинскихъ гражданъ внѣ Аттики,—поселеній, предназначенныхъ преимущественно для малоимущихъ

[1]) VII, 10, 1242a.

[2]) Плутархъ, 12.

классовъ. А въ концѣ V в. вошла въ употребленіе такъ называемая *діобелія* — раздача „двухъ оболовъ“, введенная въ тяжелую годину войны, какъ пособіе отъ государства нуждающейся массѣ; ввелъ ее демагогъ Клеофонтъ, котораго Пельманъ и Бузольтъ называютъ „настоящимъ якобинцемъ“. Аѳинское государство заботилось о калѣкахъ и убогихъ, инвалидахъ и сиротахъ воиновъ, павшихъ въ бою. Неимущимъ и увѣчнымъ выдавалось денежное пособіе, въ 1—2 обола ежедневно,—своего рода пенсія, на которую получали право лица, неспособныя къ работѣ и имѣвшія состоянія меньше, чѣмъ въ 3 мины (120 руб. на наши деньги). Дѣти тѣхъ, кто палъ за отечество, содержались и воспитывались на счетъ государства до своего совершеннолѣтія, т. е. до 18 лѣтъ.

Въ греческой литературѣ есть трактатъ „О доходахъ“, приписываемый Ксенофонту и рекомендующій своего рода государственный соціализмъ. Въ числѣ мѣръ къ увеличенію средствъ государства авторъ предлагаетъ прежде всего улучшить положеніе метэковъ. Затѣмъ онъ говоритъ о поощреніи торговли, какъ способѣ увеличить доходы. Тутъ для нѣкоторыхъ мѣръ не требуется и расходовъ: нужны лишь, по его выраженію, „филантропическія“ постановленія и заботливость. Для проведенія другихъ мѣръ понадобятся и взносы, но это будетъ лишь выгодное помѣщеніе капитала. Хорошо было бы, напр., построить торговыя помѣщенія, лавки, гостиницы и т. под. По проекту автора, государство должно выступить въ роли крупнаго предпринимателя. Особенно же рекомендуетъ

онъ разработку серебряныхъ рудниковъ, тѣмъ болѣе, что если другіе предметы могутъ падать въ цѣнѣ, то серебро, по его мнѣнію, никогда не потеряетъ своей цѣнности. Ссылаясь на примѣръ частныхъ предпринимателей, авторъ полагаетъ, что и государство можетъ дѣлать это и даже еще лучше; надо пріобрѣсти рабовъ, пока ихъ придется по три на каждаго аѳинянина, а затѣмъ всякій можетъ нанимать ихъ у государства: „вѣдь нанимаютъ же священные участки, храмы, дома и берутъ на откупъ пошлины“... Авторъ убѣжденъ, что если дѣло будетъ организовано такъ, какъ онъ проектируетъ. то всѣмъ аѳинянамъ станетъ содержанія отъ государства. Рудники должны служить неизсякаемымъ источникомъ доходовъ и благосостоянія. Нужда, пауперизмъ исчезнетъ...

Въ IV в. условія вообще измѣнились къ худшему. Государственныя средства Аѳинъ оскудѣли; колонизаціонную политику продолжать было нельзя: этому поставлены были и внѣшнія преграды. Правда, для многихъ открылось новое поприще — военная служба въ качествѣ наемниковъ,—явленіе, представляющее черты сходства съ итальянскимъ и вообще западно-европейскимъ наемничествомъ конца среднихъ и начала новыхъ вѣковъ: самые вожди греческихъ наемниковъ во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ итальянскихъ кондотьеровъ-династовъ. Но наемничество не рѣшало вопроса во всемъ его грозномъ объемѣ. Греціи, казалось, угрожалъ всеобщій переворотъ. Многіе ждали спасенія отъ Македоніи, которая и наложила руку на самостоятельность Эллады...

IV.

Государство эллинистической эпохи. — Антисемитизмъ въ Александріи.

Со временъ Александра Великаго преграда съ Востока пала. Востокъ былъ завоеванъ, и греческая культура распространилась среди его народовъ. Наступила эпоха такъ называемаго *эллинизма*, сліянія греческихъ и восточныхъ началъ. Изъ Александровой монархіи вышелъ рядъ эллинистическихъ государствъ, прежде всего—Египетское царство Птолемеевъ. Эллинистическое государство во многихъ отношеніяхъ еще ближе подходитъ къ государству новаго времени, особенно эпохи абсолютизма, нежели прежнее, чисто-эллинское государство-городъ [1]).

Прежде всего, оно занимаетъ гораздо бо̀льшую территорію, чѣмъ государство-городъ. Въ немъ—разнообразные по своему племенному составу элементы на-

[1]) *Ed. Meyer*, Alexander d. Grosse und die absolute Monarchie (въ его Kleine Schriften. Halle a. S. 1910); *Kaerst*, Geschichte d. Hellenistischen Zeitalters, Leipz.-Berl. 1909, II; *Wilcken*, Grundzüge...; на рус. яз.—*Н. И. Кареевъ*, Монархіи древн. Востока и греко-римск. міра. Спб. 1904.

селенія. Рядомъ существуетъ нѣсколько обширныхъ государствъ, которыя находятся между собою какъ-бы въ *политическомъ равновѣсіи*. Монархія Александра Великаго основалась путемъ завоеванія; преемники Александра — діадохи — полководцы, опирающіеся на военную силу и безпрестанно между собою воюющіе. Немудрено, что ихъ монархіи имѣютъ отчасти военный характеръ: военная сила и *милитаризмъ* играютъ въ нихъ видную роль. Но этимъ характеръ эллинистическихъ государствъ не исчерпывается: въ нихъ имѣются и иныя основы.

Въ ту эпоху господствуетъ культъ государя, личность котораго окружается ореоломъ божественности. Это даже болѣе, чѣмъ царь „Божьею милостью“. Эллинистическій государь, особенно въ Египтѣ, это видимый, явленный богъ, θεὸς ἐπιφανής. Его власть абсолютна. Въ монархіи Александра Великаго и его преемниковъ впервые въ исторіи выступаетъ предъ нами абсолютизмъ типа новаго времени. Здѣсь мы видимъ тотъ же принципъ, что̀ и у Людовика XIV и вообще въ новой Европѣ временъ полнаго развитія абсолютизма,—принципъ, выражаемый словами: l'état c'est moi. Въ Египтѣ, напр., государство—какъ-бы доменъ царя.

Но въ то же время эта монархія носитъ черты *„просвѣщеннаго абсолютизма“*. Въ греческой философіи того времени, особенно у стоиковъ, развивался монархическій идеалъ, создавался образъ мудраго монарха. Мудрецу приписывалось не только право, но и обязанность править государствомъ. Въ одномъ трактатѣ,

отъ котораго сохранились отрывки [1]), проводилась, напр., мысль, что только личныя способности, естественное право, а не происхожденіе, не право наслѣдственное, дѣлаютъ человѣка государемъ. Соотвѣтственно тогдашней философіи стоиковъ, идеальнымъ основаніемъ эллинистической монархіи, въ особенности Птолемеевъ, клалось благо государства. Съ этой точки зрѣнія не общественное достояніе было собственностью царя, а наоборотъ — царь являлся „общественнымъ достояніемъ“ [2]), служителемъ общаго блага. Одному изъ эллинистическихъ владѣтелей, Антигону Гонату, питомцу стоиковъ, приписывается выраженіе, что царская власть есть „славное рабство“, „славная служба“, ἔνδοξος δουλεία. Власть являлась бременемъ, наложеніемъ обязанности заботиться о благѣ всѣхъ, кто ввѣренъ попеченію властителя. Моммзенъ сравнивалъ монархію Птолемеевъ въ этомъ отношеніи съ монархіей Фридриха Великаго [3]), сравненіе, которое, конечно, можетъ быть принято не безъ оговорокъ [4]): извѣстно, какая темная оборотная сторона была въ этихъ эллинистическихъ царствахъ, какой деспотизмъ и жестокость проявлялись тамъ, и какія кровавыя сцены происходили нерѣдко при дворѣ эллинистическихъ властителей.

---

[1]) У Свиды I, 214 (Bekker). См. *Пельманъ*, Очеркъ греч. исторіи. Спб. 1910 (рус. пер.), стр 329—330.

[2]) ἡ βασιλεία κτῆμα τῶν κοινῶν, ἀλλ' οὐ τὰ δημόσια τῆς βασιλείας κτήματα.

[3]) Römische Geschichte. Berl. 1885, V, 559.

[4]) См. у *Пельмана*, стр 330.

Эти абсолютные монархи, стоящіе надъ всѣми и облеченные всею полнотою власти, не устраняли автономіи и нѣкоторой свободы отдѣльныхъ общинъ, греческихъ городовъ. Но, говоря вообще, мы видимъ тутъ, какъ и въ эпоху новаго абсолютизма, сильную централизацію. Мы имѣемъ въ виду преимущественно Египетъ, нѣкоторыми чертами напоминающій и Византію. Резиденція и дворъ царя, со сложнымъ придворнымъ церемоніаломъ, торжествами, аудіенціями, многочисленными придворными чинами разныхъ титуловъ и ранговъ, высшими должностными лицами, министрами,— является средоточіемъ государства. Все, что̀ выдается, находится при дворѣ, такъ или иначе связано съ нимъ. Образованное общество становится придворнымъ. Поэты, ученые живутъ милостями двора. Они—при музеѣ и, по злому выраженію одного современника, уподобляются курамъ, откармливаемымъ въ одной клѣткѣ. Абсолютные властители эллинистической эпохи, подобно представителямъ абсолютизма новаго времени, были меценатами: стоитъ вспомнить о такомъ учрежденіи, какъ знаменитая Александрійская Библіотека и Музей, бывшій своего рода академіей наукъ. Изъ этого центра, резиденціи царя, исходятъ законы, многочисленныя распоряженія, приказы, письма или рескрипты. Объ одномъ изъ царей той эпохи разсказываютъ, что онъ, обращаясь къ лицу, восхвалявшему царскую власть, сказалъ: „если бы ты зналъ, сколько мнѣ приходится писать, ты бы не взялъ царскаго вѣнца, хотя бы онъ лежалъ предъ тобою, у твоихъ ногъ“. Для разсылки этихъ приказовъ, распоряженій и писемъ, для сношенія центральнаго прави-

тельства съ мѣстными властями существовала въ Египтѣ временъ Птолемеевъ правильно организованная, дѣйствовавшая регулярно конная *государственная почта*, о которой мы теперь узнаемъ любопытныя подробности, благодаря недавно найденному папирусу [1]): до насъ дошелъ отрывокъ журнала промежуточной почтовой станціи въ Среднемъ Египтѣ, относящійся приблизительно къ 255 г. до Р. Х. Въ этомъ журналѣ почтовые чиновники отмѣчали часы и дни, когда проходила черезъ станцію правительственная корреспонденція, кому адресовалась, кто сопровождалъ почту, кому, при отправленіи со станціи, вручалась она и т. д. Въ опредѣленные часы и дни почта отправлялась по двумъ противоположнымъ направленіямъ: по одному, „сверху“, т. е. изъ Верхняго Египта, шла корреспонденція въ Александрію, адресованная царю, министру финансовъ и проч.; по другому, „снизу“, т. е. изъ Нижняго Египта, изъ Александріи, отправлялась корреспонденція отъ царя къ разнымъ мѣстнымъ высшимъ властямъ.

Вообще государство эллинистическаго періода въ Египтѣ было *бюрократическимъ*, съ массой чиновниковъ, съ громаднымъ *бумажнымъ дѣлопроизводствомъ*. Централизація, концентрація правительственной власти, особенно сказывалась въ финансовой администраціи. Тутъ царила строжайшая регламентація, фискальная система, съ откупомъ налоговъ и т. под. До насъ дошелъ интересный папирусъ—*податной уставъ* Птолемея Филадельфа 259/8 г. до Р. Х., не такъ давно

[1]) The Hibeh-Papyri, Lond. 1906, I; *Preisigke*, Die Ptolemäische Staatspost (Klio, VII, 1907); *Wilcken*, Chrestomathie, n° 435.

найденный [1]). Можно отмѣтить и *меркантилизмъ* Птолемеевъ: еще Дройзенъ въ своей „Исторіи эллинизма“ не безъ основанія говорилъ о „меркантильной системѣ“ Лагидовъ [2]).

Наконецъ, мы встрѣчаемъ уже въ греко-римскомъ Египтѣ, въ Александріи, такое явленіе, какъ *антисемитизмъ* [3]). Возникъ онъ на почвѣ національной и религіозной исключительности евреевъ, политическихъ и въ особенности экономическихъ отношеній (евреи занимались въ греко-римскомъ Египтѣ преимущественно торговлей и финансовыми операціями, были откупщиками податей, арендаторами и т. под.). Евреевъ называли „нечестивыми“, ἀνόσιοι; имъ для жительства отведены были особые кварталы (ср. гетто и современную „черту осѣдлости“). Уже тогда иные относятся къ нимъ съ непріязнью и недовѣріемъ и обвиняютъ ихъ въ ростовщичествѣ. Въ одномъ изъ недавно опубликованныхъ писемъ, сохранившемся среди папирусовъ [4]), нѣкій негоціантъ, по имени Сарапіонъ, обращается къ своему собрату, запутавшемуся въ долгахъ,

[1]) *Grenfell and Mahaffy*, The revenue laws of Ptolemy Philad. Oxford. 1896.

[2]) „Исторіи восточной торговли греко-римскаго Египта“ посвящена книга *М. М. Хвостова* (Казань. 1907).

[3]) *Г. Э. Зенгеръ*, Еврейскій вопросъ въ древн. Римѣ (Варшавск. Унив. Изв., 1889, № 6); *Stähelin*, Der Antisemitismus des Altertums in seiner Entstehung und Entwicklung Basel. 1905; *Bludau*, Juden und Judenverfolgungen im alten Alexandria. Münster. 1906; *Wilcken*, Zum Alexandrinischen Antisemitismus Leipz. 1909 (изъ Abhandl. d. philolog.—histor. Klasse d kön. Sächs. Gesellschaft d. Wissensch, XXVII); *Schurer*, Geschichte d judisch. Volkes im Zeitalter Jesu Chr. 4-te Aufl. Leipz. 1909.

[4]) Ägyptische Urkunden aus den kön. Museen zu Berlin. Griechische Urkunden, IV, 1079; *Wilcken*, Chrestomathie, n° 60.

съ предостереженіемъ: „берегись евреевъ“, βλέπε σα(υ)τὸν ἀπὸ τῶν Ἰουδαίων; онъ совѣтуетъ ему лучше просить снисхожденія у какого-то Птолларіона (вѣроятно, кредитора), нежели обращаться къ евреямъ. Это предостереженіе, по замѣчанію Вилькена, написанное въ порывѣ ненависти, является первымъ извѣстнымъ намъ выраженіемъ — и при томъ „классическимъ“ — „дѣлового антисемитизма“. Уже въ тѣ времена взводили на евреевъ обвиненія въ ритуальныхъ убійствахъ [1]), и наконецъ антисемитизмъ сталъ выражаться даже въ погромахъ. Первый еврейскій погромъ въ Александріи произошелъ въ 38 г. по Р. Х., при Калигулѣ, по поводу вызывающаго появленія тамъ іудейскаго царя Агриппы. Сопровождался онъ разрушеніемъ синагогъ, разореніемъ и сожженіемъ до 400 домовъ, лавокъ и избіеніемъ евреевъ, изъ которыхъ многіе подверглись истязаніямъ и погибли.

Такимъ образомъ, антисемитизмъ и еврейскій вопросъ отчасти былъ знакомъ уже античной древности; по выраженію Моммзена [2]), ненависть къ евреямъ и травля евреевъ такъ же стары, какъ и сама „діаспора“. Существовала тогда и литература какъ антисемитическая, такъ и въ защиту евреевъ [3]).

---

[1]) Впервые у Аніона, современника императоровъ Тиверія и Калигулы.

[2]) Röm. Gesch., V, 515 сл.

[3]) См. у Іосифа Флавія и Филона. Въ числѣ папирусовъ есть новый матеріалъ—воспроизведеніе преній евреевъ и ихъ противниковъ предъ императорскимъ трибуналомъ, своего рода „Дѣянія“ или „Акты мучениковъ“, составленные на подобіе протоколовъ, съ использованіемъ документальныхъ данныхъ. См. главн. образ. *Wilcken*, Zum Alexandrinischen Antisemitismus.

V.

Женскій вопросъ въ древней Греціи.—Женское движеніе въ изображеніи Аристофана.—Воззрѣнія Платона.—Женская эмансипація въ эпоху „Просвѣщенія"; Аспазія.—Женщины-философы и профессора, Ипатія.

Вторую половину V в. до Р. Х., говоря о Греціи, не безъ основанія называютъ эпохой „Просвѣщенія". Она, дѣйствительно, имѣетъ много общаго съ эпохой „Просвѣщенія" во Франціи въ XVIII в.: и ту, и другую характеризуютъ раціонализмъ и скептицизмъ, критическое отношеніе къ традиціи, къ установившимся воззрѣніямъ, къ прежнимъ вѣрованіямъ и морали. А греческихъ софистовъ и ихъ роль можно сравнить до нѣкоторой степени съ французскими философами и ихъ положеніемъ въ обществѣ; тѣ собранія, которыя происходили, напр., въ домѣ Перикла и центромъ которыхъ являлась Аспазія, могутъ напомнить намъ французскіе салоны XVIII ст.

Одна изъ характерныхъ чертъ греческаго „просвѣщенія" — *эмансипація личности, развитіе индивидуализма*. Обнаруживается это во многихъ явленіяхъ, въ въ томъ числѣ — въ *женской эмансипаціи*. *„Женскій*

вопросъ", несомнѣнно, возникъ и существовалъ еще въ греческомъ мірѣ [1]). Достаточно указать на комедіи Аристофана „Лисистрата" и „Женщины въ народномъ собраніи".

Въ первой комедіи греческія женщины, подъ предводительствомъ героини пьесы Лисистраты, „пресвѣтлой главы смѣлаго дѣла и плана", сообща берутся спасти мужчинъ и всю Грецію отъ бѣдствій войны [2]), которая давно уже тянется, всѣмъ тягостна и въ особенности даетъ себя чувствовать женщинамъ; онѣ захватываютъ акрополь, казну, смѣло и энергично отбиваютъ нападенія стариковъ, пытающихся вытѣснить ихъ изъ акрополя, и т. д. „Мы", говоритъ Лисистрата, „терпѣливо, со свойственною намъ скромностью, сносили все, что̀ ни дѣлали вы, мужчины, ибо вы не позволяли намъ и пикнуть. Мы внимательно наблюдали за вашими дѣйствіями; часто, сидя дома, слышали о томъ, какъ вы плохо рѣшали важныя дѣла". И вотъ, когда дѣла приняли еще худшій оборотъ, когда открыто уже стали говорить, что въ странѣ не осталось ни одного мужчины,—всѣ пали или ушли на войну,—тогда греческія женщины, по зову и подъ предводительствомъ Лисистраты, собрались и порѣшили общими усиліями немедленно спасти Элладу. „И если вы послушаетесь нашего совѣта", продолжаетъ свою рѣчь Лисистрата пробулу, „и будете

---

[1]) Подробнѣе—въ моихъ „Историческихъ Этюдахъ". Спб 1911. Ср. *Ivo Bruns*, Frauenemancipation in Athen. Kiel. 1900 (перепеч. въ его Vorträge und Aufsatze. Münch. 1905); *Б. В. Варнеке*, Женск. вопросъ на аѳинск. сценѣ. Каз. 1905.

[2]) Пелопоннесской; комедія написана въ 411 г. до Р. Х.

молчать, какъ мы до сихъ поръ молчали, то мы направимъ васъ на правильный путь".

Слова эти и затѣя женщинъ, ихъ притязанія, разумѣется, возмущаютъ мужчинъ: между обѣими сторонами возникаетъ горячій споръ, обмѣнъ взаимныхъ нападокъ и обвиненій. Мужчинамъ кажется страннымъ, что женщины будутъ завѣдывать денежною казною; кажется безуміемъ, что онѣ хотятъ командовать гражданами: онѣ, слабыя существа, мечтаютъ теперь о шлемѣ и щитѣ и думаютъ вести переговоры о мирѣ! Для мужчинъ—это рѣшительный моментъ: если кто-либо изъ насъ хоть на палецъ уступитъ женщинамъ, говоритъ корифей мужского хора, тогда онѣ не прекратятъ ужъ неустанной дѣятельности, начнутъ строить корабли, давать морскія сраженія и нападать на насъ, подобно Артемисіи (о которой разсказываетъ Геродотъ и которая принимала участіе въ походѣ Ксеркса на Грецію). Мужчинамъ кажется страннымъ, что женщины намѣрены завѣдывать финансами, но Лисистрата не находитъ въ этомъ ничего удивительнаго: „развѣ мы, женщины", говоритъ она, „не завѣдуемъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ?" И она повторяетъ слова Еврипидовой Меланиппы: „Правда, я—женщина, но умъ есть у меня; сама я о себѣ не плохого мнѣнія; отъ отца и отъ старцевъ я много слышала изреченій и я недурно образована". Женскій хоръ заявляетъ, что онъ готовъ идти на все вмѣстѣ со своими мужественными сестрами, у которыхъ есть природныя дарованія, есть грація, есть смѣлость, умъ, патріотизмъ, разумная доблесть. „Развѣ я не обязана давать полезные совѣты государству?"

говоритъ устами хора греческая женщина. „Хотя я родилась женщиной, но не лишайте же меня права предлагать лучшее, нежели жалкое настоящее. Вѣдь я тоже плачу свою долю, ибо я даю государству гражданъ...“

Другая комедія Аристофана, о которой мы уже упоминали по поводу коммунизма (стр. 63 сл.): „Женщины въ народномъ собраніи“, написана лѣтъ двадцать спустя послѣ „Лисистраты“. Женщины на разсвѣтѣ, переодѣвшись въ мужское платье и подвязавъ бороды, отправляются, подъ предводительствомъ гражданки Праксагоры, въ народное собраніе, и тамъ, эти предшественницы современныхъ суффражистокъ, принимая въ соображеніе, что при главенствѣ мужчинъ государство испытываетъ бѣдствія, каждый заботится лишь о себѣ, а объ общемъ—никто, и „дабы не оставить неиспробованнымъ послѣдняго новшества“, постановляютъ передать управленіе государствомъ женщинамъ, ибо служатъ же онѣ въ домѣ управляющими и казначеями, а также въ виду добрыхъ качествъ женскаго пола. Государство, по мысли Праксагоры, должно быть устроено на совершенно новыхъ основаніяхъ—на началахъ свободы и равенства, общности женъ—или, вѣрнѣе, мужей—и имущества. Въ разговорѣ со своимъ мужемъ, Праксагора, президентъ новой женской республики, излагаетъ подробности этого коммунистическаго строя, побѣдоносно разрѣшая всѣ недоумѣнія и сомнѣнія,—подробности, которыхъ мы отчасти уже касались. Между прочимъ въ концѣ пьесы нѣсколько старухъ, одна старѣе и безобразнѣе другой, и моло-

дая дѣвушка спорятъ изъ-за обладанія молодымъ человѣкомъ.

Итакъ, оставляя въ сторонѣ злыя насмѣшки, комическія подробности и непристойныя сцены, которыми изобилуютъ эти комедіи, мы видимъ, что женщины у Аристофана недовольны существующимъ положеніемъ, протестуютъ противъ главенства мужчинъ и словомъ, и дѣломъ; ихъ волнуютъ интересы ихъ пола, родного города и даже всей Эллады; онѣ берутся рѣшать государственныя дѣла, вмѣшиваются въ политику, захватываютъ власть въ свои руки, предъявляютъ притязанія на управленіе, на доступъ къ должностямъ, создаютъ утопическіе планы переустройства государства и общества на новыхъ началахъ и т. д. Изъ ихъ среды выдѣляются смѣлыя, энергичныя, предпріимчивыя личности — Лисистраты и Праксагоры.

Конечно, каждое слово комика нельзя принимать за чистую монету; несомнѣнно, у него много преувеличеній, много каррикатурнаго. Но и каррикатура должна имѣть хоть отдаленное сходство съ оригиналомъ; намеки, самые смѣлые и, повидимому, нелѣпые, должны имѣть какое-либо отношеніе къ дѣйствительности, иначе они не будутъ понятны и не произведутъ надлежащаго впечатлѣнія. Комедія Аристофана — все-таки отраженіе, хотя бы и каррикатурное, тогдашней дѣйствительности. Очевидно, что въ концѣ V в. греческая женщина уже начинаетъ выходить изъ своего приниженнаго, замкнутаго положенія; она выросла изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыя была поставлена ея жизнь; она достигаетъ большой умственной зрѣлости;

ея самознаніе пробудилось, и она начинаетъ относиться критически къ окружающимъ явленіямъ, предъявлять права на свою долю участія въ общественной жизни. У Еврипида, въ „Медеѣ“, греческая женщина устами хора заявляетъ, о своемъ *стремленіи и способности къ умственному развитію, къ высшему образованію:*

„Часто умомъ углубляясь въ рѣшенье
Слишкомъ мудреныхъ вещей, чаще въ споры вступала,
Чѣмъ подобаетъ нашему полу.
Все-жъ есть и у насъ къ развитію склонность,
Необходимая мудрости спутница,
Коль не у всѣхъ, у немногихъ по краиности.
Музы доступны и женщинамъ“ [1]).

И въ „Мудрой Меланиппѣ“—трагедіи, изъ которой сохранились, къ сожалѣнію, лишь немногіе отрывки [2]),—Еврипидъ вывелъ *женщину* представительницею современнаго ему „Просвѣщенія“. Меланиппа, по ея собственнымъ словамъ, „не плохого мнѣнія о себѣ“ и о своемъ образованіи; „правда, я женщина,—замѣчаетъ она,—но умъ есть у меня“ [3]). Меланиппа—философъ [4]). Она высказывается противъ обычныхъ воззрѣній и суевѣрій, противъ вѣры въ чудеса; поэтъ влагаетъ ей въ

---

[1]) Перев. *Е. Ф. Шнейдеръ* (Спб. 1888 г.), съ небольшими измѣненіями.

[2]) *И. Ѳ. Анненскій* написалъ цѣлую пьесу: „Меланиппа-философъ“.

[3]) Слова эти произноситъ Лисистрата (въ комедіи Аристофана), но по объясненію схоліаста они взяты изъ Еврипидовои „Меланиппы“.

[4]) По свидѣтельству Діонисія Галикарн., Меланиппа у Еврипида получила прозваніе „мудрой“ потому, что она много философствовала.

уста смѣлыя по скептицизму мысли относительно Зевса и происхожденія міра, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ его Меланиппа ссылается на то, что она заимствовала свои разсказы у своей матери [1]).

Въ общемъ знаменателенъ уже тотъ фактъ, что женщины занимаютъ очень видное мѣсто въ произведеніяхъ Еврипида. Очевидно, въ то время начинали ужъ интересоваться ихъ душевнымъ міромъ; возникалъ вопросъ о положеніи женщины въ семьѣ и въ обществѣ, а въ приведенныхъ выше словахъ хора изъ „Медеи“ сказываются уже высшіе запросы, по крайней мѣрѣ избраннаго меньшинства. Въ тѣхъ нерѣдко противорѣчивыхъ отзывахъ, которые мы встрѣчаемъ у Еврипида относительно женщинъ, слышится какъ-бы отголосокъ различныхъ мнѣній по женскому вопросу въ тогдашнемъ обществѣ. Недаромъ и Аристофанъ посвятилъ женщинамъ цѣлыхъ три комедіи [2]), недаромъ его насмѣшки были такъ злостны: ясно, что вопросъ объ эмансипаціи женщинъ уже былъ поставленъ и занималъ умы. Въ „Лисистратѣ“ діалогъ между хоромъ мужчинъ и хоромъ женщинъ, съ взаимными упреками и нападками, это—въ сущности столкновеніе двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія на положеніе женщины; это—споръ сторонниковъ эмансипаціи и встревоженныхъ охранителей существующаго порядка, не могущихъ прими-

[1]) *Nestle*, Euripides, der Dichter d. griech. Aufklarung. Stuttg. 1901, стр. 32 сл., 266.

[2]) Кромѣ названныхъ („Лисистрата“ и „Женщины въ народномъ собраніи“), есть его пьеса „Женщины на праздникѣ Θесмофорій“ („Thesmophoriazusai“); но эта пьеса прямого отношенія къ „женскому вопросу“ не имѣетъ.

риться съ новыми сремленіями и бросающихъ женщинамъ, одушевленнымъ этими стремленіями, упрекъ въ невѣрности и нравственной распущенности. И Аристофанъ не стоитъ одиноко: онъ не былъ единственнымъ комикомъ, заговорившимъ о новыхъ сремленіяхъ женщинъ; въ комедіи Ферекрата „Тираннія“ женщины являются стоящими во главѣ правленія; комикъ Ѳеопомпъ написалъ пьесу „Женщины-солдаты“ и т. под.

Полагали, что Аристофанъ въ своей комедіи „Женщины въ народномъ собраніи“ имѣлъ въ виду осмѣять коммунистическій идеалъ Платона въ его „Государствѣ“. Но въ настоящее время можно считать доказанною ошибочность такого мнѣнія: Платоново „Государство“ появилось позже Аристофановой комедіи.

Какъ извѣстно, Платонъ въ своемъ „Государствѣ“ проповѣдуетъ общность женъ, дѣтей и имущества, по крайней мѣрѣ для высшихъ классовъ, для правителей и стражей. При такой общности, по его мнѣнію, будетъ достигнута бо́льшая цѣльность и единство. Но у Платона общность женъ не есть признаніе права свободной любви. Напротивъ, у него правительство строго регулируетъ заключеніе *временныхъ* браковъ, въ видахъ улучшенія породы или расы, при чемъ рекомендуется даже прибѣгать къ подложнымъ жребіямъ. По Платону мать не должна знать своихъ дѣтей, дѣти—родителей. Дѣти съ самаго рожденія поступаютъ въ своего рода воспитательные дома и ихъ воспитаніемъ завѣдуетъ государство.

Платонъ въ „Государствѣ“ доказываетъ равенство мужчинъ и женщинъ, между прочимъ, прибѣгая къ

аналогіи изъ міра животныхъ. Природа ихъ, говоритъ онъ, одинакова и нѣтъ такого дѣла, которое было бы свойственно женщинѣ, какъ таковой, или мужчинѣ, какъ таковому. Силы природы равно разлиты въ обоихъ полахъ; по природѣ всѣмъ дѣламъ причастна и женщина, всѣмъ и мужчина; только женщина слабѣе мужчины. Но и тутъ бываютъ исключенія, и иная женщина превосходитъ иного мужчину; а во-вторыхъ, если и есть нѣкоторая разница между мужскимъ и женскимъ поломъ, то разница эта не существенная, лишь количественная, а не качественная, не такая, которая мѣшала бы обоимъ поламъ во всемъ участвовать на одинаковыхъ правахъ. Платонъ сравниваетъ это съ тѣмъ, какъ, напр., если бы отъ занятія ремесломъ башмачника устранить людей, имѣющихъ густые волосы, на томъ основаніи, что есть плѣшивые башмачники, или наоборотъ.

Изъ такого взгляда Платона на женскую природу вытекаютъ два его положенія.

Во-первыхъ, женщина должна имѣть права и обязанности, одинаковыя съ мужчиной: ей долженъ быть открытъ доступъ ко всѣмъ занятіямъ, ко всѣмъ должностямъ, не исключая и правительственныхъ, и къ военной службѣ; она должна занимать мѣста въ государствѣ, ходить на войну, раздѣлять съ мужчиной обязанности стражей и по возможности имѣть участіе во всемъ. На войну женщины будутъ ходить сообща и водить съ собою подростковъ, чтобы тѣ, всматриваясь, пріучались и помогали. Дѣлая все сказанное выше, женщины, по словамъ Платона, не будутъ дѣ-

лать чего-либо противорѣчащаго ихъ природѣ. Существующій порядокъ скорѣе противорѣчитъ природѣ.

Во-вторыхъ, женщина должна получать образованіе, одинаковое съ мужчиной; она должна заниматься не только музыкой, но и гимнастикой, и военнымъ искусствомъ. Платонъ не отвергаетъ, что съ современной ему точки зрѣнія многое изъ того, что онъ предлагаетъ, покажется смѣшнымъ. Но онъ напоминаетъ, что было время, когда казалось, напр., смѣшнымъ видѣть упражненія нагихъ мужчинъ въ палестрахъ. Итакъ, говоритъ онъ, пусть жены стражей разоблачаются для участія въ гимнастическихъ упражненіяхъ, лишь бы онѣ облекались добродѣтелью; пусть участвуютъ въ войнѣ и въ другихъ занятіяхъ, касающихся государства...

Такія, можно сказать, крайнія воззрѣнія проводилъ Платонъ въ „Государствѣ“. Должны ли мы видѣть въ нихъ лишь воздушные замки, порожденіе смѣлой фантазіи? Едва-ли. По справедливому замѣчанію Тэна, литературное произведеніе — не простая игра воображенія или изолированный капризъ пылкой головы; это — снимокъ окружающихъ нравовъ и признакъ извѣстнаго состоянія умовъ... Это примѣнимо и въ данномъ случаѣ къ Платону. Въ „Государствѣ“ онъ не разъ повторяетъ, что „каждый долженъ дѣлать свое дѣло“. Такой принципъ, какъ справедливо думаетъ Виндельбандъ, могъ бы привести скорѣе къ проведенію различія между мужчиной и женщиной; если же философъ поступаетъ наоборотъ, то не въ силу требованій послѣдовательности, а подъ вліяніемъ другихъ причинъ, именно существованія женскаго вопроса въ тогдашнихъ

Аѳинахъ, проявленія женской эмансипаціи [1]). Не ученіе философовъ было источникомъ этого движенія, а наоборотъ—философскія построенія возникли на почвѣ того соціальнаго движенія, которое началось еще въ V вѣкѣ и которое философы лишь пытались научно обосновать [2]). Какое значеніе придавали современники идеямъ Платона, видно изъ того, что Аристотель счелъ нужнымъ остановиться на нихъ подробно и подвергнуть ихъ разбору въ числѣ тѣхъ ученій, которыя находили себѣ одобреніе.

Но въ философской литературѣ того времени высказывались и иныя воззрѣнія по женскому вопросу. Самъ Платонъ впослѣдствіи, признавая свой идеалъ совершеннаго—съ его точки зрѣнія—государства неосуществимымъ, пошелъ на компромиссъ съ господствовавшими въ его время порядками и предложилъ, какъ мы видѣли (стр. 24), въ своихъ „Законахъ“ другой, менѣе совершенный типъ государства. Здѣсь онъ уже не повторяетъ своего положенія объ одинаковыхъ способностяхъ мужчины и женщины; онъ говоритъ ужъ объ отдѣльномъ, видоизмѣненномъ сообразно полу, образованіи; но все-таки попрежнему настаиваетъ на привлеченіи женщинъ къ военной службѣ: пренебреженію женскимъ поломъ долженъ настать конецъ, говоритъ онъ, ибо иначе государство лишается половины своихъ силъ. А въ „Тимеѣ“ Платона въ одномъ мѣстѣ говорится, что души всѣхъ трусливыхъ и негодныхъ мужчинъ при переселеніи, на

---

[1]) *Виндельбандъ*, Платонъ, стр. 173.
[2]) *Ivo Bruns*, стр. 23.

время второй жизни, переходятъ, „какъ это и подобаетъ“, въ женщинъ [1]).

Ученіе Платона объ общности женъ, дѣтей и имущества, какъ извѣстно, подверглось критикѣ со стороны Аристотеля. Мысль Платона, что женщина должна заниматься тѣмъ же дѣломъ, что и мужчина, Аристотель находилъ странною. По его мнѣнію, мужчина отъ природы болѣе способенъ къ властвованію, нежели женщина, хотя и встрѣчаются исключенія: мужской полъ—сильнѣе, женскій—слабѣе, первый господствуетъ, второй подчиняется. Но Аристотель вовсе не держится того воззрѣнія, что жена—раба мужа: господство мужа надъ женою онъ сравниваетъ съ господствомъ правительствующаго лица надъ свободнымъ человѣкомъ въ республикѣ. Затѣмъ, Аристотель и для женщины требовалъ образованія и воспитанія: женщины составляютъ половину свободнаго населенія и, по его мнѣнію, плохо то государство, въ которомъ на женщинъ не обращено надлежащаго вниманія. Онъ требовалъ обученія обоихъ половъ музыкѣ и гимнастикѣ. Что касается брака, то высшей его формой Аристотель признавалъ моногамію и видѣлъ въ бракѣ духовное общеніе, гдѣ существуетъ принципъ раздѣленія труда, причемъ каждый привноситъ свое для общей цѣли и пользы и каждый имѣетъ свою

---

[1]) Раньше Платона, еще во второй половинѣ V в Демокритъ въ своихъ афоризмахъ выражался, напр., такъ: „женщина пусть не разглагольствуетъ, ибо это отвратительно“, или: „немногословіе—украшеніе женщины“; „быть въ подчиненіи у женщины оскорбительно и крайняя степень отсутствія мужества“.

особую добродѣтель, взаимно дополняя и радуя другъ друга [1]).

Важнымъ моментомъ въ исторіи женскаго движенія въ Греціи является эпоха *Просвѣщенія*, вторая половина V в. до Р. Х., когда, какъ было упомянуто, обнаружилось стремленіе къ освобожденію отъ какихъ бы то ни было оковъ и стѣсненій. Эмансипація женщинъ должна была выразиться главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, въ отрѣшеніи отъ условной морали, въ нарушеніи установившихся правилъ приличія и нравственности, и, во-вторыхъ, въ стремленіи къ высшему образованію. Такое стремленіе прежде всего обнаруживается въ Малой Азіи, въ Іоніи, гдѣ до тѣхъ поръ и политическая, и умственная жизнь шла быстрѣе.

Яркой, наиболѣе типичной представительницей эпохи „Просвѣщенія“ и вѣка Перикла въ этомъ отношеніи является талантливая и высокообразованная Аспазія, родомъ изъ Милета, и въ приведенныхъ выше словахъ хора изъ Еврипидовой „Медеи“ видятъ намекъ именно на нее.

Аспазія появилась въ Аѳинахъ, тогдашнемъ новомъ центрѣ умственной жизни Греціи, „школѣ Эллады“, около середины V в. и здѣсь заняла выдающееся положеніе въ обществѣ. Мы видимъ ее въ домѣ и въ кружкѣ Перикла: Периклъ развелся съ первою своею женою и сблизился съ Аспазіей. Естественное право любви такимъ образомъ взяло верхъ надъ правомъ

[1]) Кромѣ „Политики“, см и „Никомахову этику“.

брака [1]). Женился ли Периклъ на Аспазіи—вопросъ спорный; но есть основаніе думать, что Аспазія не была гетерой, какъ прежде обыкновенно полагали и какъ еще теперь утверждаетъ Виламовицъ-Меллендорфъ, отвергающій разсказы объ ея „салонѣ“; вѣроятно, она была женою Перикла [2]); но ихъ бракъ съ точки зрѣнія тогдашняго аттическаго права не могъ считаться законнымъ вполнѣ, ибо Аспазія не была аѳинянка; по проведенному же передъ тѣмъ самимъ Перикломъ закону дѣти отъ подобныхъ браковъ не пользовались правами гражданства. Какъ бы то ни было, Перикла и Аспазію связывала искренняя, серьезная и нѣжная любовь [3]). Любовь эта основывалась на сходствѣ ихъ духовныхъ стремленій, на общности интересовъ и одинаковости уровня умственнаго развитія. Аспазія была истинной подругой жизни Перикла, его совѣтникомъ, вдохновлявшимъ и поддерживавшимъ его въ трудной дѣятельности. Тутъ казался осуществленнымъ тотъ идеалъ брака и супружескаго счастья, о которомъ говоритъ Д. С. Милль въ своемъ трактатѣ „Подчиненность женщины“.

Все, что было выдающагося въ тогдашнемъ аѳинскомъ обществѣ, такъ или иначе принадлежало къ кружку Перикла. Не одни мужчины бывали здѣсь: нѣкоторые, если вѣрить свидѣтельству древнихъ, прихо-

[1]) *Белохъ*, Исторія Греціи, I, 376.

[2]) Кромѣ монографіи *Ad Schmidt*, Das Perikl. Zeitalter, 1877—1879, см. ст. *Judeich*'а объ Аспазіи въ Энциклоп. словарѣ *Pauly-Wissowa* и доводы *Ed. Meyer*'а въ его Forschungen z. alten Gesch. (т. 2) и Gesch. des Altertums (т. IV).

[3]) См. мою книгу „Периклъ“ (X. 1889), стр. 215—216.

дили въ домъ Перикла со своими женами. Душою же этого кружка—или, какъ бы мы теперь выразились, *салона*,—была Аспазія. Тутъ, при ея дѣятельномъ участіи и даже, быть можетъ, руководствѣ, велись разговоры на самыя разнообразныя темы, волновавшія умы и касавшіяся политики, философіи, брака и семейнаго счастья, образованія и воспитанія. Какіе иногда дебатировались здѣсь вопросы, на это нѣкоторымъ указаніемъ служитъ обвиненіе противъ Аспазіи въ безбожіи и нечестіи, поднятое Гермиппомъ.

Если вѣрить древнимъ, Аспазія вдохнула новую жизнь въ просвѣтительную философію того времени; она давала толчекъ къ новымъ идеямъ. Ее называли наставницею Сократа и Перикла. Ей приписывали большую долю вліянія на философское развитіе перваго. Сократовскій методъ, какъ говорили, есть методъ Аспазіи, и у одного древняго писателя [1]) приводится разговоръ (правда, мнимый) [2]) Аспазіи съ Ксенофонтомъ и его женою именно по такому методу на тему о бракѣ и образованіи жены. Въ Ксенофонтовомъ діалогѣ „О хозяйствѣ“ Сократъ, на вопросъ своего собесѣдника, какъ воспитать хорошую жену, рекомендуетъ ему обратиться къ Аспазіи, „которая все это гораздо лучше объяснитъ“. Въ „Менексенѣ“, діалогѣ, принадлежащемъ или, по крайней мѣрѣ, приписываемомъ Платону, Сократъ воспроизводитъ рѣчь, произнесенную будто бы Аспазіей. Выслушавъ, Менексенъ говоритъ, что „Аспазію можно назвать очень

[1]) У Цицерона со словъ Эсхина.

[2]) Такъ какъ Ксенофонтъ не могъ въ то время быть уже женатымъ.

счастливою, если она, будучи женщиной, въ состояніи сочинять такія рѣчи", на что̀ Сократъ отвѣчаетъ: „Если не вѣришь, то слѣдуй за мною и услышишь, какъ она говоритъ". „Я часто встрѣчался съ Аспазіей", замѣчаетъ Менексенъ, „и знаю, какова она". По словамъ Сократа, у него была не плохая учительница въ риторикѣ, а такая, которая сдѣлала хорошими ораторами многихъ другихъ и даже Перикла,—Аспазія; послѣ этого неудивительно быть сильнымъ въ словѣ. Упоминается о „прекрасныхъ рѣчахъ" Аспазіи *политическаго* содержанія. Аспазіи приписывали также большое вліяніе на Перикла. Говорили, будто она составила ту знаменитую надгробную рѣчь, которую произнесъ Периклъ надъ павшими воинами, воспользовавшись ея отрывками, и хотя все это говорится въ „Менексенѣ" скорѣе въ видѣ ироніи или шутки, тѣмъ не менѣе такія подробности характерны: онѣ показываютъ, какъ въ древности смотрѣли на Аспазію, ея краснорѣчіе и силу ея вліянія. Ея вліяніе усматривали и въ политическихъ событіяхъ того времени, въ такихъ фактахъ, какъ война съ Самосомъ или Пелопоннесская война. Недаромъ комики называли ее Омфалой, Деянирой, Герой Перикла.

Аспазія была лишь наиболѣе яркимъ, но не единичнымъ явленіемъ. Въ Платоновомъ „Пирѣ" передается бесѣда Сократа съ мантинейскою жрицею Діотимою объ Эросѣ, при чемъ Сократъ называетъ эту Діотиму „мудрою" и какъ бы ея авторитетомъ прикрываетъ свое ученіе объ идеальной, одухотворенной любви.

Женская эмансипація, отрѣшенная отъ обычной нравственности, нашла себѣ крайнее выраженіе въ *гетеризмѣ*. Гетеры, эти „жрицы свободной любви", въ тогдашнемъ обществѣ играли видную роль и были окружены поклоненіемъ. Но для насъ интереснѣе и важнѣе проявленіе женской эмансипаціи въ другой формѣ, въ иной сферѣ—въ области науки и философіи.

Стремленіе женщинъ къ высшему образованію оказывалось въ Греціи чрезвычайно жизненнымъ. Начиная съ первыхъ шаговъ гречѐской философской мысли въ VI в. и до паденія античной культуры передъ нами проходитъ рядъ женщинъ, съ увлеченіемъ занимавшихся наукой и философіей [1]).

У Пиѳагора была слушательница Ѳеано, на которой онъ потомъ женился; ей приписываютъ нѣкоторыя сочиненія и есть извѣстіе, что особенно замѣчательными познаніями она обладала въ медицинѣ. Дочери Пиѳагора изучали философію подъ руководствомъ отца, и одной изъ нихъ онъ передалъ свои сочиненія на храненіе. Вообще Пиѳагорейская философія была довольно распространена въ средѣ образованныхъ греческихъ женщинъ; извѣстно до 17 болѣе или менѣе выдающихся послѣдовательницъ этой философіи.

Были слушательницы и у Платона. Передаютъ, что одна изъ нихъ носила мужское платье. Дочь Аристиппа, основателя Киренской школы, усвоила философію своего отца и въ свою очередь сдѣлалась на-

[1]) О нихъ на русскомъ языкѣ см. между прочимъ—*И. В Цвѣтаевъ*, Изъ жизни высшихъ школъ Римской имперіи М 1902, стр. 131 сл.

ставницею своего сына, Аристиппа Младшаго, который поэтому и получилъ прозваніе Метродидакта, т.-е. выученнаго матерью. Встрѣчаются женщины и среди послѣдователей Эпикура, напр. Θемисто и ея дочь Леонтіонъ, которая потомъ вышла замужъ за любимаго ученика Эпикура Метродора.

У Метрокла, ученика Θеофраста, была сестра Гиппархія. Говорятъ, что она своей діалектикой приводила въ замѣшательство всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ она переселилась въ Аѳины и здѣсь такъ увлеклась ученіемъ циника Кратеса, что сдѣлалась его женою, — фактъ любопытный между прочимъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, что любовь между мужчиной и женщиной не была чужда греческому міру и что противоположное утвержденіе, нерѣдко встрѣчаемое, невѣрно. Въ особенности это нужно сказать о періодѣ эллинизма. Въ данномъ случаѣ необходимо еще принять во вниманіе, что Гиппархія была изъ знатной семьи, что ея руки добивались многіе, и вспомнить, какую нищенскую жизнь, лишенную всякихъ удобствъ, вели тогдашніе циники. Гиппархія раздѣляла эту жизнь со своимъ избранникомъ и мужественно переносила всѣ невзгоды [1]).

Вдова Мавсола, Артемисія, высоко цѣнила литературу. Между прочимъ она устроила своего рода конкурсъ, назначивъ премію за лучшую похвальную рѣчь въ честь покойнаго мужа своего. Есть извѣстіе, что сама она занималась медицинской наукой.

---

[1]) *Белохъ*. Исторія Греціи, II, 352 (перев.).

Вообще медициной уже въ древности интересовались многія женщины. Большую извѣстность на этомъ поприщѣ пріобрѣла Агнодика (по однимъ извѣстіямъ — за 300 лѣтъ, по другимъ—въ I-омъ вѣкѣ до Р. Х.), молодая дѣвушка изъ Аѳинъ. Она первая изъ женщинъ изучила медицину систематически и начала практиковать какъ женщина-врачъ. Такъ какъ существовалъ законъ, запрещавшій женщинамъ (наравнѣ съ рабами) заниматься медициной, то Агнодика переодѣлась мужчиной и поступила въ медицинскую школу. Вскорѣ она пріобрѣла большую извѣстность и практику среди женщинъ: своимъ паціенткамъ она открывала свой полъ, и тѣ, понятно, относились къ ней безъ всякаго стѣсненія, съ полнымъ довѣріемъ и охотно лѣчились у нея. Это возбудило зависть со стороны врачей, и они обвинили Агнодику передъ ареопагомъ въ томъ, что она подъ видомъ лѣченія будто-бы соблазняетъ женщинъ. Тогда Агнодика вынуждена была открыть свою тайну и, благодаря ходатайству знатныхъ женщинъ, была оправдана, а прежній законъ отмѣненъ [1]). Мать св. Прокопія, Ѳеодосія (III в. по Р. Х.), занималась медициной, въ особенности хирургіею, а св. Никерата излѣчила Іоанна Златоуста отъ тяжкой болѣзни [2]).

Но возвратимся къ женщинамъ-философамъ.

Четвертый и пятый вѣкъ нашей эры выставилъ

---

[1]) *Pauly-Wissowa*, Real-Encyclopädie d classisch. Altertumswissenschaft, s. v.

[2]) См. „Les femmes médec. d'autrefois“ *Бодуэна* и на основаніи этой книги—ст *В. Ѳ. Пуцыковича* въ „Истор Вѣстн.“, 1902, мартъ („Изъ историческаго прошлаго женскаго вопроса“).

цѣлый рядъ ихъ. Я не буду перечислять всѣхъ ихъ и назову лишь нѣкоторыхъ, наиболѣе замѣчательныхъ [1]).

Такова, напр., Сосипатра (IV в.), о которой ходило много легендарныхъ разсказовъ. Ей приписывали даръ провидѣнія. Родилась она близъ Эфеса и еще въ молодости обнаруживала особенную любовь къ поэзіи и философіи. Она вышла замужъ по любви—за философа Евстафія, но вскорѣ лишилась мужа. И вотъ молодая вдова поселяется близъ Пергама и въ своемъ домѣ открываетъ философскую школу. Ея современникомъ и какъ бы соперникомъ былъ философъ Эдесій, о которомъ Евнапій говоритъ, что слава его достигала звѣздъ. Но Сосипатра превосходила его бо̀льшимъ пыломъ и энтузіазмомъ. Ей пришлось выдержать тяжелую внутреннюю борьбу — между страстною любовью къ одному изъ своихъ слушателей и преданностью философіи. Въ концѣ концовъ послѣдняя взяла верхъ: Сосипатра осталась вѣрна философіи. Любовь къ ней она передала и одному изъ своихъ сыновей.

Дочь неоплатоника Плутарха, Асклепигенея (V в.), посвящена была въ тайны элевсинскихъ мистерій и явилась въ этомъ отношеніи наставницею философа Прокла.

Эдесія (V в.), по смерти своего мужа, философа Гермія, переселяется изъ Александріи въ Аѳины для завершенія образованія своихъ сыновей и вмѣстѣ съ ними, несмотря на немолодые уже годы свои, посѣщаетъ лекціи Прокла. Ея сыновья впослѣдствіи за-

[1]) См. *И. В. Цвѣтаевъ*, l. c

няли довольно видное мѣсто среди философовъ того времени.

Многія женщины являлись достойными помощницами Дамаскія въ послѣднюю пору существованія древняго университета въ Аѳинахъ.

Но изъ всѣхъ замѣчательныхъ представительницъ науки и философіи на рубежѣ древняго и средневѣковаго міра особенно выдается Ипатія, въ концѣ IV и началѣ V в. составлявшая славу Александріи. Она останавливаетъ на себѣ вниманіе своею ученостью, своими высокими нравственными качествами, самою своею трагическою кончиною. Недаромъ ея жизнь послужила темой для историческаго романа.

Ипатія [1]) родилась около 370 г. по Р. Х. и была дочерью извѣстнаго въ то время математика Ѳеона. Она получила прекрасное научное и философское образованіе. По свидѣтельству современниковъ, особенно обширны были ея познанія въ математикѣ, механикѣ и астрономіи. Въ числѣ ея трудовъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, до насъ не дошло даже отрывковъ, называютъ комментарій къ сочиненіямъ знаменитаго математика Діофанта, астрономическій канонъ и комментарій къ трактату Аполлонія о коническихъ сѣченіяхъ. Говорили, что въ математикѣ Ипатія превзошла своего отца, а въ философіи — всѣхъ своихъ современниковъ

---

[1]) *Hoche*, Hypatie, die Tochter Theons (Philologus, XV, 1860); *А. А. Остроумовъ*, Синезій, епископъ Птолемаидскій. М. 1879, стр. 37—42; *Zeller*, Gesch. d. griech. Philosophie, III, 2; *И. В. Цвѣтаевъ*, l. c; *Schubert*, Hypatia von Alexandrien in Wahrheit und Dichtung (Preuss. Jahrb., CXXIV, 1906).

и даже, какъ выражается одинъ историкъ, всѣхъ бывшихъ задолго до нея. По своему философскому направленію она принадлежала къ господствовавшей въ то время школѣ неоплатониковъ, и въ лицѣ ея эта школа достигла въ Александріи новаго расцвѣта и блеска. Ипатія, однако, толковала не только Платона, но и Аристотеля и другихъ философовъ. Она, такъ сказать, формально занимала каѳедру философіи въ Александріи.

Ея дѣвственная красота, женственная скромность, ея ученость, ея умъ и дарованія дѣйствовали обаятельно на учениковъ и современниковъ, вызывая въ нихъ чувство, близкое къ благоговѣнію. Въ одномъ греческомъ стихотвореніи, обращенномъ къ Ипатіи, авторъ со свойственной тому времени напыщенностью говоритъ: „Когда я смотрю на тебя и слышу твои слова, я поклоняюсь тебѣ, созерцая жилище звѣздное дѣвы; ибо на небо восходятъ твои дѣла, блаженная Ипатія, рѣчей краса, незапятнанная звѣзда мудраго ученія“. Какимъ уваженіемъ и, можно сказать, благоговѣніемъ пользовалась Ипатія со стороны своихъ слушателей, лучше всего показываетъ отношеніе къ ней Синезія, ея ученика, выдающагося математика и астронома. Ипатія была язычница; Синезій перешелъ въ христіанство и сдѣлался епископомъ въ Птолемаидѣ, въ Киренаикѣ, и тѣмъ не менѣе онъ до конца остается ея восторженнымъ почитателемъ. Въ письмахъ своихъ онъ называетъ ее „истиннымъ руководителемъ священныхъ таинствъ философіи“, „своею матерью, своею сестрою, своею учительницею, которой онъ обязанъ столькими

благодѣяніями и которая заслужила съ его стороны всѣ почетные титулы". Синезій, христіанинъ и епископъ, посылаетъ Ипатіи, язычницѣ, на просмотръ даже свои богословскія сочиненія, прежде чѣмъ ихъ обнародовать. Еще впослѣдствіи, спустя много вѣковъ, если хотѣли отмѣтить умъ или ученость какой-либо женщины, то говорили, что это — „вторая Ипатія".

Слава Ипатіи распространилась далеко за предѣлы Александріи; со всѣхъ концовъ образованнаго міра стремились къ ней слушатели: всякій жаждалъ послушать знаменитаго философа-женщину. Ея домъ былъ умственнымъ центромъ Александріи. У входа къ нему можно было видѣть толпу пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ. Бывать у Ипатіи, слушать ея лекціи стало модой, признакомъ хорошаго тона.

И Александрія гордилась своею Ипатіею. Послѣдняя имѣла вліяніе на правительственныхъ лицъ и на дѣла общественныя; ея авторитетъ признавался и здѣсь, и нерѣдко Ипатія, облеченная въ философскій плащъ, наравнѣ съ мужчинами засѣдала въ городскомъ совѣтѣ. Но въ глазахъ невѣжественной, фанатически настроенной черни и низшаго духовенства Ипатія была ненавистной язычницей, главой языческой партіи, врагомъ александрійскаго епископа Кирилла. Тогда вообще были нерѣдки столкновенія между язычниками и христіанами, между представителями власти императорской и духовной, и вотъ во время одного изъ такихъ возмущеній, въ 415 г., Ипатія сдѣлалась жертвой народной ярости: въ тотъ моментъ, когда она возвращалась домой, на нее напали, стащили съ носилокъ, раздѣли до нага и

избили черепками; тѣло ея разорвали на куски и, по одному разсказу, разбросали ихъ по городу, по другому — сожгли.

Такою жестокою смертью погибла Ипатія, слава Александріи, эта женщина-профессоръ, обаятельный образъ которой долго потомъ еще жилъ въ воспоминаніяхъ потомства.

Отмѣтимъ, наконецъ, что въ императорскую эпоху греческія женщины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, преимущественно въ юго-западной части Малой Азіи, участвуютъ въ несеніи общественныхъ повинностей, въ такъ называемыхъ литургіяхъ, напр., въ гимназіархіи, носятъ званіе разныхъ магистратовъ—архонтовъ, притановъ, стратеговъ, гиппарховъ, являются эпонимами [1]).

Итакъ, женское движеніе въ греческомъ мірѣ выразилось, во-первыхъ, въ отрѣшеніи отъ обычной морали, въ провозглашеніи права свободной любви; крайнимъ выраженіемъ этого явился гетеризмъ; во-вторыхъ, оно выразилось—по крайней мѣрѣ отчасти—въ стремленіи къ общественной и политической дѣятельности; въ третьихъ—въ стремленіи къ высшему умственному развитію и образованію; не говоримъ уже о перемѣнѣ положенія женщины въ домѣ, въ семьѣ, какъ жены и матери. Въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ уже древность рѣшила вопросъ въ благопріятномъ для женщины смыслѣ: уже тогда, въ особенности въ эллинистическую эпоху, жена становится подругой и сотрудницей мужа; женщина по-

[1]) *Braunstein*, Die politische Wirksamkeit der griechischen Frau. Leipz. 1911.

лучаетъ доступъ къ высшему образованію, къ занятіямъ наукой, къ преподаванію даже, такъ сказать, съ профессорской каѳедры. На этомъ поприщѣ къ концу древняго міра она достигаетъ почти полнаго равноправія.

VI.

Индивидуализмъ.—Пессимизмъ.—Космополитизмъ

Довольно распространено мнѣніе, будто въ античномъ мірѣ личность была совершенно подавлена государствомъ и всецѣло принесена въ жертву послѣднему. Въ Греціи такъ было не всегда и не вездѣ, и упомянутое ходячее мнѣніе въ своей безусловной формѣ далеко отъ истины: надо различать эпохи и государства. Что̀ можетъ быть вѣрно по отношенію, напр., къ Спартѣ, то оказывается невѣрнымъ по отношенію къ Аѳинамъ. Уже въ гомерическихъ герояхъ есть своего рода индивидуализмъ, свойственный подобнымъ эпохамъ: герои эти проявляютъ подчасъ дикую страстность, слѣдуютъ собственному влеченію, дѣйствуютъ подъ вліяніемъ аффекта, при чемъ готовы ниспровергнуть все, что стоитъ на пути, нарушить всякія соціальныя и религіозныя связи. Въ эпоху тиранніи въ Греціи предъ нами выступаютъ личности съ сильно выраженною индивидуальностью, иногда, какъ было уже упомянуто (стр. 12), очень напоминающія итальянскихъ тирановъ эпохи Возрожденія. Въ аѳинской де-

мократіи личность далеко не была подавлена. Аѳинянинъ, по выраженію Круазэ [1]), даже въ своей любви къ отечеству, всегда оставался „неисправимымъ индивидуалистомъ". Въ этомъ отношеніи характерна и знаменитая рѣчь Перикла, которой мы уже касались: въ ней именно подчеркивается, какая свобода и какой просторъ предоставляется личности въ Аѳинскомъ государствѣ (стр. 27 см.).

Со времени „Просвѣщенія" индивидуализмъ сталъ развиваться еще сильнѣе. Софисты, въ лицѣ Протагора, провозгласили, что „человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей". Эгоизмъ возведенъ былъ тогда какъ бы въ систему, въ теорію. „Развилось", говоря словами одного изъ новѣйшихъ историковъ [2]), „крайне индивидуалистическое воззрѣніе на міръ и на жизнь, которое доходило нерѣдко до полнаго отрицанія права и государства и объявляло интересъ абсолютнымъ мѣриломъ всякаго дѣйствія и поведенія. Это была эпоха индивидуалистическаго естественнаго права, которое при удовлетвореніи эгоизма не знаетъ никакого другого предѣла, кромѣ размѣровъ собственной силы... По этой догматикѣ эгоизма право всегда на сторонѣ того, у кого въ рукахъ сила; право тождественно съ правомъ сильнаго".

Въ концѣ V в. мы видимъ такихъ яркихъ представителей индивидуализма, какъ Алкивіадъ и Критій.

Въ первомъ индивидуализмъ выразился наиболѣе рѣзко. Все, казалось, дано было Алкивіаду: и богатство, и знатность, и красота, и необыкновенныя даро-

[1]) *A. Croiset*, Les Démocraties antiques. P. 1909, стр. 140.
[2]) *Пельмана*, Очеркъ греч исторіи, стр. 201.

ванія. Но велики были и его эгоизмъ, его честолюбіе и тщеславіе, жажда первенствовать, повелѣвать. Это личность, въ которой было что-то демоническое; такъ обаятельно она дѣйствовала. Алкивіада можно было любить или ненавидѣть; но трудно было относиться къ нему равнодушно. И у него была толпа почитателей, преклонявшихся предъ нимъ, и толпа враговъ, травившихъ его. Вскорѣ послѣ смерти Алкивіада, въ IV в. создался его культъ [1]), какъ культъ генія, сильной личности. Алкивіадъ готовъ былъ сломить все на своемъ пути. Это — натура, которая не могла подчиниться ни законамъ, ни обычаямъ, презирала ихъ и выше всего ставила свое „я“, свою личность и свои интересы, — натура, которую еще Нибуръ назвалъ „тиранническою“. По выраженію одного греческаго поэта, двухъ Алкивіадовъ не вынесла бы Грецiя. Намекая на Алкивіада, Эсхилъ въ Аристофановыхъ „Лягушкахъ“ даетъ совѣтъ: „Не слѣдуетъ вскармливать молодого льва въ городѣ, а разъ вскормили, надо подчиняться его нраву“. И эта богато одаренная личность, благодаря отчасти своему непомѣрному эгоизму, отчасти условіямъ времени и среды, въ которой дѣйствовала, не принесла пользы и счастья Аѳинамъ; наоборотъ, ея вліяніе скорѣе оказалось роковымъ, пагубнымъ.

Критій, извѣстный олигархъ и террористъ, одинъ изъ тридцати „тирановъ“ въ Аѳинахъ, въ то же время является раціоналистомъ и индивидуалистомъ. Подобно нѣкоторымъ французскимъ философамъ XVIII в.,

[1]) *Bruns*, Das literarische Porträt d. Griechen. Berl. 1896, стр. 509 сл.

напр. Вольтеру, по мнѣнію котораго „религія установлена лишь для того, чтобы удерживать людей въ порядкѣ и заставить добиваться милости Бога добродѣтелью“ [1]), на религію Критій смотрѣлъ, какъ на умную выдумку, созданную для обузданія человѣка, для борьбы съ преступностью. „Было время“, — говорится въ его трагедіи „Сизифъ“, — „когда жизнь человѣческая была не устроена, звѣроподобна и покорна одной только грубой силѣ, когда не было ни награды для добраго, ни наказанія для злого. Но со временемъ люди ввели карательные законы, чтобы владычицею надъ людскимъ родомъ была правда, которая бы поработила надменность и наказывала совершившихъ преступленіе. Законы отвращали людей отъ открытаго насилія; но въ тайнѣ дѣлать насиліе люди не переставали. Тогда появился мудрый и изобрѣтательный человѣкъ, нашедшій средство внушать смертнымъ страхъ въ томъ случаѣ, если они будутъ тайно дѣлать, мыслить или говорить что-нибудь дурное. Онъ увѣрилъ людей, что существуетъ божество, цвѣтущее нетлѣнною жизнью, мыслящее, слышащее, видящее, чувствующее и за всѣмъ наблюдающее. Его божественная природа слышитъ все, что говорятъ смертные, и видитъ все, что они дѣлаютъ: если даже человѣкъ молчаливо задумаетъ какое-нибудь зло, то и это тайное намѣреніе не скроется отъ боговъ, которыхъ мысль на стражѣ повсюду. Говоря людямъ такія слова, этотъ человѣкъ ввелъ одно изъ самыхъ

[1]) *А. Г Вульфіусъ*, Очерки по исторіи идеи вѣротерпимости и религіозн. свободы въ XVIII в.: Вольтеръ, Монтескье и Руссо. Спб. 1911, стр. 94—95.

пріятныхъ ученій, прикрывъ ложнымъ словомъ истину. Съ цѣлью внушить наибольшій страхъ людямъ, онъ постоянно увѣрялъ, что боги существуютъ тамъ, откуда для людей происходитъ ужасъ и несчастіе въ ихъ злополучной жизни,—на воздушной высотѣ, гдѣ блистаютъ молніи, раздаются страшные удары грома и гдѣ украшено звѣздами небо, прекрасное произведеніе мудраго зодчаго — времени, откуда падаютъ сіяющія раскаленныя звѣзды и на землю идетъ влажный дождь. Окруживъ людей такими ужасами и поселивъ ради внушенія этихъ ужасовъ бога на подходящемъ мѣстѣ, этотъ человѣкъ потушилъ беззаконіе законами" [1]). Понятно, что съ точки зрѣнія Критія нравственный законъ не обязателенъ: выше всего стоитъ человѣческій разумъ, и по его велѣнію можно нарушить этотъ законъ; избранныя натуры, сильныя, властныя, могутъ отрѣшиться отъ обычной нравственности.

Такимъ образомъ, въ Греціи были свои „*сверхъ-человѣки*". Подобно тому, какъ философія Ницше, этого „сына античности", презираетъ слабаго, превозноситъ силу и сильнаго, провозглашаетъ: „смерть слабому", и признаетъ, что сильная воля по праву порабощаетъ слабую въ борьбѣ за существованіе,—подобно этому въ Платоновомъ діалогѣ „Горгій" [2]) высказывается Калликлъ. Человѣческіе законы, — говоритъ онъ,—это путы, коими слабые и ничтожные связываютъ сильныхъ: устанавливая законы, они одно хвалятъ, другое порицаютъ ради самихъ себя и своей

[1]) *А. Н. Гиляровъ*, Греческіе софисты. М. 1888, стр. 76—77.
[2]) P. 483—4, 491—2.

выгоды. Страшась, чтобы люди болѣе сильные и способные къ преобладанію не взяли верхъ надъ ними, эти слабые говорятъ, что своекорыстное притязаніе дурно, что стремленіе обладать бо̀льшимъ, чѣмъ другіе, составляетъ несправедливость. Сами будучи худшими, они дорожатъ равенствомъ. Вслѣдствіе этого законъ признаетъ несправедливымъ и дурнымъ, если одинъ человѣкъ старается имѣть больше, чѣмъ другіе: это, говорятъ, значитъ поступать несправедливо. А между тѣмъ сама природа учитъ, что лучшему справедливо преобладать надъ худшимъ и болѣе сильному надъ менѣе сильнымъ. Для животныхъ, для людей, для цѣлыхъ государствъ и народовъ право заключается въ томъ, чтобы сильнѣйшій властвовалъ и преобладалъ надъ слабѣйшимъ. Поступать такъ, значитъ дѣйствовать по закону природы, — конечно, не по тому, который измышляемъ мы, когда, овладѣвая людьми выдающимися и сильнѣйшими еще въ ихъ молодости, заговаривая и очаровывая ихъ, какъ ручныхъ львовъ, мы порабощаемъ ихъ, говоря: слѣдуетъ держаться равенства, въ этомъ-то и состоитъ прекрасное и справедливое. Если бы нашелся человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, то онъ бы стряхнулъ и расторгъ все это и, поправъ наши писанія, чары, заклинанія и всѣ противные природѣ законы, возсталъ бы и изъ раба сдѣлался бы господиномъ. Здѣсь-то просіяло бы право природы, — естественное право сильнаго. Сдерживать себя — глупо: по природѣ прекрасное и справедливое состоитъ въ томъ, чтобы безнаказанно удовлетворять свои желанія, служить имъ отвагою и умомъ. Толпа

по малодушію хвалитъ скромность и справедливость. Но для людей сильныхъ и властныхъ можетъ ли быть что-нибудь хуже скромности? При полной возможности безпрепятственно наслаждаться благами, нужно ли имъ ставить надъ собою господина — человѣческіе законы, толки и порицанія? „Роскошь, необузданность, свобода отъ всякихъ стѣсненій — вотъ добродѣтель и счастье; все остальное — пустая прикраса, противоестественное соглашеніе, ничего не стоющая людская выдумка!“ Въ эпоху „Просвѣщенія“ и софистовъ происходила, очевидно, *„переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“*.

Обыкновенно міровоззрѣніе грековъ представляютъ себѣ особенно жизнерадостнымъ. Начать хотя бы съ греческой религіи. Въ воображеніи большинства она рисуется какъ свѣтлый, радостный міръ; необыкновенно жизнерадостнымъ кажутся это сліяніе человѣка съ природой, эти празднества, „увѣнчанные цвѣтами хороводы“. Вспомнимъ слова Шиллера о „богахъ Греціи“:

„Свѣтлый міръ! о гдѣ ты?
Какъ чудесенъ былъ природы радостный расцвѣтъ“!

Въ настоящее время однако доказано, что религія грековъ, особенно первоначальная, это не только „лучезарный міръ радости и красоты“, но и таинственный міръ мрака, гдѣ всюду демоны и духи, нерѣдко злобные, подстерегающіе человѣка, угрожающіе ему на каждомъ шагу. Въ религіозномъ міросозерцаніи греческаго народа такимъ образомъ открываются и черты „безнадежной скорби, ужаса, пессимизма“ [1]).

[1]) *Е. Е. Кагаровъ*, Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ древн. Греціи (Журн. Мин. Нар. Просв., 1912, февр., стр. 61).

Мнѣніе о жизнерадостности Эллады требуетъ вообще большого ограниченія [1]): черта подчасъ глубокаго *пессимизма* далеко не чужда была эллину.

Уже у Гесіода мы встрѣчаемъ пессимистическое настроеніе. Золотой вѣкъ позади, въ далекомъ прошломъ; чѣмъ дальше отъ него тѣмъ хуже. Настоящее — мрачно: теперь — „вѣкъ желѣзный", вѣкъ насилія и неправды, заботъ и труда, страданій, вѣкъ преступный. Гесіодъ хотѣлъ бы „позднѣе родиться или раньше умереть", лишь бы не быть современникомъ своего поколѣнія. Но зло въ мірѣ еще усилится, и тогда, „прикрывъ прекрасное тѣло одеждой бѣлоснѣжной, съ земли широкой улетятъ на небо и Стыдъ, и Совѣсть", а смертнымъ людямъ оставятъ тяжкія печали. И не будетъ тогда защиты противъ зла...

Современникъ наиболѣе счастливой, быть можетъ, поры въ исторіи Греціи, когда еще разъѣдающая рефлексія, анализъ и скептицизмъ не достигли своего полнаго развитія, а междоусобныя войны еще не истомили Греціи, Геродотъ, котораго привыкли представлять себѣ большею частью наивнымъ и жизнерадостнымъ разсказчикомъ, съ грустью говоритъ объ измѣнчивости всего человѣческаго, о непостоянствѣ земного счастья и величія. Полнаго счастья не существуетъ для людей; земное счастье скоропреходяще, и нѣтъ человѣка настолько счастливаго, чтобы ему не приходило въ голову неразъ желаніе лучше умереть, чѣмъ жить; жизнь кратка, но вслѣдствіе несчастій и

---

[1]) *Burckhardt*, Griechische Kulturgeschichte. Berl., II, 373 сл.

болѣзней и она можетъ показаться долгою, а самая смерть явиться желаннымъ пристанищемъ (VII, 49, 46). Такія мысли влагаетъ Геродотъ въ уста перса Артабана. А Солонъ у него говоритъ Крезу: „Никто не можетъ назвать себя счастливымъ раньше смерти. Вообще человѣкъ подверженъ превратностямъ, и не только это относится къ отдѣльнымъ лицамъ, но и къ цѣлымъ народамъ“ (I, 32). Крезъ приходитъ къ сознанію, что круговращеніе человѣческихъ дѣлъ не дозволяетъ, чтобы постоянно одни и тѣ же лица были счастливы (I, 207).

Пессимистическія воззрѣнія мы находимъ даже и у жизнерадостнаго, уравновѣшеннаго Софокла, не говоря уже объ Еврипидѣ. Напр. въ заключительныхъ словахъ хора въ „Эдипѣ-царѣ“ [1]) повторяется мысль, которую мы встрѣчаемъ у Геродота:

„Учитесь, люди,
И пока предѣловъ жизни не достигнетъ безъ печали,
И пока свой день послѣдній не увидитъ тотъ, кто смертенъ, —
На землѣ не называите вы счастливымъ никого“.

И у Софокла смерть иногда—желанная избавительница отъ страданій:

„Гдѣ ты желанная?
Смерть, я зову тебя! Гдѣ же ты?
День безконечнаго отдыха,
День мой послѣдній, приди!“ [2]).

А вся жизнь человѣческая—ничтожество:

---

[1]) Перев. Д. С. Мережковскаго, стр 74.
[2]) Креонъ въ „Антигонѣ“ (пер. Д. С. Мережковскаго, стр. 62).

„Всѣ мы,
Всѣ, что̀ землею вскормлены, не болѣ,
Какъ легкіи призракъ и пустая тѣнь“ [1])

Или слова хора въ „Эдипѣ-царѣ“ о томъ, что не можетъ быть счастья для смертнаго:

„Ахъ, вся твоя жизнь,
О родъ человѣческій,—
Какое ничтожество!
Казаться счастливыми,—
Вамъ счастіе большее
Доступно ли, смертные?
Казаться,—не быть,—
И то на мгновеніе!
Я теперь лишь постигъ, твой примѣръ увидавъ,
Твою жизнь, твою скорбь, злополучный Эдипъ,
Что не можетъ быть счастья для смертнаго“ [2])

Послѣдняя мысль повторяется и въ „Антигонѣ“:

„Въ человѣческой
Жизни скорбямъ непричастнаго
Нѣтъ ничего“ [3]).

Но ярче всего пессимизмъ у Софокла выражается въ извѣстныхъ словахъ хора въ „Эдипѣ въ Колонѣ“:

„.. Долгая жизнь—только долгая скорбь
Каждый день приближаетъ къ страданью,
А покоя ни въ чемъ все равно не найдешь,
Если слишкомъ ты многаго хочешь.
Вотъ придетъ, смотри, безъ брака
И безъ лиры, и безъ хоровъ,
Всѣ желанья утоляя,

---

[1]) „Аянтъ-биченосецъ“, перев. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго („Рус. Мысль“, 1912, май).

[2]) Перев. Д. С. Мережковскаго, стр. 61.

[3]) Перев. Д. С. Мережковскаго, стр. 32.

Парка тихаго Аида—
Утѣшительница-смерть

Величайшее первое благо—совсѣмъ
Не родиться, второе—родившись,
Умереть поскорѣй, а едва пролетитъ
Неразумная, легкая юность,—
То умъ кончено,—мукамъ не будетъ конца:
Зависть, гнѣвъ, возмущенья, убійства;
И предѣлъ всему послѣдній—
Одинокая, больная,
Злая, немощная старость,
Ненавистная, проклятье
Изъ проклятій, мука мукъ[1]).

Мрачнымъ пессимизмомъ проникнуто міровоззрѣніе философа Гераклита [2]). Его называли „плачущимъ философомъ". По Гераклиту, міру присуща война, или борьба; она — его правда; все возникаетъ благодаря борьбѣ [3]). Война—отецъ всего и царь всего [4]). Все преходяще и суетно; все течетъ, ничто не остается, все мѣняется. Міръ — вѣчно живущій огонь, воспламеняющійся и угасающій [5])... Гераклитъ считалъ рожденіе зломъ: родятся, чтобы жить и затѣмъ умереть,

[1]) Перев. Д. С Мережковскаго, стр. 64—65.

[2]) *Diels,* Heraklitos von Ephesos. Berl. 1901, и *его же*, Die Fragmente der Vorsokratiker. 1903; есть рус. перев фрагментовъ Гераклита (Ниландера)

[3]) Fragm. 80.

[4]) Fr. 53

[5]) Съ этими словами греческаго философа *П. И Новгородцевъ* (Политич. идеалы древн. и новаго міра. М. 1910, I, 28) сравниваетъ слова русскаго писателя: „все дымъ и паръ; все какъ будто безпрестанно мѣняется, всюду новые образы, явленія бѣгутъ за явленіями, а въ сущности все то же да то же; все торопится, спѣшитъ куда-то—и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая". Это — размышленія Литвинова, героя романа Тургенева. „Дымъ".

или скорѣе—чтобы успокоиться, и дѣтей оставляютъ, чтобы и тѣ испытали смерть [1]).

Но особенно рѣзко пессимизмъ выражается въ эпоху „Просвѣщенія", у Продика. Зло міра, говоритъ этотъ софистъ, перевѣшиваетъ его блага. Судьба человѣка злосчастна, начиная съ момента рожденія, когда новорожденный жалобнымъ крикомъ встрѣчаетъ свое вступленіе въ жизнь, и кончая вторымъ дѣтствомъ—глубокой старостью; смерть—жестокосердый кредиторъ, который отбираетъ отъ плохого плательщика одинъ залогъ за другимъ—слухъ, зрѣніе, подвижность членовъ [2]).

Не чуждъ пессимизма и Платонъ [3])...

Съ конца V и начала IV в. вмѣстѣ съ индивидуализмомъ начинаетъ развиваться въ греческомъ мірѣ *космополитизмъ*. Уже у Аристофана есть выраженіе: „отечество—тамъ, гдѣ хорошо" [4]). У Еврипида говорится: „Земля, наша кормилица, вездѣ для насъ отечество". Здѣсь, правда, больше оппортунизма, чѣмъ космополитизма. Но другія выраженія отличаются уже болѣе идейнымъ характеромъ, напр. у того же Еврипида: „Благородный человѣкъ, живи онъ хоть и далеко, въ чужой странѣ, будь онъ недоступенъ моимъ глазамъ, все же онъ—мой другъ". Или: „Весь воздухъ—дорога для орла, вся земля—отчизна для благороднаго мужа" [5]). По Демокриту, „мудрецу открыта

[1]) Fr. 20.

[2]) *Гомперцъ*, Греч. мыслители, I, 364.

[3]) *Entz*, Pessimismus und Weltflucht bei Platon. Tübingen. 1911.

[4]) „Богатство", ст. 1150

[5]) *И. Ѳ. Анненскій*, Аѳинск. національнизмъ и зарожденіе идеи мірового гражданства („Гермесъ", 1907, № 1—2, стр. 51).

вся земля, потому что цѣлый міръ—отечество доброй душѣ“ [1]). Космополитизмъ былъ нечуждъ Сократу, идеалъ котораго въ сущности былъ внѣ Аѳинъ, выше ихъ, вообще внѣ города-государства. А извѣстный философъ-циникъ Діогенъ впервые, насколько намъ извѣстно, употребилъ названіе „космополитъ“, „гражданинъ вселенной“, примѣнивъ его къ себѣ. Софисты, а затѣмъ циники и стоики высказали мысль о братствѣ всѣхъ людей: перегородки между людьми, раздѣляющія ихъ на сословія, національности, государства,—искусственны, результатъ человѣческихъ установленій; слѣдуетъ отрѣшиться отъ подобныхъ дѣленій: всѣ мы—сограждане и соотечественники. Это выразилъ ясно еще софистъ Гиппій [2]). „Мы всѣ здѣсь“, говорилъ онъ, „родные, собратья и сограждане по природѣ. Ибо подобное подобному по природѣ сродно, и только законъ, этотъ властелинъ людей, распоряжается нами вопреки природѣ“. Уже во времена Исократа, раньше Александра Македонскаго и преемниковъ его, т.-е. до эпохи эллинизма, названіе „эллинъ“ обозначало не столько происхожденіе, сколько образъ мыслей, культуру: эллинами,—говоритъ Исократъ,—скорѣе называли тѣхъ, кто причастенъ греческой образованности, нежели тѣхъ, кто общаго съ ними происхожденія [3]). Еще Аристотель встрѣтилъ въ Малой Азіи образованнаго еврея, который „былъ грекомъ не только по

---

[1]) Тамъ же, стр. 24.
[2]) Въ „Протагорѣ“ Платона.
[3]) „Панегирикъ“, § 50.

языку, но и по душѣ“ [1]). Въ Александрійскую эпоху знаменитый Эратосѳенъ говорилъ, что людей надо дѣлить не на эллиновъ и варваровъ, а по ихъ хорошимъ и дурнымъ качествамъ, ибо и между варварами есть люди тонкаго образованія и политическихъ дарованій.

Такъ и съ этой стороны подготовлялась почва для эллинизма, для монархіи Александра Великаго и вообще для эллинистическихъ государствъ. То, что намѣчала программа Исократа, пропагандировавшаго миръ между греками, гегемонію Македоніи, завоеваніе Персидскаго царства или хотя бы части его, основаніе на Востокѣ греческихъ городовъ,—это въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ выполнилъ Александръ. Въ то же время онъ, какъ замѣтилъ еще Плутархъ, основаніемъ своей державы осуществилъ идеалъ циниковъ, склонявшихся къ „просвѣщенному абсолютизму“ [2]),—если только можно говорить о какомъ-либо государственномъ идеалѣ циниковъ.

Все это, особенно зарожденіе идеи *братства людей и народовъ*, служило, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подготовкой къ христіанству.

---

[1]) Jos. c. Ap., I, 22.

[2]) *Gomperz*, Griechische Denker, II, 131.

VII.

Рацональная наука у грековъ.—Ученіе о государствѣ —Исторія.—Медицина и гигіена.

Античные греки высоко ставили человѣческій разумъ. По выраженію поэта,

> Дарованный богами, разумъ въ людяхъ
> Прекраснѣе всего, что̀ въ мірѣ есть [1])

И „эллинская нація“, говоря словами недавно скончавшагося Гомперца, „имѣетъ за собой не одну заслугу. На ея долю или, по крайней мѣрѣ, на долю тѣхъ геніальныхъ умовъ, которыхъ она создала, выпало грезить блестящіе спекулятивные сны. Имъ было дано создать несравненное въ области образовъ и словъ. Но болѣе чѣмъ несравненнымъ, прямо единственнымъ является другое твореніе греческаго духа: позитивная или раціональная наука“, и если мы гордимся нашимъ господствомъ надъ природой, нашимъ пониманіемъ ея, если мы познаемъ закономѣрную связь человѣческихъ отношеній, то въ этомъ предшественниками нашими

[1]) *Софоклъ*, Антигона, пер Д. С. Мережковскаго, стр. 34.

были творцы греческой науки [1]). Греки создали „раціональную науку, освобожденную отъ тайнъ и магіи,— ту (въ основѣ), которою мы занимаемся теперь“ (Бертело).

Мы не будемъ говорить о столь близкой намъ, во многихъ отношеніяхъ, греческой философіи: это— предметъ почти неисчерпаемый, и притомъ связь новой философіи съ греческой, ихъ точки соприкосновенія, хорошо извѣстны. Стоитъ вспомнить имена Платона и Аристотеля; но нельзя не отмѣтить здѣсь того факта, что Ницше, которымъ недавно еще такъ увлекались, является въ сущности „сыномъ античности“ и на содержаніи, даже стилѣ его произведеній, сказалось сильное вліяніе этой античности, въ особенности философа Гераклита [2]). Или вспомнимъ воззрѣніе того же Гераклита на борьбу, какъ міровой законъ, какъ источникъ всего возникающаго; развѣ это не напоминаетъ намъ современную теорію „борьбы за существованіе“? Не будемъ останавливаться подробно на столь же близкой намъ греческой математикѣ [3]), съ ея Пиѳагоромъ, Архимедомъ, Евклидомъ, Діофантомъ, или на воззрѣніяхъ грековъ въ области естественныхъ наукъ, географіи, астрономіи; вспомнимъ лишь заслуги Ѳеофраста, Эра-

[1]) Греч. мыслители, I, 239; ср. *Таннери*, Первые шаги древнегреч. науки. Спб. 1902 (перев.).

[2]) См. объ этомъ въ предисловіи *Ѳ. Ф. Зелинскаго* къ русск. перев. „Полнаго собранія сочиненій Ницше“.

[3]) О математикѣ и естественныхъ наукахъ у грековъ—*Hoppe*, Mathematik und Astronomie im klassischen Altertum. Heidelberg. 1911; *Heiberg*, Naturwissenschaften und Mathematik im klassisch. Altertum. Leipz. 1912 (въ популярной коллекціи „Aus Natur und Geisteswelt“); *Simon*, Gesch. d. Mathematik im Altertum. Berl. 1909.

тосѳена, Аристарха Самосскаго, этого предшественника Коперника, еще въ III ст. до Р. Х. выставившаго геліоцентрическую теорію и доказывавшаго, что земля движется вокругъ солнца и вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ своей оси, его ученика—Гиппарха, Птоломея, а изъ болѣе раннихъ—философа Демокрита съ его *атомистическою теоріею*, т.-е. теоріей, которая имѣла такое значеніе въ новѣйшее время. Демокрита иногда сопоставляютъ съ Галилеемъ. Ему удалось предугадать то, что съ помощью телескопа и спектральнаго анализа открыто впослѣдствіи. Онъ говорилъ о безчисленномъ множествѣ міровыхъ системъ, различныхъ по величинѣ, изъ которыхъ однѣ сопровождаются многочисленными лунами, другія—безъ лунъ и безъ солнца, однѣ—въ періодѣ еще зарожденія, другія—въ періодѣ разрушенія, вслѣдствіе столкновенія, иныя—лишенныя всякой жидкости. „Это какъ будто говоритъ астрономъ нашего времени, наблюдавшій вооруженнымъ глазомъ спутниковъ Юпитера, недостатокъ паровъ вокругъ луны, туманныя пятна и потемнѣвшія звѣзды“ [1]).

Ученія грековъ о государствѣ мы уже касались. Къ сказанному добавимъ только нѣсколько чертъ.

Кромѣ объясненія происхожденія государства въ силу необходимости удовлетворить насущныя потребности, была уже тогда сдѣлана попытка объяснить возникновеніе государства соглашеніемъ входящихъ въ его составъ лицъ, которыя взаимно обезпечиваютъ другъ другу безопасность и для этого взаимно ограни-

[1]) *Гомперцъ*, I, 315.

чивают свою свободу,—нѣчто въ родѣ „*общественнаго договора*“ Ж. Ж. Руссо! Такая попытка принадлежала Ликофрону, по мнѣнію котораго государство служитъ гарантіей личныхъ правъ. Теорію договорнаго происхожденія права мы находимъ и у Платона, у котораго софистъ Ѳрасимахъ развиваетъ ту мысль, что люди, убѣдившись на практикѣ въ невыгодѣ взаимныхъ обидъ, нашли полезнымъ „сговориться между собою, чтобы не причинять несправедливости и не подвергаться ей“; поэтому они начали составлять законы и договоры и предписанное закономъ считать законнымъ и справедливымъ [1]). Положительному праву, закону, у того же Платона [2]) софистъ Гиппій противополагаетъ право естественное: первое существуетъ не по природѣ, а по измѣнчивому человѣческому установленію; второе есть настоящая правда, одна, общая для всѣхъ, и всѣ мы „родные, собратья и сограждане по природѣ“. А по словамъ софиста Алкидама, богъ всѣхъ насъ создалъ свободными; природа никого не сдѣлала рабомъ. По поводу этихъ взглядовъ, этого признанія договорнаго начала, закона общечеловѣческой солидарности, современный русскій ученый, сопоставляя ихъ съ ученіемъ Локка, Монтескье и Руссо, „провозгласившихъ однохарактерныя начала свободы, равенства и братства въ новое время“, замѣчаетъ: „Это было смѣлое возстаніе противъ существующихъ установленій, противъ неравенства и несвободы, среди

[1]) Государство, 358—359; *П. И. Новгородцевъ*, Политич. идеалы древн. и новаго міра. М. 1910, I, 49.

[2]) Протагоръ, 337.

которыхъ живутъ люди; это былъ протестъ въ пользу права природы и разума, дѣлавшій эпоху въ греческомъ общественномъ развитіи. Совпаденіе въ принципахъ греческаго естественнаго права съ новымъ показываетъ, что эти принципы вытекали изъ противопоставленія идеальнаго порядка дѣйствительному съ неизбѣжною необходимостью“ [1]). Уже греческая философія поставила проблему наилучшаго устроенія государства и поставила глубоко; „она продумала ее до конца, до тѣхъ предѣловъ, которые можно назвать предѣлами человѣческихъ стремленій въ области политики“ [2]).

Понятіе о государствѣ, развиваемое теперь Эд. Мейеромъ [3]), по которому государство древнѣе человѣчества, древнѣе націи, племени и родовыхъ союзовъ, въ сущности, какъ онъ самъ признаетъ, есть возвращеніе къ тому опредѣленію, которое находится еще у Аристотеля, именно, что человѣкъ по самой природѣ своей есть существо политическое, что его нельзя представить себѣ внѣ государства, что государство по своей природѣ стоитъ раньше семьи и каждаго изъ насъ въ отдѣльности, предшествуетъ индивиду [4]). Уже Аристотель зналъ, какъ мы видѣли (стр. 10), принципъ раздѣленія властей. Уже онъ сознавалъ тѣсную связь между формой правленія и составомъ населенія, пре-

---

[1]) *П. И. Новгородцевъ*, Полит. идеалы..., I, 50.

[2]) Тамъ-же, 17.

[3]) Über die Anfänge des Staats und sein Verhältniss zu den Geschlechtsverbänden und zum Volksthum (Sitzungsberichte d. Berl. Akad. d. Wissenschaften, 1907, I Halbband, XXVII); ср. его-же Geschichte d. Altertums, I, 1² (Stuttg.-Berl. 1907).

[4]) Политика, 1253 a (I, 1, 9)

обладаніемъ въ немъ того или другого класса. Въ аристократіяхъ, по его словамъ, господствуютъ „лучшіе“; въ олигархіяхъ—богатые, въ демократіяхъ—бѣдные; тотъ или другой видъ демократіи зависитъ отъ перевѣса того или другого элемента населенія: если перевѣсъ на сторонѣ земледѣльческаго населенія, то будетъ болѣе умѣренная демократія, а если преобладаютъ ремесленники и поденщики, то самая крайняя.

Въ сферѣ *политической экономіи*, въ воззрѣніяхъ на хозяйственную жизнь, у Аристотеля, наряду съ крупными заблужденіями, есть и такія мысли, „передъ которыми съ удивленіемъ останавливаются современные экономисты“ [1]). У него въ первый разъ намѣчены нѣкоторыя важныя экономическія понятія—о деньгахъ, богатствѣ, производствѣ, обмѣнѣ, капиталѣ. Его опредѣленіе производства близко къ тому, которое даетъ Д. С. Милль. Встрѣчается у Аристотеля и зародышъ правильной теоріи народонаселенія. Одинъ изъ его поклонниковъ, сопоставляя его экономическія воззрѣнія съ теоріями Карла Маркса и современныхъ экономистовъ, „склоненъ даже видѣть на сторонѣ Аристотеля преимущество въ точности теоретическаго анализа и правильности методологическихъ пріемовъ“! [2]).

Идея „просвѣщеннаго абсолютизмв“, какъ мы ви-

---

[1]) *В. Ф. Левитскій*, Исторія полит. экономіи въ связи съ исторіей хозяйствен. быта. Харьк. 1912, 1, 58, 62—63 (2-е изд.); *Souchon*, Les théories économiques dans la Grèce antique. P. 1898; *Kinkel*, Die sozialökonomischen Grundlagen der Staats und Wirtschaftslehren von Aristoteles. Leipz. 1911.

[2]) *Effertz*, Arbeit und Boden. 1890—1 См. *В. Ф. Левитскій*, стр. 63.

дѣли (стр. 71—72), до нѣкоторой степени была уже извѣстна въ древности. Мы встрѣчаемъ ее въ греческой философіи. Ее выражаетъ и дошедшій до насъ отрывокъ трактата „О царской власти".

Въ области греческой *исторіографіи* мы, въ видѣ примѣра, коснемся нѣкоторыхъ воззрѣній лишь Ѳукидида и Полибія.

Въ началѣ XIX ст. *историко-критическая школа*, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, Нибура и затѣмъ Ранке, въ противоположность анти-историческимъ построеніямъ XVIII в., провозгласила, что главная цѣль исторіи — отыскать и представить *истину*. Въ предисловіи къ своему первому труду (Geschichte der romanischen und germanischen Völker, 1824) Ранке, напр., заявлялъ, что „исторіи вмѣняли въ обязанность быть судьею прошлаго, поучать современниковъ на пользу будущаго", но онъ, Ранке, желаетъ „просто показать, *какъ оно собственно было*", „wie es eigentlich gewesen"; „ибо", замѣчаетъ онъ въ приложеніи къ этому труду [1]), „идеалъ всегда въ томъ, чтобы представить міру историческую правду". И историко-критическая школа стремилась къ точному, по возможности объективному, возсозданію прошлаго.

Къ тому же въ сущности стремился и Ѳукидидъ [2]). Онъ ставитъ задачей историка исканіе истины (I, 20); онъ стремится къ точному знанію (V, 26). Онъ—

---

[1]) Озаглавленномъ Zur Kritik neurer Geschichtschreiber. 2-te Aufl (Sämmtliche Werke. Leipz. 1874, XXXIII—IV, 150).

[2]) О Ѳукидидѣ и новѣйшей исторической наукѣ подробнѣе къ моихъ „Историч. этюдахъ". Спб. 1911.

врагъ анекдотовъ и вымысловъ, внѣшней занимательности и баснословнаго элемента (I, 21). Онъ не беретъ на себя роли судьи надъ историческими дѣятелями съ точки зрѣнія нравственности и оцѣниваетъ ихъ по иному критерію,—по уму, по способности составлять ясное и правильное сужденіе о положеніи дѣлъ и т. п.

Все это чрезвычайно сближаетъ Ѳукидида съ новѣйшими историками, главнымъ образомъ съ историко-критическимъ направленіемъ. Исторія, по самой своей натурѣ, говорилъ тотъ же Ранке въ своей рѣчи: „De historiae et politices cognatione atque discrimine“ (1836), должна питать отвращеніе къ вымысламъ и фантазіямъ и допускать только то, что̀ вѣрно; тутъ же онъ напоминаетъ, „какъ трудно отличить истинное отъ ложнаго и среди различныхъ извѣстій избрать достовѣрное“ [1]). Поэтому на изученіе источниковъ, на историческую критику и пріемы изслѣдованія историко-критическая школа обратила особенное вниманіе и въ этомъ отношеніи сдѣлала много. Но нельзя сказать, будто она *впервые создала* критическій методъ историческаго изслѣдованія и впервые ввела надлежащіе пріемы. Эти пріемы въ сущности открыты и впервые примѣнены были Ѳукидидомъ; новѣйшая же наука лишь развила и усовершенствовала ихъ. Уже Ѳукидидъ считалъ нужнымъ излагать не такъ, какъ ему *казалось*, или какъ сообщалъ первый встрѣчный, а на основаніи своихъ личныхъ наблюденій или свѣдѣній, хотя и добытыхъ

[1]) Sämmtliche Werke. XXIV, 272—3.

отъ другихъ, но подвергнутыхъ возможно точной провѣркѣ (I, 22). Уже онъ сознавалъ, какъ трудны подобныя изысканія, въ виду того, что свидѣтели говорятъ объ одномъ и томъ же неодинаково, а подъ вліяніемъ пристрастія или памяти.

Источникомъ Θукидиду, однако, какъ извѣстно, служили не одни личныя наблюденія, не одна автопсія, и свидѣтельства очевидцевъ, но и другія данныя, приблизительно такія же, какими пользуются и современные историки, напр. *надписи* и *документы*, такъ называемыя *культурныя переживанія* и проч. Θукидидъ первый надлежащимъ образомъ оцѣнилъ важность документовъ и нѣкоторые изъ нихъ цѣликомъ внесъ въ свою „Исторію“ [1]). Это опять-таки сближаетъ его съ современной исторіографіей, въ особенности съ Ранке и его послѣдователями, хотя у Θукидида и нѣтъ такой точности въ передачѣ документальныхъ текстовъ [2]), какая теперь считается необходимымъ условіемъ. Что касается *культурныхъ переживаній*, то едва-ли нужно напоминать, какую роль играютъ они въ настоящее время въ качествѣ матеріала въ рукахъ современныхъ историковъ, соціологовъ, этнологовъ и т. д. Θукидидъ пользуется ими преимущественно въ первыхъ главахъ своего труда. Вообще въ отношеніи пріемовъ эти главы, въ которыхъ онъ пытается дать *реконструкцію* древнѣйшей греческой исторіи, въ ея главныхъ моментахъ, особенно

[1]) Напр. текстъ перемирія 423 г., Никіева мира, договора Аѳинъ съ Аргосомъ, Мантинеей и Элидой, договоръ Тиссаферна съ пелопоннесцами (IV, 118; V, 18, 47; VIII, 18, 37, 58).

[2]) Ср. Thuc. V, 47 и надпись въ Corp. Inscript. Attic., IV, 46 b.

интересны. Здѣсь Ѳукидидъ примѣняетъ въ широкихъ размѣрахъ *методъ обратнаго заключенія*, столь хорошо знакомый современной наукѣ: онъ заключаетъ отъ настоящаго къ прошлому, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному; основаніемъ для его выводовъ и комбинацій служатъ свидѣтельства эпоса, которымъ онъ, впрочемъ, вѣритъ далеко не безусловно („ибо поэты вообще склонны къ прикрасамъ и преувеличеніямъ“, I, 21), затѣмъ—топографическія данныя, вещественные памятники, названія, обычаи, празднества и обряды, бытъ болѣе отсталыхъ въ культурномъ отношеніи греческихъ племенъ и варваровъ и т. д.

Этотъ методъ возсозданія прошлаго по его, такъ сказать, обломкамъ и при помощи аналогій совершенно современенъ, и къ нему прибѣгалъ Нибуръ въ своей „Римской исторіи“. Ѳукидидъ, правда, впадаетъ въ нѣкоторыя ошибки, напр., вопреки эпосу, представляетъ себѣ отдаленную старину слишкомъ ничтожною и бѣдною, между тѣмъ какъ новѣйшія раскопки подтверждаютъ скорѣе свидѣтельство эпоса объ ея грандіозности и богатствѣ; но это объясняется не недостаткомъ метода, а недостаточностью фактическихъ данныхъ, съ помощью которыхъ приходилось оперировать древнему историку. Съ точки же зрѣнія метода и пріемовъ начальныя главы Ѳукидида одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій исторической мысли.

Пріемы Ѳукидида напоминаютъ пріемы современнаго изслѣдователя еще и въ другомъ отношеніи. Извѣстно, какое значеніе пріобрѣлъ въ XIX вѣкѣ *сравнительный методъ*, находящій себѣ примѣненіе въ

разныхъ областяхъ научнаго знанія, начиная съ сравнительнаго языковѣдѣнія и кончая науками общественными. Зародыши его, первые опыты пользованія имъ, встрѣчаемъ мы уже у Ѳукидида. Его методъ обратнаго заключенія есть въ то же время и методъ сравнительный. Ѳукидидъ пользуется аналогіей; онъ сравниваетъ бытъ и явленія міра греческаго, на извѣстной ступени его развитія, и міра варварскаго (I, 3, 6) и подмѣчаетъ между ними сходство: въ образѣ жизни древніе эллины, по его словамъ, походили на современныхъ ему варваровъ. Наиболѣе культурные народы Эллады, по Ѳукидиду, прошли чрезъ ту же стадію, на которой въ его время еще находились менѣе цивилизованныя греческія племена и варвары. Древнѣйшая, баснословная греческая старина у него—одинъ изъ фазисовъ въ развитіи общества. Тутъ у величайшаго историка древности проглядываетъ, хотя лишь смутно, идея, которая является одною изъ господствующихъ въ современной наукѣ,—идея *постепеннаго развитія, эволюціи.*

Другая идея, присущая новѣйшей наукѣ вообще и въ частности исторіи настолько, что безъ нея и самая наука немыслима,—идея *причинности* и *законосообразности* явленій. Ее высказываетъ и Ѳукидидъ, совершенно ясно и опредѣленно, причемъ онъ отличаетъ *общія, основныя причины* отъ поводовъ и случайныхъ обстоятельствъ. У Ѳукидида есть своего рода *обобщенія,* основанныя на убѣжденіи въ томъ, что одинаковыя причины и условія вызываютъ и одинаковыя слѣдствія: по его мнѣнію, пока не измѣнится человѣческая природа, до тѣхъ поръ будутъ происходить явленія, по-

добныя тѣмъ, которыя онъ описываетъ (I, 22). Въ особенности ясно эта мысль выражена въ III книгѣ, въ 82—83 главахъ, гдѣ онъ, по поводу борьбы партій на о. Керкирѣ, даетъ уже извѣстное намъ (стр. 53 сл.) поразительное по глубинѣ анализа, изображеніе, такъ сказать, патологическихъ явленій—извращенія понятій, одичанія и деморализаціи греческаго общества, какъ неизбѣжнаго послѣдствія ожесточенной междоусобной войны. Изъ идеи же причинности и законосообразности явленій вытекалъ и присущій Ѳукидиду раціонализмъ, объясненіе хода историческихъ событій безъ введенія сверхъестественнаго элемента и непосредственнаго вмѣшательства божества,—опять черта, сближающая древняго историка съ новѣйшими.

Въ современной исторической наукѣ въ послѣднее время особенно ярко обнаруживается стремленіе, во-первыхъ, умалить значеніе отдѣльной личности въ исторіи, роль „великихъ людей“, и сосредоточить вниманіе на массѣ, обществѣ, и, во-вторыхъ, выдвинуть экономическія отношенія и причины, какъ важнѣйшій, основной факторъ развитія. Въ этомъ отношеніи Ѳукидидъ ближе стоитъ къ прежнему, историко-критическому направленію, къ школѣ Ранке. Предметомъ его „Исторіи“, если исключить начальныя главы и отдѣльныя замѣчанія въ дальнѣйшемъ изложеніи, служатъ *событія*, а не *состояніе*, и притомъ событія по преимуществу *военныя*. Что касается экономическихъ причинъ, то уже Ѳукидидъ придавалъ имъ значеніе, хотя, конечно, не такое, какое придаютъ имъ нѣкоторые новѣйшіе историки, представители „экономическаго матеріализма“.

Такія явленія, какъ переселенія, завоеванія, ростъ внѣшняго могущества народовъ, Θукидидъ ставилъ въ тѣсную связь съ бытовыми и хозяйственными условіями (1, 2). Накопленіе богатствъ у него является важнымъ факторомъ историческаго развитія (1, 8), и утверждая, что греческая старина не была такъ величественна, какъ изображали ее поэты, онъ исходилъ изъ убѣжденія въ скудости ея матеріальныхъ средствъ; онъ полагалъ, напр., что у Агамемнона не могло быть многочисленнаго войска за отсутствіемъ денегъ (1, 11). Θукидидъ отмѣчаетъ, что тираннія развилась, когда Эллада стала богатѣть и увеличились денежныя средства городовъ (1, 13).

Я не буду останавливаться на тѣхъ особенностяхъ, которыя существеннымъ образомъ отличаютъ древняго историка отъ представителей современной исторической науки — достаточно вспомнить хотя бы о рѣчахъ у Θукидида. Конечно, Эд. Мейеръ впадаетъ въ преувеличеніе, когда, резюмируя результаты своего изслѣдованія нѣкоторыхъ теоретическихъ и методологическихъ вопросовъ исторіи [1]), говоритъ: „Сколько бы стараній ни было приложено къ тому, чтобы навязать исторіи совершенно новое содержаніе и новыя задачи, какъ бы съ теченіемъ времени ни мѣнялся объектъ историческаго интереса, — всегда будетъ только *одинъ типъ исторіи и одинъ методъ* изслѣдованія историческихъ

[1]) Zur Theorie und Methodik der Geschichte. Geschichtsphilosophische Untersuchungen. Halle. 1902; рус. пер. А. А. Малинина: „Теоретич. и методологич. вопросы исторіи“. М. 1911 (2-е изд.), стр. 71.

проблемъ, совершенный и до сихъ поръ не превзойденный образецъ котораго представилъ аѳинянинъ *Ѳукидидъ*". Но все же приведенные выше примѣры и черты показываютъ, насколько близко подошелъ величайшій историкъ древности къ тѣмъ задачамъ, пріемамъ и воззрѣніямъ, которые характеризуютъ новѣйшую историческую науку.

Подобно Ѳукидиду, и Полибій считалъ необходимою принадлежностью исторіи *правду*. Если исторія,—говоритъ онъ,—уклоняется отъ истины, то она не заслуживаетъ и названія исторіи. „Какъ живое существо, если отнять у него зрѣніе, становится ни на что негоднымъ, такъ и отъ исторіи, если отнять отъ нея истину, останется только безполезный разсказъ". И Полибій вѣрилъ въ силу истины. „Природа", по его словамъ, „явила людямъ, какъ величайшую богиню, истину и сообщила ей величайшую силу. Ибо когда даже противъ нея борются всѣ и на сторонѣ лжи вся вѣроятность, истина сама собой, невѣдомо какъ, проникаетъ въ душу людей и то сейчасъ же проявляетъ свою силу, то, оставаясь долгое время затемненной, въ концѣ концовъ сама собою беретъ верхъ и одолѣваетъ ложь" [1]). Какъ и Ѳукидидъ, Полибій умѣлъ различать основныя *причины* событій и ближайшіе *поводы* къ нимъ. Полибій признавалъ планомѣрность историческаго процесса: событія его времени, по его словамъ, направлялись всѣ въ одну сторону, къ одной цѣли—къ господству римлянъ, и онъ старался разумно объ-

[1]) I, 14, 6; ср. XII, 12, 3; XIII, 5, 4—6.

яснить фактъ этого мірового владычества. Излагая свое ученіе о формахъ правленія, Полибій выставляетъ законъ *круговорота* человѣческихъ судебъ: формы правленія мѣняются, переходятъ одна въ другую и снова возвращаются по извѣстному „порядку природы“; перемѣны эти совершаются необходимо и естественно, „согласно природѣ“; все существующее подлежитъ порчѣ и перемѣнамъ; это—естественная необходимость. Всякая форма правленія портится двоякимъ образомъ — или отъ внѣшней, или отъ врожденной язвы —Пусть этотъ законъ или эта формулировка невѣрны; но интересно признаніе, что историческій процессъ совершается по извѣстнымъ законамъ. Полибій неразъ упоминаетъ о „судьбѣ“ и божествѣ, но довольно неопредѣленно, а въ концѣ своей „Исторіи“ нападаетъ на тѣхъ, кто вводитъ судьбу и боговъ при объясненіи историческихъ явленій. Гдѣ человѣку невозможно или трудно распознать причины, тамъ онъ можетъ сваливать на бога или на судьбу,—говоритъ онъ; но гдѣ можно открыть причину, тамъ не слѣдуетъ привлекать боговъ. Такъ напр. въ наше время—поясняетъ Полибій — во всей Греціи господствуетъ бездѣтность и малолюдство; города опустѣли, настали неурожаи, хотя и нѣтъ постоянныхъ войнъ и эпидемій. Но обращаться въ этомъ случаѣ къ богамъ за совѣтомъ нѣтъ надобности; причина зла ясна и средство къ устраненію его въ нашей власти: люди впали въ тщеславіе, любостяженіе и изнѣженность, не желаютъ вступать въ бракъ, а если и вступаютъ, то не хотятъ воспитывать дѣтей, съ трудомъ развѣ одного или двухъ, ради того, чтобы

оставить ихъ богатыми и воспитать въ роскоши. И вотъ, зло незамѣтно быстро выросло... Итакъ то, что теперь называется Zweikindersystem, было извѣстно уже въ древности.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Бокль, желая возвести исторію въ рангъ естественныхъ наукъ, выдвинулъ, какъ нѣчто, по его мнѣнію, новое, положеніе о вліяніи природныхъ условій на исторію и цивилизацію народа. Но, не говоря уже о Монтескье, это вліяніе признавали еще древніе [1]), хотя, конечно, не въ такой мѣрѣ. Напр. Геродотъ (III, 106) видѣлъ преимущество Греціи въ „прекраснѣйшемъ сочетаніи временъ года“. У него же (IX, 122) встрѣчается указаніе на связь между природой страны и характеромъ населенія: въ странахъ роскошныхъ и люди бываютъ изнѣженны, говоритъ у Геродота Киръ. Ѳукидидъ отмѣчаетъ, что перемѣнѣ населенія вслѣдствіе нападеній подвергались наиболѣе плодородныя области Эллады, а скудостью почвы обусловливалась безопасность Аттики (I, 2); развитіе морского могущества и богатства Коринѳа онъ объясняетъ его положеніемъ на перешейкѣ: Коринѳъ—эмпоріумъ Греціи (I, 13). Въ „Законахъ“ Платонъ признаетъ вліяніе физическихъ условій, взаимодѣйствіе между природой страны—воздушными теченіями, температурой воздуха, качествами воды и пищи, — съ одной стороны, нравственными и умственными свойствами народа съ другой; законодатель долженъ взвѣсить всѣ природные факторы, кото-

[1]) *Pöhlmann*, Hellenische Anschauungen über den Zusammenhang zwischen Natur und Geschichte. 1879.

рые могутъ какъ облегчить, такъ и затруднить его старанія поднять нравственно и духовно народъ [1]). Аристотель географическимъ положеніемъ объяснялъ различіе между жителями сѣверныхъ странъ и греками и преимущество послѣднихъ, занимающихъ въ географическомъ отношеніи какъ бы средину [2]). Полибій усматриваетъ связь между природой данной мѣстности и населеніемъ, его національными особенностями, наружностью, цвѣтомъ кожи, понятіями, нравами: холодный и суровый климатъ вызываетъ и суровость нравовъ, „ибо мы, люди, уподобляемся ему“. Онъ даетъ географическое описаніе Италіи, касается ея плодородія, цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты; благосостояніе Тарента онъ объясняетъ его географическимъ положеніемъ [3]). У Страбона, по отзыву извѣстнаго географа Ратцеля [4]), есть такія замѣчанія о частяхъ свѣта и различныхъ странахъ, что подобныя имъ стали высказываться лишь нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Мало того: въ греческой литературѣ было особое сочиненіе о вліяніи воздуха или климата, воды и мѣстности на физическія и нравственныя свойства жителей—сочиненіе, приписываемое знаменитому врачу Гиппократу.

Здѣсь мы переходимъ къ греческой *медицинѣ*, на которой тоже остановимся нѣсколько [5]).

---

[1]) 747 d; *Pöhlmann*, Geschichte d. sozialen Frage.., II², 225.

[2]) VII, 6; 1327 в. 23 сл.

[3]) IV, 21, 1—2; II, 14 сл., X, 1 и друг.

[4]) Anthropogeographie. Stuttg. 1899, стр. 15.

[5]) *Ilberg*, Aus der antiken Medizin (Neue Jarhbücher f. das klass. Altertum... 1904, XIII); *Sudhoff*, Ärztliches aus griechischen

Уже Гиппократъ говорилъ, что всѣ болѣзни имѣютъ свои естественныя причины. Въ обширномъ собраніи „Исторіи болѣзней“, приписываемомъ ему, предъ нами проходятъ многочисленные паціенты разныхъ классовъ и профессій, одержимые различными недугами или жертвы несчастныхъ случаевъ. Описываются съ большою обстоятельностью ихъ болѣзни, ихъ ходъ со дня на день (между ними, напр., судя по симптомамъ, инфлуэнца), или несчастные случаи въ родѣ того, что одного прохожаго переѣхала повозка съ тяжестью; башмачникъ укололъ себя шиломъ повыше колѣна; молодая, „прекрасная собою“ дѣвушка получила въ шутку ударъ по головѣ отъ подруги, по возвращеніи домой почувствовала лихорадку, головную боль, на седьмой день изъ праваго уха показался гной, а на девятый день дѣвушка эта умерла.

Или вотъ, напр., „*Гигіена*“ Діокла, современника Платона. Проснуться надо до восхода солнца, совѣтуетъ Діоклъ; вставши, потереть голову и затылокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ надавила подушка (очевидно, подушка предполагается не изъ мягкихъ);—потомъ тихонько, равномѣрно натереть тѣло масломъ, а лицо и глаза омочить чистой холодной водой, десны и зубы почистить тщательно, снаружи и изнутри, сокомъ полея; носъ и уши помазать благовоннымъ масломъ; волосы на головѣ носить

Papyrusurkunden. Bausteine zu einer medizinischen Kulturgeschichte des Hellenismus. Leipz. 1909 (изъ Studien zur Geschichte der Medizin hrsg. von der Puschmann-Stiftung...); *то-же*, Aus dem antiken Badewesen. Berl. 1910. I—II); *Е. Е. Каіаровъ*, Классич. филологія и естествен. науки („Гермесъ“, № 4); *Гомперцъ*, I, 239 сл.

покороче и ежедневно маслить. По окончаніи туалета, у кого есть дѣло, тотъ идетъ заниматься имъ, а кто свободенъ, можетъ совершить утреннюю прогулку. Потомъ молодые люди отправляются въ гимназіи для ежедневныхъ гимнастическихъ упражненій, а болѣе пожилые могутъ принимать ванну и дѣлать себѣ массажъ. Затѣмъ слѣдуетъ завтракъ — не изъ мясной пищи, а состоящій изъ ячменной похлебки или супа изъ овощей, ячменнаго хлѣба, *не слишкомъ мягкаго*, вареной капусты и огурцовъ; пить надо воду, бѣлое вино съ водой или медъ. Послѣ этого слѣдуетъ отдыхать въ прохладной тѣни, въ защищенномъ отъ вѣтра мѣстѣ, а потомъ— опять тѣ же занятія или прогулка, гимнастическія упражненія и ванна, холодная для молодыхъ, теплая для стариковъ. Вечеромъ, а лѣтомъ—передъ заходомъ солнца, обѣдъ, болѣе питательный, чѣмъ завтракъ; кромѣ хлѣба, овощей или ячменной похлебки, рекомендуется рыба, мясо козы, баранина или свинина, или птица, а на дессертъ—фиги, виноградъ и т. под. Діэтетика Аѳинея, современника Нерона, уже болѣе тонкая, нежели діэтетика Діокла. Здѣсь особенно интересны наставленія, какъ избѣжать маляріи: осенью надо остерегаться быстрой перемѣны температуры; нельзя ходить босикомъ рано утромъ или поздно пополудни, входить неосторожно въ холодную воду; нельзя безъ верхняго платья быть на воздухѣ, ища прохлады; слѣдуетъ избѣгать сна подъ открытымъ небомъ; опасно дышать испареніями, поднимающимися съ рѣкъ и озеръ.

Въ античной медицинской литературѣ были наставленія относительно образа жизни всѣхъ возрастовъ, раз-

ныхъ положеній и на всякіе случаи. Гинекологъ Соранъ подробно говоритъ о томъ, какъ ухаживать за новорожденнымъ, какимъ условіямъ должна удовлетворять кормилица. У Галена тоже имѣются наставленія относительно того, какъ обращаться съ новорожденнымъ.

Въ одномъ изъ сочиненій „О діэтѣ“ говорится, что кто хочетъ правильно писать о діэтѣ, тотъ долженъ знать природу человѣка, долженъ знать составъ всякой пищи и питья; при этомъ указывается на связь между работой и питаніемъ, „ибо работа поглощаетъ имѣющееся въ наличности, а пища и питье имѣютъ цѣлью вновь заполнить потраченное“. Требовалось обращать вниманіе на индивидуальность даннаго лица. Основная мысль автора—та, что ненарушенное отправленіе организма обусловливается равновѣсіемъ полученія и отдачи [1]). У древнихъ врачей встрѣчается мнѣніе, что причины болѣзни заключаются въ „излишествѣ“ пищи или что люди заболѣваютъ, когда при недостаточномъ движеніи принимаютъ обильную пищу. Замѣчательно сочиненіе „О сочлененіяхъ“, которое Литтре назвалъ „великимъ хирургическимъ памятникомъ древности и вмѣстѣ образцомъ для всѣхъ временъ“. Авторъ этого труда не боится сознаваться въ своихъ ошибкахъ, „ибо полезно знать и неудавшіеся опыты, понимать, отчего эта неудача произошла“. Надо, говоритъ онъ, заниматься и случаями неизлѣчимыми; ихъ надо научиться распознавать, чтобы не подвергать больного ненужнымъ страданіямъ. Онъ сравниваетъ строеніе че-

[1]) *Гомперцъ*, I, 248—9.

ловѣческаго скелета со скелетами другихъ позвоночныхъ и ставитъ изслѣдованіе такъ широко, что его можно назвать самымъ раннимъ представителемъ *сравнительной анатоміи.* Уже онъ выставилъ положеніе о необходимости функціи для поддержанія здоровья органа: „всѣ части тѣла, предназначенныя для какого-нибудь употребленія, остаются здоровыми, хорошо растутъ и долго остаются молодыми, при соотвѣтственномъ употребленіи ихъ и упражненіяхъ, къ которымъ привыкла каждая изъ нихъ; при отсутствіи упражненія онѣ блѣднѣютъ и гибнутъ“ [1]).

Были сборники и домашнихъ рецептовъ. Въ одномъ изъ Оксиринхскихъ папирусовъ (въ VIII т.) сохранилось нѣсколько такихъ рецептовъ, напр. для перевязочныхъ средствъ, чихательной микстуры, для снотворнаго, отъ лихорадки, болѣзни печени [2]).

Въ числѣ средствъ для поправленія здоровья уже въ древности рекомендовались воздержаніе въ пищѣ, моціонъ, массажъ, даже хожденіе босикомъ по песку! Признавалось вліяніе не только пищи, но и музыки на человѣческій организмъ. При операціяхъ, случалось, прибѣгали къ наркозу. Есть намеки на вивисекцію. Уже Гиппократъ пользовался при распознаваніи болѣзни выслушиваніемъ больного, постукиваніемъ, изслѣдованіемъ характера выдѣленій. Изъ операцій извѣстны были трепанація черепа, проколъ живота, ампутація въ случаѣ гангрены. Эрасистратъ (III в. до Р. Х.) открылъ клапаны сердца, циррозъ печени, предполагалъ суще-

[1]) *Гомперцъ*, I, 270—1.

[2]) Замѣтка *Э. В. Диля* въ „Гермесѣ“, 1911, № 20.

ствованіе особыхъ желчныхъ ходовъ, которые и были впослѣдствіи открыты при помощи микроскопа. Знаменитый гинекологъ Соранъ, о которомъ выше уже упоминалось, изобрѣлъ зеркало; Галенъ (II в. по Р. Х.) близокъ былъ къ открытію кровообращенія [1]).

„Врачъ“,—говорили въ древности, — „стоитъ нѣсколькихъ другихъ людей“. О томъ, какъ онъ долженъ держать себя, есть любопытныя указанія. Ему совѣтуется во всемъ соблюдать педантическую чистоту, въ одеждѣ—изящество, но не доходящее до роскоши; онъ можетъ употреблять благовонія, но умѣренно. Выступленіе передъ публикой въ цѣляхъ рекламы порицается. Въ отношеніи къ страждущимъ врачъ долженъ проявлять гуманность и любовь. „Гдѣ нѣтъ недостатка въ любви къ людямъ, тамъ не будетъ недостатка и въ любви къ своему призванію“—гласило одно изъ древнихъ изреченій. Не слѣдуетъ поднимать вопросъ о гонорарѣ у постели больного. „Хорошо иногда лѣчить безплатно; благодарная память лучше минутной выгоды. Если представится случай помочь чужеземцу или неимущему, не слѣдуетъ никоимъ образомъ уклоняться...“. Знаменитые врачи древности получали иногда громадныя по тому времени суммы: Демокедъ (VI в. до Р. Х.), напр., получалъ отъ 8000 до 10000 и даже до 16400 драхмъ въ годъ [2]). Впослѣдствіи, въ греко-римскомъ Египтѣ, врачи иногда получаютъ гонорaръ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ сказать „повизитно“, но

[1]) *Е. Е. Кагаровъ*, l. c.

[2]) *Геродотъ*, III, 131. Драхма=франку, ок. 40 к. на наши деньги.

обычно содержаніе ихъ, хотя бы и натурой, шло изъ средствъ общественныхъ. Были оффиціальные или общественные врачи, для содержанія которыхъ существовалъ особый налогъ [1]).

Клятва учениковъ Гиппократа чрезвычайно напоминаетъ присягу современныхъ врачей [2]). Гласитъ она такъ: „Клянусь Аполлономъ, Асклепіемъ, Гигіей, Панакіей и всѣми остальными богами и богинями, призывая ихъ въ свидѣтели того, что буду исполнять по силамъ и по совѣсти свой долгъ. Никому не стану давать смертельнаго средства, хотя бы его у меня и просили; ни одной женщинѣ не стану производить умерщвленія плода... Скромно и благочестиво буду вести я свою жизнь и служить своему искусству... Все, что при исполненіи своихъ обязанностей или внѣ врачебной дѣятельности, пришлось бы мнѣ увидѣть, либо услышать такого, что не подлежитъ разглашенію, я буду сохранять въ строжайшей тайнѣ“...

Кромѣ свѣтской медицины, были въ Греціи и *врачеванія религіозныя* при храмахъ, въ особенности при святилищахъ Асклепія (Эскулапа) [3]). Главное изъ такихъ святилищъ находилось въ Эпидаврѣ, близъ моря, въ холмистой мѣстности, окруженной хвойнымъ лѣсомъ, отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ защищенной высокимъ кряжемъ и снабженной прекрасною водою. Сюда стекались больные, жаждущіе исцѣленія,—слѣпые, хромые,

---

[1]) *Sudhoff*, стр. 266 сл.

[2]) *Е. Е. Каларовъ*, l. c.

[3]) *С. А. Жебелевъ*, Религіозное врачеваніе въ древней Греціи. Спб. 1893; *Weinreich*, Antike Heilungswunder. Giessen. 1909.

паралитики. Это былъ своего рода древній Лурдъ. Помощи бога старались достичь посредствомъ особыхъ обрядовъ и церемоній, такъ называемой *инкубаціи*. Прежде всего больной, прибѣгающій къ Асклепію, долженъ былъ успокоиться и очиститься; его купали въ источникѣ, вытирали скребницей, онъ постился, затѣмъ на ночь ложился спать, на шкурѣ или одѣялѣ, въ особомъ отдѣленіи храма и повторялъ это до тѣхъ поръ, пока не являлся ему во снѣ богъ, исцѣлявшій его или указывавшій ему средство, при помощи котораго онъ можетъ исцѣлиться. Объ исцѣленіяхъ или „чудесахъ“ Асклепія разсказываютъ какъ древніе писатели, такъ и многочисленныя надписи, находившіяся въ святилищѣ. Напр., одна женщина болѣла водянкой. Мать ея пошла въ Эпидавръ и тамъ во снѣ видитъ сонъ: богъ отрѣзалъ голову ея дочери, повѣсилъ тѣло шеею внизъ, вода вытекла въ большомъ количествѣ, и богъ, отвязавъ тѣло, приставилъ голову къ шеѣ. Послѣ этого видѣнія мать возвратилась домой и нашла дочь здоровой. Или больному ракомъ желудка было видѣніе: Асклепій, раскрывъ ему животъ, вырѣзалъ ракъ и потомъ зашилъ животъ. Одному больному богъ вынулъ изъ груди пьявки, которыя тому изъ мести дала въ винѣ теща. Нѣкто Апеллъ или Апеллесъ страдалъ плохимъ пищевареніемъ; ему предписаны были разнообразныя средства, въ томъ числѣ физическія упражненія и нѣчто въ родѣ грязевыхъ ваннъ — натирать тѣло грязью. Вообще физическія упражненія, моціонъ, массажъ, ванны, а особенно покой и діэта занимали видное мѣсто въ религіозномъ врачеваніи въ древности.

Больному, у котораго былъ кашель съ кровью, указано было ѣсть между прочимъ яйца и принимать внутрь сырую смолу (ср. современный скипидаръ и дегтярныя пилюли). Въ другомъ подобномъ случаѣ предписывается пить бычачью кровь, больному чахоткой — ѣсть ослиное мясо, страдающему желудкомъ—ѣсть финики.

Если мы примемъ во вниманіе здоровое мѣстоположеніе большинства святилищъ Асклепія, чистый воздухъ, прекрасную воду, гигіеническій образъ жизни, предписываемый больнымъ, то мы поймемъ, что эти святилища служили курортами или санаторіями древности. Съ другой стороны, ихъ можно сравнить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ монастырями. Недаромъ еще среди нынѣшняго греческаго населенія продолжаетъ существовать инкубація и распространено вѣрованіе, что угодники Божіи сходятъ съ неба ночью въ посвященные ихъ имени храмы и подаютъ исцѣленія больнымъ, которые совершаютъ здѣсь инкубацію [1]).

---

[1]) *С. А. Жебелевъ*, стр. 63.

VIII.

Школьное дѣло у грековъ по новымъ даннымъ.—Отношеніе государства и общества къ школѣ.—Пожертвованія и заботы о школахъ.—Положеніе учителей.—Греческія гимназіи и греческіи урокъ.—Надписи на стѣнахъ.—Ученическія тетради и прописи.—Школьные документы.—Участіе школы въ торжествахъ.—Лица съ „гимназическимъ образованіемъ".

Мы вошли уже отчасти въ сферу обыденной жизни древнихъ грековъ. И здѣсь мы замѣчаемъ немало аналогій съ современностью, начиная съ жизни дѣтей. „Тѣ же погремушки тогда, что и теперь", говоритъ проф. Э. Р. ф. Штернъ въ интересной статьѣ: „Изъ жизни дѣтей въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря" [1]), основанной преимущественно на результатахъ его раскопокъ; „тѣ же сказки и басни, тѣ же фигурки животныхъ, тѣ же куклы съ подобающей обстановкой, тѣ же повозочки и лошадки, тѣ же игры на свободѣ, тѣ же, наконецъ, пріемы обученія дѣтей азбукѣ, что и теперь".

---

[1]) Въ „Сборникѣ археологич статей, поднесенномъ гр. А. А. Бобринскому". Спб. 1911.

О школьномъ дѣлѣ у грековъ послѣдніе годы дали много новаго любопытнаго матеріала, относящагося преимущественно къ эпохѣ эллинистической и римской и касающагося главнымъ образомъ мало-азіатскихъ греческихъ городовъ и греко-римскаго Египта [1]). Поэтому мы остановимся на этомъ подробнѣе.

Прежде всего: каково было у грековъ отношеніе государства къ школьному дѣлу? Была ли у нихъ школа государственная или частная? и было ли всеобщее, и притомъ обязательное, обученіе?

Идея государственной школы и обязательнаго обученія была, несомнѣнно, извѣстна Греціи. Ее высказываетъ Платонъ въ своихъ „Законахъ“ (804), говоря, напр., что не должно предоставлять отцу, посылать ли дѣтей въ школу или не посылать, но государство обязано принуждать какъ взрослаго, такъ и мальчика получать необходимое образованіе. Мало того: это требованіе Платонъ распространяетъ и на женщинъ. И

---

[1]) Матеріалъ этотъ подобранъ, а отчасти и впервые опубликованъ *Ziebarth*'омъ въ его книгѣ: „Aus dem griechischen Schulwesen“ (Leipz-Berl. 1909). Ср его же собраніе греческихъ текстовъ, касающихся школьнаго преподаванія: Aus der antiken Schule. Sammlung griech. Texte auf Papyrus, Holztafeln, Ostraka. Bonn. 1910 (изъ коллекціи „Kleine Texte für theolog. und philolog. Vorlesungen und Übungen“, hrsg. von Lietzmann). Ср, кромѣ того, *P. Girard*, L'éducation athénienne au V et au IV siècle avant J.-C. P. 1891 (2-е изд.); *Freeman*, Schools of Hellas. Lond. 1908, изд. 3-е; *Walden*, The Universities of ancient Greece. New.-Jork. 1910; *И. В. Цвѣтаевъ*, Изъ жизни высшихъ школъ Римск. имперіи. М. 1902 (2-е изд.). По поводу книжки Цибарта—на русск. яз. ст. *Б. В. Варнеке*, Жизнь школы 2100 лѣтъ тому назадъ (въ „Рус. Школѣ“, 1911, мартъ), моя—въ „Вѣст. Евр.“, 1911, апр., и *А. Г. Бекштрема* въ журн. „Гермесъ“, 1910, № 14.

еще древнѣйшему греческому законодателю Харонду приписывался законъ: „сыновья гражданъ всѣ должны учиться грамотѣ, государство же — давать жалованье учителямъ“. Но заранѣе можно сказать, что при политической раздробленности греческаго міра, при разнообразіи мѣстныхъ оттѣнковъ, мы встрѣтимъ здѣсь въ дѣйствительности, на практикѣ, неодинаковое рѣшеніе вопроса объ отношеніи государства къ дѣлу образованія.

Такъ, въ Спартѣ существовала школа государственная, чрезъ которую дѣти гражданъ должны были пройти; иначе они лишались потомъ полнаго права гражданства. На Критѣ было даровое воспитаніе: государство принимало на себя содержаніе воспитывающихся мальчиковъ.

Что касается Аѳинъ, то здѣсь отношеніе къ обязанности обученія не такъ ясно. Правда, школы въ Аѳинахъ возникли рано—вѣроятно, въ VII ст. до Р. Х.,— и еще Солону приписывался школьный законъ; но законъ этотъ касался не государственныхъ школъ, а частныхъ, и имѣлъ въ виду школьный порядокъ и добрые нравы. Онъ устанавливалъ, напр., когда учитель долженъ открывать утромъ школу (не раньше восхода солнца) и когда закрывать (до наступленія темноты), не болѣе какого числа учениковъ должно быть въ классѣ, и какого возраста; онъ запрещалъ молодымъ людямъ и вообще постороннимъ входить въ школу во время занятій. Кромѣ того, Солону принадлежалъ законъ, по которому отецъ не имѣлъ права требовать, чтобы сынъ его содержалъ, если онъ этого

сына ничему не научилъ. Жираръ, авторъ прекрасной монографіи объ аѳинскомъ воспитаніи въ V—IV в. до Р. Х., полагаетъ, что въ Аѳинахъ каждому была предоставлена свобода учиться, у кого и какъ онъ хочетъ; государство въ это не вмѣшивалось и не брало на себя заботы объ обученіи, за исключеніемъ случаевъ, когда дѣло шло о дѣтяхъ павшихъ въ бою гражданъ: этихъ сиротъ, какъ мы видѣли (стр. 68), государство обязано было воспитывать. *Палестры*, въ которыхъ занимались физическими упражненіями мальчики, были, по мнѣнію Жирара, частными учрежденіями и содержались частными лицами, по имени которыхъ онѣ и назывались. Только *гимназіи*, въ которыхъ происходили упражненія *эфебовъ*, т.-е. юношей отъ 18-ти до 20-ти лѣтъ, и болѣе взрослыхъ гражданъ, были учрежденіями государственными. Государство въ Аѳинахъ, однако, имѣло нѣкоторое наблюденіе за воспитаніемъ. Оно заинтересовано было въ томъ, чтобы всѣ получали хотя какое-нибудь образованіе, были грамотны; но— полагаетъ Жираръ — принудительныя мѣры оказывались въ сущности здѣсь излишними: сами граждане стремились дать образованіе своимъ дѣтямъ. Въ Аѳинахъ, можетъ-быть, и были неграмотные—на это указываетъ извѣстный анекдотъ по поводу остракизма Аристида, когда къ послѣднему неграмотный простолюдинъ обратился съ просьбой написать на черепкѣ имя Аристида; но такіе круглые невѣжды были тамъ рѣдки. О такихъ говорили: „онъ не умѣетъ ни читать, ни плавать“. У Аристофана въ комедіи „Всадники“ даже колбасникъ, который „улицей рожденъ“ и изо-

бражается человѣкомъ невѣжественнымъ, и тотъ „хоть плохо, но грамотѣ ученъ“.

На островѣ Делосѣ палестры тоже назывались по имени содержателей, но во главѣ ихъ стоялъ обыкновенно государственный „педотрибъ“, и онѣ имѣли какъ бы полуоффиціальный характеръ. Въ Византіи гимназія была зданіемъ общественнымъ и мѣсто для нея отведено было городомъ

Вообще, въ болѣе позднюю пору гимназіи являются общественными учрежденіями [1]), подобно театрамъ. Иногда, какъ напр. въ Милетѣ, самъ городъ, въ лицѣ народнаго собранія, организуетъ дѣло народнаго образованія; въ иныхъ городахъ существуютъ даже особые „*педономическіе законы*“ и особыя должностныя лица — гимназіархъ и педономъ. Народное собраніе особенно должно было касаться вопросовъ образованія въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о необходимыхъ на это расходахъ.

Въ Греціи государство или городъ тѣмъ болѣе имѣли близкое отношеніе къ школьному дѣлу, что это дѣло тѣсно было связано съ культомъ: необходимо было обучать хоры мальчиковъ и даже дѣвочекъ; учащіеся участвовали въ различныхъ состязаніяхъ, играхъ, празднествахъ, процессіяхъ. Иногда примѣнялись даже принудительныя мѣры по отношенію къ родителямъ, дѣти которыхъ уклонялись отъ подобнаго участія. Въ одномъ городѣ на островѣ Кеосѣ въ III-мъ стол. до

[1]) Въ эллинистическомъ Египтѣ элементарныя школы и гимназіи едва-ли были государственными учрежденіями, и посѣщеніе ихъ было необязательно. *Wilcken*, Grundzüge, стр. 136 сл.

Р. Х., опредѣленіе о введеніи должности гимназіарха, о требуемомъ для этого возрастѣ, о правахъ и обязанностяхъ его было вставлено въ средину закона объ устройствѣ жертвоприношеній и игръ, и первою обязанностью поставлено подготовить юношей къ бѣгу съ факелами, а потомъ уже упоминается о высшемъ надзорѣ надъ гимназіей и о различнаго рода упражненіяхъ учащихся.

Какое значеніе придавали греки школьному образованію, видно изъ разсказа Плутарха (въ біографіи Оемистокла, гл. 10), что жители Трезена, когда во время нашествія персовъ многіе аѳиняне къ нимъ направили свои семьи, постановили нанять учителей на государственный счетъ для обученія аѳинскихъ дѣтей. Такимъ образомъ въ военное время, въ самый разгаръ напряженной борьбы со вторгнувшимся врагомъ и среди внѣшней опасности, школьное образованіе должно было идти своимъ чередомъ. Съ другой стороны, митиленяне, желая наказать отпавшихъ отъ нихъ союзниковъ, постановляютъ: не обучать дѣтей ихъ ни грамотѣ, ни музыкѣ. Недаромъ въ одномъ изъ діалоговъ, приписываемыхъ Платону, Сократъ говоритъ, что изъ всѣхъ рѣшеній человѣка нѣтъ ничего болѣе божественнаго, чѣмъ воспитаніе — его собственное и его домашнихъ („Ѳеагъ“, 122).

Еще въ 494 г. до Р. Х. на островѣ Хіосѣ была школа, которую посѣщало не менѣе 120 учениковъ. Въ Греціи даже въ небольшихъ городахъ и мѣстечкахъ были школы. Въ Аттикѣ, напр., были школы не только въ Аѳинахъ, но и въ округахъ (демахъ). До насъ

дошла надпись, содержащая декретъ элевсинцевъ въ честь стратега Деркила (IV в. до Р. Х.), который проявилъ большую щедрость по отношенію къ ихъ дему и, между прочимъ, заботы о воспитаніи мальчиковъ. Въ Беотіи, жители которой далеко не славились особымъ стремленіемъ къ умственному развитію и образованію, было однако нѣсколько школъ въ такомъ незначительномъ городкѣ, какъ Микалессъ. Не говоримъ уже о крупныхъ центрахъ, подобныхъ Аѳинамъ, Милету, впослѣдствіи Пергаму, въ которомъ было три или четыре гимназіи [1]), а потомъ даже пять или шесть. Попадая на чужбину, греки спѣшили соединиться со своими земляками, организовать товарищества, общества, основать гимназію для своихъ дѣтей. Такъ было и на Черноморскомъ побережьѣ, въ городахъ Пантикапеѣ, Танаисѣ, Томахъ.

Государству или городу въ школьномъ дѣлѣ приходили на помощь щедрые жертвователи; особенно это нужно сказать объ эпохѣ эллинизма. Въ качествѣ меценатовъ выступаютъ цари Пергама, одного изъ главныхъ центровъ тогдашней эллинистической культуры, въ которомъ были великолѣпная библіотека, съ 200.000 свитковъ, мало чѣмъ уступавшая Александрійской, медицинская школа и замѣчательные памятники искусства. Атталъ II, напр., жертвуетъ Дельфамъ 18.000 александрійскихъ драхмъ „на обученіе мальчиковъ“, чтобы жалованье учителямъ уплачивалось аккуратно, и, кромѣ

[1]) Надо имѣть въ виду, что греческія гимназіи предназначались для гимнастическихъ упражненій преимущественно, но не исключительно.

того, еще 3 000 на жертвоприношенія. Деньги помѣщены были въ храмѣ изъ 7%, и жалованье уплачивалось ежемѣсячно. Евменъ II сдѣлалъ пожертвованіе Родосу хлѣбомъ въ количествѣ 280.000 медимновъ [1]), чтобы изъ процентовъ на вырученную за этотъ хлѣбъ сумму уплачивать воспитателямъ и учителямъ. Египетскіе Птолемеи и другіе владѣлели эллинистической эпохи учреждали иногда гимназіи на проценты съ жертвуемаго капитала. Такъ возникли Птолемейонъ въ Милетѣ, Филиппейонъ или Филиппова гимназія въ Галикарнассѣ и проч.

Но особенно интересны пожертвованія на школьное дѣло со стороны частныхъ лицъ, отдѣльныхъ гражданъ.

Извѣстно, какъ развитъ былъ въ Греціи мѣстный патріотизмъ. Гражданинъ находилъ удовлетвореніе своему честолюбію и патріотическому чувству, оказывая щедроты родному городу. Щедрыя пожертвованія дѣлались гражданами и на школы. Относительно этого до насъ дошло два чрезвычайно интересныхъ документа, проливающихъ свѣтъ и на школьную организацію.

Одинъ изъ нихъ — народное постановленіе въ г. Теосѣ, въ Малой Азіи, по поводу пожертвованія гражданина Полиѳра (III в. до Р. Х.) [2]). Чтобы *всѣ* свободныя дѣти воспитывались согласно заявленной волѣ жертвователя — гласитъ надпись — постановлено: каждый годъ при выборѣ властей въ народномъ собраніи,

---

[1]) Медимнъ равнялся 2 четверикамъ (52, 53 литра)

[2]) *Dittenberger*, Sylloge Inscript. Graecarum, II², n° 523; *Michel*, Recueil d'inscript. grecques, n° 498.

послѣ избранія секретарей совѣта, избирать трехъ учителей грамоты, которые будутъ обучать *мальчиковъ и дѣвочекъ*. Жалованья учителю перваго класса давать 600 драхмъ въ годъ, второго — 550 и третьяго — 500 драхмъ [1]). Кромѣ того, выбирались два педотриба (учителя гимнастики), которымъ назначалось жалованья по 500 др. каждому, и учитель музыки, съ жалованьемъ въ 700 др. Въ високосный годъ за добавочный мѣсяцъ полагалась соотвѣтствующая плата. „Гопломаха“ (обучавшаго сражаться въ тяжеломъ вооруженіи) и учителя въ стрѣльбѣ изъ лука и въ метаніи копья нанимали педономъ и гимназіархъ, съ утвержденія народнаго собранія. Жалованья первому постановлено давать 300 драхмъ, второму—250, при чемъ гопломахъ обязанъ былъ вести обученіе по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (въ остальное время, повидимому, онъ былъ свободенъ и могъ отсутствовать). Наблюдать за тщательными упражненіями какъ мальчиковъ, такъ и эфебовъ, въ учебныхъ предметахъ должны педономъ и гимназіархъ, „какъ это имъ предписано законами“. Споры учителей изъ-за числа мальчиковъ рѣшаетъ педономъ. Публичные экзамены [2]) учителя грамоты и музыки должны производить въ булевтеріи (зданіи совѣта), а педотрибы— въ гимназіи.

---

[1]) Драхма = приблизительно франку, около 40 коп. на наши деньги.

[2]) Одни полагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ испытаніяхъ или пробныхъ урокахъ самихъ учителей; другіе думаютъ, что это были испытанія учениковъ, которыя, однако, являлись вмѣстѣ съ тѣмъ своего рода экзаменами и для учителей, такъ какъ здѣсь обнаруживалось, насколько успѣшно велось преподаваніе

Итакъ, мы видимъ тутъ совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, дѣленіе на классы или разряды, публичные экзамены, наблюдателей въ лицѣ педонома и гимназіарха, особые о нихъ законы, учителей, избираемыхъ народомъ на годъ, получающихъ жалованья отъ 200 до 400 руб. на наши деньги и занимающихъ служебное положеніе, повидимому, ниже секретарей совѣта, за которыми они непосредственно слѣдуютъ.

Постановленіе это давно уже извѣстно. Другой документъ (конца III в. до Р. Х.) найденъ недавно въ Милетѣ, въ святилищѣ Аполлона Дельфинія, служившемъ главнымъ городскимъ архивомъ, и опубликованъ впервые Цибартомъ. Евдемъ, сынъ Θалліона,—читаемъ мы въ этой надписи, — движимый желаніемъ сдѣлать доброе дѣло для народа и оставить на вѣчныя времена самую лучшую и достославную память о себѣ, заявилъ, что онъ жертвуетъ на образованіе „свободныхъ мальчиковъ“ 10 талантовъ (т.-е. около 24.000 руб.), отъ имени своего и своихъ братьевъ Менандра и Діона. Въ отвѣтъ на это милетяне постановили: Евдема за его стараніе въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ „похвалить“ и поручить его особой заботѣ совѣта и народа. Затѣмъ идутъ предписанія, устанавливающія „надлежащій порядокъ“ пріема отъ Евдема пожертвованія, храненія его и расходованія суммъ, съ указаніемъ лицъ, на которыхъ это возлагается, подъ угрозой, въ случаѣ неисправности, большого штрафа. Въ Милетѣ, какъ мы видѣли (стр. 58), существовалъ народный или общественный банкъ, въ который долженъ былъ быть переданъ жертвуемый капиталъ и тамъ записанъ въ счетъ города

подъ рубрикой „пожертвованія Евдема на образованіе свободныхъ мальчиковъ“. Ежегодно должно было отчисляться 300 статировъ [1]), т.-е. 10%, изъ которыхъ выдавались деньги на расходы.

Для насъ здѣсь особенно интересны постановленія, касающіяся учителей.

Учителя и педотрибы избирались публично, народнымъ собраніемъ, на одинъ годъ. Желающіе занять эти должности должны были записаться у педономовъ, съ 15-го по 20-е число мѣсяца Артемисіона. Педономы выставляли имена кандидатовъ въ Антіоховомъ портикѣ, для всеобщаго свѣдѣнія. 28-го происходили выборы въ народномъ собраніи, въ орхестрѣ. Процедура выборовъ была довольно сложная и во всякомъ случаѣ торжественная. Ставились треножникъ и курильница. Жрецы Гермеса Энагонія, что̀ въ палестрѣ, жрецъ Музъ, іерокериксъ (священноглашатай), педономы и жертвователь Евдемъ, пока живъ, а послѣ его смерти старшій изъ его потомковъ, воскуряютъ ѳиміамъ Гермесу, Музамъ и Аполлону Музегету. Іерокериксъ молится за участвующихъ въ народномъ собраніи, взамѣнъ приведенія ихъ къ присягѣ: кто будетъ выбирать по совѣсти и убѣжденію, не подчиняясь какому-либо вліянію вопреки справедливости, тому да будетъ благо, въ противномъ случаѣ—наоборотъ. Послѣ этого педономы передаютъ секретарю совѣта имена записавшихся кандидатовъ. Секретарь вызываетъ каждаго по очереди и жрецы приводятъ его къ присягѣ:

[1]) Статиръ = 20 драхмамъ, 300 статировъ = 6.000 драхмамъ, т.-е. 1 таланту.

педотрибъ клянется Гермесомъ, что ни предъ кѣмъ не хлопоталъ о своемъ избраніи; учитель грамоты даетъ такую же клятву, съ тою лишь разницею, что клянется не Гермесомъ, а Аполлономъ и Музами. Выборы происходятъ, какъ обыкновенно при голосованіи, посредствомъ поднятія руки (хиротоніи). Изъ числа явившихся кандидатовъ избираются 4 педотриба и 4 учителя грамоты. Жалованья педотрибу—по 30 драхмъ въ мѣсяцъ, а учителю—по 40 драхмъ; выдача жалованья производится 1-го числа каждаго мѣсяца. Относительно публичныхъ испытаній и прочихъ обязанностей постановлено придерживаться „педономическаго закона“ (къ сожалѣнію, онъ до насъ не дошелъ). Педотрибы, если пожелаютъ посѣтить какой-либо агонъ или состязаніе, ведя атлетовъ, могли отлучаться, но съ тѣмъ, чтобы вмѣсто себя они оставляли замѣстителя, одобреннаго педономомъ. Въ случаѣ неисправности казначеевъ въ выдачѣ жалованья полагался штрафъ въ 500 статировъ въ храмовую казну Гермеса и Музъ; педотрибы же и учителя могли взыскивать съ казначеевъ свое жалованье по агораномическому закону, т.-е. полицейскими мѣрами. Предназначенныя на школьное дѣло деньги ни на что иное употреблять „никоимъ образомъ“ не разрѣшалось, тоже подъ угрозою штрафа въ 500 статировъ. Остатокъ, за уплатой жалованья [1]),

[1]) Ежегодно отчислялось, какъ было упомянуто, 300 статировъ или 6.000 драхмъ; на жалованье шло въ обыкновенномъ году 3 360 драхмъ, въ високосномъ — на 280 драхмъ больше. Слѣдовательно, остатокъ равнялся 2.640 драхмамъ въ обыкновенномъ и 2.360 въ високосномъ году.

педономы должны употреблять на отправку быка, „самаго лучшаго“, Аполлону Дидимейскому. Въ процессіи должны участвовать сами педономы, мальчики по выбору, эпистаты, т.-е. ихъ начальствующіе (вѣроятно, учителя и педотрибы), Евдемъ, а послѣ его смерти—старшій изъ его потомковъ. Отправленнаго быка педономы должны принести въ жертву, а мясо его раздать мальчикамъ и другимъ участвовавшимъ въ процессіи. 5-го числа каждаго мѣсяца мальчики освобождаются отъ занятій—вѣроятно, въ честь жертвователя,—и этотъ день педономы должны записать въ число праздниковъ. Въ заключеніе говорится: „дабы народное рѣшеніе и дѣло Евдема было всѣмъ извѣстно, записать это постановленіе на двухъ каменныхъ стелахъ, изъ которыхъ одну поставить въ палестрѣ мальчиковъ на томъ мѣстѣ, какое окажется удобнымъ, а другую—въ храмѣ Аполлона Дельфинія“, гдѣ она теперь и найдена.

Дѣлались пожертвованія и на расширеніе преподаванія или на пополненіе учительскаго персонала, на приглашеніе новыхъ преподавателей, на введеніе новыхъ предметовъ въ число преподаваемыхъ и т. п. Такія пожертвованія большею частью исходили отъ гимназіарховъ. Такъ, гимназіархъ Стратонъ въ Пергамѣ не только заботился о повышеніи содержанія учителямъ или, по крайней мѣрѣ, объ аккуратной выдачѣ имъ жалованья, но на собственныя средства нанялъ новыхъ учителей, для полноты преподаванія; гимназіархи въ Пріэнѣ и въ Эретріи приглашали особыхъ преподавателей по филологіи. Иногда это дѣлалось только на извѣстный срокъ, напр. на годъ.

Вообще должность гимназіарха связана была съ большими издержками, и въ римскую эпоху нерѣдко бывали спеціальныя пожертвованія на гимназіархію—на покрытіе расходовъ по этой должности, при чемъ иногда самихъ воспитанниковъ-эфебовъ обязывали клятвой охранять сдѣланное пожертвованіе, чтобы оно оставалось за учрежденіемъ и шло именно на предназначенную цѣль. Сохранилось, напр., завѣщаніе, въ видѣ надписи, одного знатнаго гражданина города Афродисіи. Гражданинъ этотъ перечисляетъ, сколько онъ пожертвовалъ въ разные сроки на гимназіархію и другія должности: сперва онъ уплатилъ 20.000 динаріевъ, потомъ сдѣлалъ второй взносъ въ 100.260, наконецъ въ завѣщаніи на тѣ же цѣли отказалъ 143.914, всего—пожертвовалъ болѣе 264.000 динаріевъ.

Жертвовали и на постройку зданій. Въ Митиленѣ, напр., гимназіархъ Кратесъ выстроилъ гимназію на свой счетъ. Иногда многіе граждане сообща приходили на помощь городу и каждый изъ нихъ бралъ на себя обязательство построить ту или другую часть зданія. Примѣромъ можетъ служить перестройка „Филипповой гимназіи“ въ Галикарнассѣ. Изъ декрета въ честь нѣкоего Діодота мы узнаемъ, что этотъ Діодотъ сначала обѣщалъ дать безъ процентовъ 10.000 драхмъ на устройство двойного портика и, сверхъ того,—все недостающее по заявленіямъ другихъ лицъ (которыя письменно обѣщали внести, но своей доли не уплатили) и такимъ образомъ довелъ постройку до конца, давъ въ общемъ 33.000 драхмъ въ видѣ безпроцентнаго займа и, кромѣ того, склонивъ другихъ къ новымъ взно-

самъ [1]). Наградой ему былъ золотой вѣнокъ и бронзовая статуя въ самомъ зданіи гимназіи. Какъ это бываетъ и въ наши дни, пользовались и человѣческими слабостями—старались подѣйствовать на честолюбіе или тщеславіе жертвователей: кто жертвовалъ наибольшую сумму, тому отводили почетное мѣсто въ спискѣ жертвователей, а самый списокъ выставляли въ гимназіи.

На помощь при постройкѣ гимназій приходили и общества или товарищества, которыя такъ распространены были въ греческомъ мірѣ [2]). Болѣе или менѣе щедрые жертвователи находились и въ небольшихъ городахъ. Въ спискѣ жертвователей оказываются даже служащіе въ гарнизонѣ на островѣ Θерѣ. Иногда жертвовали не деньгами, а натурой, матеріаломъ. Напр. въ Эфесѣ для зданія гимназіи подарены были колонны; въ другомъ городѣ, когда тамошняя гимназія сгорѣла, на ея отстройку одинъ гражданинъ подарилъ кирпичъ, заказанный было имъ для своего дома. До насъ дошла росписка двухъ гимназіарховъ въ Египтѣ, выданная ими старшинамъ одной деревни въ полученіи соломы для отопленія гимназической бани [3]).

---

[1]) *Michel*, Recueil, n° 456. Цибартъ полагаетъ даже, что здѣсь мы имѣемъ передъ собои *подписку* состоятельныхъ гражданъ; но въ текстѣ дошедшей до насъ надписи говорится собственно не о подпискѣ, а о письменныхъ заявленіяхъ со стороны гражданъ, пожелавшихъ взять на себя ту или другую часть расходовъ.

[2]) *Poland*, Geschichte des griechischen Vereinswesens. Leipz. 1909.

[3]) *Wilcken*, Chrestomathie, n° 150 (Вилькенъ полагаетъ, что на деревни того района разложена была повинность по доставкѣ соломы для гимназіи въ Арсиноѣ).

Въ тѣ времена много заботились объ удобствахъ и украшеніи школьныхъ зданій. Въ Пергамѣ гимназіархъ Діодоръ возстановилъ пришедшую въ разрушеніе гимназію „молодыхъ“ (Νέοι), сдѣлалъ пристройку, устроилъ мраморную экседру и мраморное помѣщеніе для купанья или умыванія, при чемъ стѣны были обложены деревомъ и разрисованы. Вообще на устройство такихъ помѣщеній или бань обращалось тогда особенное вниманіе. Съ какимъ комфортомъ и даже роскошью они устраивались, показываютъ остатки пергамской гимназіи [1]): въ мраморной залѣ текла вода изъ мраморныхъ львиныхъ головъ въ прекрасные, большіе каменные тазы или ванны. Изъ декрета въ честь пергамскаго гимназіарха Метродора мы знаемъ, что онъ не только пожертвовалъ мраморныя ванны, но и устроилъ разныя приспособленія, между прочимъ — для храненія платья купающихся. Жертвовали и на состязательныя игры, на масло, столь необходимое въ особенности при состязаніяхъ, на текущіе мелкіе расходы и т. п.

Жертвователей и вообще лицъ, оказавшихъ услуги дѣлу народнаго образованія, награждали обыкновенно похвальнымъ декретомъ, иногда, кромѣ того, золотымъ вѣнкомъ; ихъ статуя нерѣдко ставилась въ помѣщеніи гимназіи; имъ предоставлялись особыя почетныя права и привилегіи. Такъ, дошедшій до насъ декретъ въ честь упомянутаго уже стратега Деркила говоритъ [2]): такъ

---

[1]) *Дэмеръ*, Пергамъ, Приэна, Пальмира („Гермесъ“, 1909 № 17); *Sudhoff*, Aus dem antiken Badewesen. Berl. 1910.

[2]) *Dittenberger*, Sylloge, II², n° 518.

какъ Деркилъ достохвально старается какъ о прочемъ такъ особенно о томъ, чтобы мальчики, находящіеся въ демѣ элевсинскомъ, воспитывались, то въ виду этого элевсинцы постановили: Деркила „похвалить“, увѣнчать его золотымъ вѣнкомъ въ 500 драхмъ, даровать ему „ателію“ (свободу отъ податей и повинностей) и „проэдрію“, почетное мѣсто въ демѣ; постановленіе объ этомъ записать на каменной стелѣ и выставить у пропилеевъ Деметры и Коры (Персефоны), при чемъ о записи должны позаботиться родители мальчиковъ, вмѣстѣ съ демархомъ, выборнымъ главою дема. Евдемъ Милетскій, какъ мы видѣли, поручается особымъ заботамъ совѣта и народа. Чтобы достойнымъ образомъ почтить его за его щедроты, народное собраніе постановило еще имѣть объ этомъ особое сужденіе въ надлежащее время.

При школахъ и гимназіяхъ были своего рода школьные музеи и архивы—собранія документовъ, касающихся завѣдующаго или учительскаго персонала и выставленныхъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Въ Пергамѣ находится большое число колоннъ въ честь лицъ, преимущественно гимназіарховъ, которымъ принадлежала заслуга въ устройствѣ или развитіи гимназіи. Учащіеся могли читать на базахъ этихъ колоннъ и на мраморныхъ таблицахъ имена, узнавать, кому и чѣмъ они обязаны, кто устроилъ или расширилъ гимназію, кто украсилъ ее новыми сооруженіями, кто снабдилъ прекрасными банями, кто содѣйствовалъ лучшей постановкѣ дѣла обученія. Тутъ находились и статуи тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали процвѣтанію учре-

жденія. Статуи эти — то же, что портреты въ современныхъ заведеніяхъ. А для вѣчнаго воспоминанія о заслугахъ покойника иногда и хоронили въ гимназіи.

Заботы гимназіарховъ простирались не только на зданіе и на расширеніе преподаванія. Изъ почетныхъ надписей, выставленныхъ въ портикахъ, на площадкахъ и другихъ мѣстахъ, мы узнаемъ, что такой-то гимназіархъ или педономъ проявилъ особыя старанія— заботился не только о благоустройствѣ и порядкѣ, но и о тѣлесномъ здравіи учащихся; что такой-то гимназіархъ въ Эретріи сумѣлъ поднять школу и при немъ увеличилось число посѣщающихъ ее. Въ Милетѣ одинъ изъ педономовъ настолько заботился о питомцахъ, что отправлялся въ храмъ Асклепія и тамъ приносилъ въ жертву овцу „за здравіе мальчиковъ“.

Надписи знакомятъ насъ и съ карьерой должностныхъ лицъ, завѣдывавшихъ школьнымъ дѣломъ. Одною изъ самыхъ почетныхъ общественныхъ должностей была гимназіархія: ее занимали большею частью бывшіе педономы, а иногда наоборотъ — сначала бывали гимназіархами, а потомъ педономами. Три большихъ надписи подробно разсказываютъ о карьерѣ нѣкоего Эмилія Зосима (послѣ 84 г. до Р. Х.) въ Пріэнѣ. Сначала онъ былъ секретаремъ города, затѣмъ гимназіархомъ, потомъ педономомъ. Въ надписяхъ перечисляются его заслуги: между прочимъ указывается, что онъ контролировалъ учителей посредствомъ предписываемыхъ школьнымъ закономъ испытаній, доставляя имъ особыя награды за вѣрное исполненіе долга.

Что касается положенія учителя, то оно было не-

одинаково. Въ пору расцвѣта Аѳинъ знаменитые учителя мудрости, софисты, занимали почетное положеніе въ обществѣ. Они собирали вокругъ себя толпы слушателей и получали громадный по тому времени гонораръ. Знаменитый или модный софистъ — желанный гость въ домѣ богача. Его пріѣздъ въ городъ—крупное событіе. Платонъ въ своемъ „Протагорѣ“ рисуетъ слѣдующую характерную сцену. Въ Аѳины прибылъ Протагоръ. Извѣстіе объ этомъ переходитъ изъ устъ въ уста. Знакомый Сократа, Гиппократъ, спѣшитъ къ нему еще до разсвѣта, чтобы сообщить важную новость; онъ готовъ ничѣмъ не поскупиться, лишь бы знаменитый софистъ сдѣлалъ и его мудрымъ. Но Сократъ уже знаетъ о прибытіи Протагора. Лишь стало свѣтать, оба они идутъ въ домъ Каллія, гдѣ остановился Протагоръ. Привратникъ нехотя впускаетъ ихъ. Оказывается, что домъ, не смотря на раннюю пору, уже полонъ гостей, слушателей и собесѣдниковъ. Протагоръ прохаживается въ портикѣ, и съ нимъ — самъ хозяинъ Каллій и другія лица; позади слѣдовали, прислушиваясь къ разговору, повидимому, чужеземцы, тѣ, что̀ Протагоръ уводитъ за собою изъ каждаго города, чрезъ который проходитъ, „очаровывая голосомъ какъ Орфей, а они идутъ за нимъ по голосу какъ очарованные“. Когда Протагоръ со своими собесѣдниками поворачивалъ, они почтительно разступались, пропуская ихъ впередъ, и затѣмъ слѣдовали позади. На противоположной сторонѣ возсѣдалъ на высокомъ сѣдалищѣ другой извѣстный софистъ, Гиппій изъ Элиды, и велъ съ окружавшими его лицами бесѣду, повиди-

мому о разныхъ астрономическихъ предметахъ. Былъ тутъ и третій извѣстный софистъ—Продикъ изъ Кеоса. Его голосъ, густой басъ, доносился изъ помѣщенія, которое раньше служило кладовой, а теперь, такъ какъ не хватало комнатъ, гостепріимнымъ хозяиномъ уступлено было тоже гостямъ. Продикъ лежалъ еще, завернутый въ одѣяла или ковры, и разговаривалъ съ лежавшими тамъ же лицами, но о чемъ, Сократъ не могъ разобрать вслѣдствіе низкаго голоса Продика... Такъ рисуетъ Платонъ словами Сократа картину пребыванія знаменитыхъ софистовъ въ Аѳинахъ. Здѣсь, въ яркихъ и рельефныхъ чертахъ, мы видимъ, какъ относилась къ этимъ софистамъ та часть аѳинскаго общества, которая стремилась къ новому образованію. Извѣстно также, какое видное положеніе занимали философы Платонъ и Аристотель. Ораторъ Исократъ имѣлъ школу, многочисленныхъ учениковъ и переписывался съ царственными или владѣтельными особами, давая имъ совѣты, начертывая программы для ихъ дѣятельности.

Иное, конечно, было положеніе скромнаго „грамматиста“, учителя грамоты. Онъ не всегда получалъ жалованье отъ государства или города, часто содержалъ школу свою на взносы учениковъ и нерѣдко бѣдствовалъ. Случалось, напр., что когда въ мѣсяцѣ было много праздниковъ, то родители, чтобы не платить за такой мѣсяцъ, не посылали въ теченіе его дѣтей своихъ въ школу или вычитывали за праздничные дни. Вообще профессія „грамматиста“ — незавидная. Платонъ въ своихъ „Законахъ“ предоставляетъ ее иностран-

цамъ. Названіе „школьный учитель“ считалось иногда оскорбительнымъ. Комикъ выражается объ одномъ лицѣ, пропавшемъ безъ вѣсти: „онъ или умеръ, или учитъ гдѣ-нибудь дѣтей грамотѣ“. У Лукіана бывшіе на землѣ сатрапами и царями на томъ свѣтѣ вынуждены изъ бѣдности обучать грамотѣ, что̀ служитъ показателемъ ихъ нищенскаго положенія. При Августѣ въ одномъ городѣ (Стратоникеѣ), учитель, не заявившій письменно о выбытіи ученика изъ школы, отводился прямо въ тюрьму, между тѣмъ какъ другія должностныя лица, архонтъ и педономы, въ случаѣ упущеній привлекались къ отвѣтственности обычнымъ порядкомъ, съ соблюденіемъ формальностей. Въ другихъ мѣстахъ за неисполненіе обязанностей учителю грозилъ только штрафъ. Наряду съ этимъ имѣются, однако, и иного рода факты, говорящіе объ уваженіи къ личности и профессіи учителя. Существовало, напр., убѣжденіе, что хорошіе учителя дѣлаютъ честь родному городу.

Отношеніе учениковъ къ учителю часто бывало недружелюбное. Платонъ, какъ извѣстно (стр. 26), говоритъ, что въ демократіи существуетъ „педократія“, господство дѣтей: учитель боится учениковъ и льститъ имъ, а ученики презираютъ учителей и педагоговъ. На вазахъ среди обычныхъ изображеній школьной жизни мы видимъ между прочимъ сцену, показывающую, съ какимъ невниманіемъ ученики относились къ учителю: въ то время, какъ онъ усердно играетъ на инструментѣ, они поворачиваются спиной и заигрываютъ съ какимъ-то животнымъ, протягивая ему одинъ—флейту, другой—плектръ (которымъ ударяли по струнамъ).

Конечно, такія явленія не слѣдуетъ слишкомъ обобщать, тѣмъ болѣе, что наряду съ ними имѣются и совершенно противоположныя. Выраженіемъ чувства уваженія и благодарности къ учителямъ служатъ памятники, воздвигнутые имъ учениками. Напр., въ надгробномъ рельефѣ II-го столѣтія до Р. Х. на одномъ изображеніи мы видимъ учителя, окруженнаго пятью учениками, а на другомъ—эти ученики сопровождаютъ его въ подземный міръ, гдѣ онъ входитъ въ поля блаженныхъ. Надгробное стихотвореніе говоритъ намъ, что покойный въ теченіе пятидесяти двухъ лѣтъ занимался элементарнымъ преподаваніемъ и что списокъ его многочисленныхъ учениковъ можно прочитать въ могильной камерѣ, на дверяхъ которой начертано это стихотвореніе.

Учителя въ школахъ государственныхъ или общественныхъ избирались обыкновенно на одинъ годъ и, конечно, могли быть переизбираемы. Ихъ обязанности опредѣлялись „педономическимъ закономъ“. Они могли имѣть помощниковъ, составляли союзы или общества и товарищества для общихъ постановленій, для охраны своихъ интересовъ и т. п.

Были и странствующіе учителя. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ, посѣщавшіе Дельфы, получали титулъ „проксеновъ“ (гостепріимца, друга). Таковъ былъ, напр., нѣкій Менандръ, имѣвшій въ Дельфахъ большой успѣхъ, но смотрѣвшій на свое учительство какъ на жертву Аполлону и отказывавшійся отъ всякаго денежнаго вознагражденія.

У одного изъ древнихъ авторовъ, Витрувія, мы на-

ходимъ подробное описаніе греческой гимназіи (V, 11), съ ея обширнымъ дворомъ, перистилемъ, колоннадами, портиками и экседрами, съ мѣстами для упражненій, игръ, состязаній и прогулокъ, со стадіемъ и проч. Съ греческой низшей школой и съ тѣмъ, какъ шелъ урокъ въ ней, хорошо знакомятъ насъ рисунки на вазахъ.

Такъ, на извѣстной вазѣ Дуриса, хранящейся теперь въ Берлинскомъ музеѣ, предъ нами внутреннее помѣщеніе школы: на стѣнахъ висятъ музыкальные инструменты, чехолъ для флейты, свитокъ, табличка или дощечка, употребляемая для письма, корзина, какой-то крестообразный предметъ, назначеніе котораго трудно опредѣлить (можетъ быть, онъ служилъ линейкой). На стулѣ со спинкой, по-гречески—тронѣ, сидитъ учитель и держитъ въ рукахъ развернутый свитокъ; передъ нимъ стоитъ ученикъ и читаетъ этотъ свитокъ; а за нимъ на табуретѣ, скрестивъ ноги, съ палкой въ рукѣ, сидитъ бородатый мужчина, очевидно—педагогъ, сопровождавшій обыкновенно мальчиковъ въ школу. Это — урокъ чтенія, а налѣво изображенъ урокъ музыки: учитель и ученикъ сидятъ другъ противъ друга, каждый съ лирой въ рукахъ. На другой сторонѣ той же вазы посреди мы видимъ, между прочимъ, изображеніе пишущей фигуры; въ одной рукѣ ея—остроконечная палочка, стиль, въ другой—дощечка: въ школахъ писали на табличкахъ или дощечкахъ, натертыхъ воскомъ; острымъ концомъ „стиля“ выводили буквы, а тупымъ концомъ стирали написанное.

На другой—родосской—вазѣ, находящейся въ Лон-

донѣ, изображаются чрезвычайно живыя сцены изъ школьной жизни, между прочимъ и та, которой мы уже касались: на стулѣ со спинкой сидитъ учитель или, скорѣе, судя по его молодости, помощникъ учителя и, видимо, усердно играетъ на флейтѣ; у ногъ его — собака, съ поднятой вверхъ мордой — она, повидимому, воетъ; спиной къ учителю — два ученика; одинъ держитъ, приподнявъ въ рукѣ, флейту, другой, съ лирой и плектромъ въ рукахъ, наклонился къ животному, стоящему на табуретѣ и похожему на кошку; кажется, оба они предлагаютъ этому животному сыграть на протягиваемыхъ ему инструментахъ.

Раскопки послѣдняго времени даютъ новый интересный матеріалъ для знакомства какъ съ греческой гимназіей, такъ и со школой, съ самыми зданіями, съ ходомъ и способами преподаванія, съ составомъ учениковъ... Въ иныхъ мѣстахъ можно даже вычислить число кубическихъ аршинъ въ школьныхъ помѣщеніяхъ, классныхъ комнатахъ. Въ Пріэнѣ, городѣ, въ которомъ вообще нагляднѣе всего сохранились улицы, площади и зданія, стоятъ еще и теперь довольно высокія стѣны школы; у дверей классной комнаты — историческая работа одного изъ воспитанниковъ: списокъ эфоровъ. Гимназія въ Пергамѣ занимаетъ обширное пространство; она представляла собой величественное зданіе, выходившее на главную улицу. Чтобы вполнѣ раскопать его и изслѣдовать, понадобился не одинъ годъ [1]). Въ сущности это было соединеніе трехъ учебныхъ заведеній,

[1]) См. „Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung“, за послѣдніе годы.

построенныхъ на трехъ террасахъ. Круглые пропилеи составляли общій входъ. На нижней террасѣ расположена была гимназія для мальчиковъ, надъ нею—гимназія эфебовъ, а на самой верхней террасѣ—гимназія „молодыхъ“. Но кромѣ этой тройной гимназіи были въ Пергамѣ еще и другія. Въ гимназіи въ Милетѣ существовало нѣсколько классовъ и классныхъ комнатъ.

И въ этихъ нынѣ опустѣлыхъ, представляющихъ груды развалинъ стѣнахъ когда-то била ключомъ молодая жизнь, слѣды которой, довольно многочисленные и подчасъ оригинальные, сохранились до нашего времени.

Стѣны классныхъ комнатъ въ гимназіяхъ въ Пріэнѣ, Пергамѣ и нѣкоторыхъ другихъ испещрены надписями, сдѣланными учениками, съ ихъ именами. Мы видимъ: „мѣсто Артема, сына Діонисіева“, „мѣсто Хареса и Аполлонія, сыновей Аполлоніевыхъ“: для братьевъ и друзей значится обыкновенно одно мѣсто. Иногда имена составляютъ какъ бы группы: одни и тѣ же повторяются, а съ ними чередуются разныя другія. Нерѣдко попадаются смѣшныя прозвища. Все это напоминаетъ современное обыкновеніе дѣлать надписи на стѣнахъ, на партахъ, скамьяхъ и т. д. Стѣны гимназіи въ Пріэнѣ покрыты подобными надписями до самаго потолка; нѣкоторыя едва нацарапаны, съ большими описками: чтобы ихъ начертать вверху, ученикамъ, очевидно, приходилось взбираться другъ другу на плечи.

Въ Кизикѣ и въ Пергамѣ, на длинныхъ мраморныхъ таблицахъ или плитахъ, встрѣчаются изображе-

нія ступней ногъ, преимущественно правыхъ, рядами по 14, по 4, 3 или 2. Подъ слегка намѣченными ногтями—имя обладателя ступни, а сверху, надъ ногами, нерѣдко призывъ вспомнить о тѣхъ, чьи имена обозначены. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны слѣды болѣе раннихъ рисунковъ.

Учиться у „грамматиста“—чтенію и письму—начинали съ 6—7 лѣтъ. Чтобы облегчить дѣтямъ усвоеніе азбуки, прибѣгали къ разнымъ средствамъ. Объ Продѣ Аттикѣ, напр., разсказываютъ, что онъ окружилъ своего сына 24 рабами, его сверстниками, имена которыхъ начинались съ разныхъ буквъ. Комикъ Каллій написалъ даже очень оригинальную пьесу: „Грамматическую“ или „Буквенную трагедію“, въ которой персонажами являлись буквы, въ разныхъ группахъ и сочетаніяхъ. До насъ дошли упражненія въ азбукѣ, писанныя на черепкахъ, въ родѣ напр.: αρ βαρ γαρ δαρ, ερ βερ γερ δερ. Съ цѣлью упражненія писали азбуку то съ начала, то съ конца, то въ разбивку; каждую отдѣльную согласную соединяли со всѣми гласными: ξα ξε ξι ξο и т. под.

Сохранилось, между прочимъ, нѣсколько ученическихъ тетрадей съ упражненіями въ письмѣ. Одна изъ нихъ (III—IV в. по Р. Х.) дошла до насъ въ цѣломъ видѣ [1]); состоитъ она изъ одиннадцати листковъ, сшитыхъ у нижняго лѣваго угла, и представляетъ упражненія отъ простѣйшихъ до болѣе сложныхъ, кончая

[1]) Такъ называемый Papyrus Bouriant, № 1, изданный у *Wessely*, Studien zur Palaeographie und Papyruskunde, VI, 1906; теперь и у *Ziebarth*, Aus der antiken Schule.

стихотвореніями Бабрія. Кеніонъ, ученый, которому обязаны первымъ изданіемъ трактата Аристотеля объ Аѳинской политіи, не такъ давно опубликовалъ нѣкоторыя греческія школьныя таблицы III в. по Р. Х. Восемь изъ такихъ деревянныхъ таблицъ одинаковой величины и соединены въ одну тетрадь. Связаны онѣ посредствомъ шелковаго снурка, который протянутъ вдоль, черезъ соотвѣтственныя диры у обоихъ концовъ таблицъ. Страницы этихъ таблицъ за исключеніемъ крайнихъ, которыя служили вмѣсто обложки, имѣютъ пагинацію отъ α до π; двухъ буквъ или нумеровъ недостаетъ (очевидно, одна таблица утеряна). Изъ 14 страницъ использовано 7, остальныя пустыя. Первыя страницы заняты спискомъ 207 глаголовъ съ замѣчаніями объ управляемыхъ ими глаголахъ [1]). Есть примѣры скандированія, дѣленія на слоги. Образцомъ такого рода упражненій служитъ деревянная дощечка въ великогерцогской библіотекѣ въ Гейдельбергѣ [2]). Есть таблички слоговъ на черепкѣ [3]).

Очень распространено было списываніе съ прописей. Образцы такихъ прописей, сдѣланныхъ рукою учителя и списанныхъ затѣмъ учениками, дошли до насъ. Въ Марсельскомъ музеѣ имѣется, напр., навощенная табличка (III в. по Р. Х.) съ прописью и съ увѣщаніемъ учителя: „старайся“, а на трехъ другихъ табличкахъ—по три ея копіи, сдѣланныя рукою ученика.

---

[1]) Journ of Hellen. Studies, XXIX; см. *Brinkmann*, Aus dem antiken Schulunterricht (Rhein. Mus., 1910, LXV).

[2]) Ст. *Crusius*'а въ „Philologus“, LXIV, 1905.

[3]) *Wilcken*, Chrestomathie, n° 139.

Въ Петербургѣ, въ Эрмитажѣ, тоже есть двѣ подобныя деревянныя таблички съ прописями [1]). На деревянной дощечкѣ Берлинскаго музея въ первомъ ряду—пропись учителя: „будь прилеженъ, мальчикъ, чтобы тебя не драли“, не пороли; слова эти списаны ученикомъ четыре раза.

Очевидно, греческимъ школьникамъ знакома была порка и розга. Въ одной изъ вновь открытыхъ комическихъ бытовыхъ пьесъ Геронда есть такая сцена изъ школьной жизни. Пожилая женщина Метротима приводитъ своего сына, проказника и лѣнтяя, къ учителю Ламприску, своему родственнику. Она горько и подробно жалуется и проситъ: „Вели рабу поднять этого негодяя себѣ на плечи и дай ему такую порку, чтобы его скверная душа осталась ему на однѣхъ губахъ. Онъ совершенно разорилъ меня, бѣдную, своей игрой въ орла и рѣшетку... Спроси-ка его, гдѣ квартира его учителя—куда мнѣ каждое тридцатое число (охъ, ужъ это мнѣ тридцатое число!) приходится идти съ платой, хотя бы я навзрыдъ плакала,—нескоро онъ найдется отвѣтить тебѣ; зато вертепъ, гдѣ живутъ носильщики и бѣглые рабы, — этотъ онъ тведро знаетъ и другому показать можетъ. Бѣдная доска [2]), которую я исправно натираю воскомъ каждый мѣсяцъ, лежитъ сиротой у ножки его кровати... Въ грамотѣ онъ ни аза не разберетъ, если ему не твердить пять разъ одно и то-же; намедни отецъ заставилъ его разбирать по складамъ

[1]) См. *Г. Ф. Церетели*, Памятники греч. письменности изъ Египта (отд. отт. изъ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1909 г.).

[2]) На которой писали. См. выше.

слово „Маронъ“, — такъ этотъ грамотей Марона превратилъ въ Симона, такъ что я сама себя прозвала дурой за то, что вмѣсто того, чтобы учить его пастиословъ, даю ему хорошее воспитаніе, думая найти въ немъ подспорье на черный день... А попробуй-ка посильнѣе постращать его,—такъ онъ или три дня не знаетъ порога нашего дома и тѣмъ временемъ разоряетъ свою мать, бѣдную старуху, или взберется на крышу и сидитъ тамъ, вытянувъ ноги и опустивъ голову, точно мартышка. А мнѣ-то каково видѣть его тогда, какъ ты думаешь! И не столько его самого жалко, сколько черепицъ, которыя крошатся точно хворостъ, такъ что при приближеніи зимы меня заставляютъ платить по три полушки за каждую черепицу. Плачешь, да ничего не подѣлаешь: всѣ жильцы въ одинъ голосъ твердятъ, что это сдѣлалъ Метротиминъ сынъ Коккалъ,—и чувствуешь, что это правда, такъ что даже раскрыть ротъ совѣстно... Уже пожалуйста, Ламприскъ, если хочешь, чтобы вотъ эти богини дали тебѣ счастье и удачу для твоей дальнѣйшей жизни“... И Геронд ъ подробно изображаетъ расправу, послѣ которой мальчикъ дѣлается „пестрѣе змѣи“. Матери кажется, что все еще мало, но Ламприскъ утѣшаетъ ее, обѣщая оставить ея сына на нѣкоторое время у себя, чтобы познакомить его основательно съ книгой при помощи розги [2]).

Сохранились упражненія на черепкахъ не только въ грамотѣ, но и въ математикѣ. Существовали модели

---

[2]) *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, Изъ жизни идей. Спб. 1905, I, 106—108.

геометрическихъ тѣлъ—шары, додекаэдры и проч. Мальчики учились рисовать круги, кривыя линіи. Въ греческой школѣ вообще пользовались наглядными пособіями — иллюстраціями, серіями картинъ, географическими картами и небеснымъ глобусомъ. Наряду съ пособіями въ школахъ и гимназіяхъ находятъ и игрушки—разныя дѣтскія и женскія головки, крылышки, куклы. Мальчикъ, идя въ школу, несъ съ собою, вмѣстѣ съ книгой, и мячъ, и оловяннаго солдатика [1]).

При школахъ существовали библіотеки. Изъ нихъ едва-ли не самая замѣчательная—библіотека при Птолемеевой гимназіи (Птолемейонѣ) въ Аѳинахъ: каждый выпускъ эфебовъ долженъ былъ дарить ей книги въ силу двухъ народныхъ постановленій, состоявшихся около 100 до Р. Х. Подобныя же библіотеки были въ Коринѳѣ, Дельфахъ, Галикарнассѣ. Библіотеки эти особенно необходимы были при изученіи поэтовъ, къ которому учащіеся переходили послѣ первоначальнаго обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ. Нечего и говорить, какое мѣсто въ системѣ греческаго образованія занимали музыка и гимнастика.

Для воспитанниковъ гимназій устраивались публичные экзамены и разнаго рода состязанія или регулярно, какъ это было, напр., въ Теосѣ и въ Милетѣ, или въ силу особаго каждый разъ постановленія народнаго собранія, которое давало и средства на награды [2]). А

[1]) *Лямеръ*, „Гермесъ“, 1909, № 17.

[2]) Какія награды бывали въ частныхъ школахъ, содержимыхъ отдѣльными учителями, показываетъ одна эпиграмма: „Конаръ получилъ 80 бабокъ за то, что писалъ прекрасно, лучше, чѣмъ всѣ другіе мальчики“ (*Freeman*, Schools of Hellas, стр. 65).

иногда гимназіархъ или педономъ вводилъ новые экзамены или состязанія по тѣмъ предметамъ, для преподаванія которыхъ онъ приглашалъ особыхъ учителей.

До насъ дошло немало списковъ отличившихся учениковъ, получившихъ награды при школьныхъ испытаніяхъ или агонахъ, состязаніяхъ (большею частью—III—II в. до Р. Х.). Мы имѣемъ здѣсь передъ собою не только имена: очень часто отмѣчается классъ или возрастъ побѣдителей — „старшіе“, „средніе“, „младшіе“—и предметъ состязанія. Рядомъ съ побѣдителями въ бѣгѣ и въ разнаго рода гимнастическихъ упражненіяхъ стоятъ имена отличившихся, напр., въ поэзіи, похвальномъ словѣ, или, какъ перечисляетъ одна надпись изъ Теоса,—въ рапсодіи, чтеніи, общемъ образованіи („полиматіи“), живописи, игрѣ на лирѣ, пѣніи, декламаціи трагедій, комедій, лирическихъ стихотвореній и даже въ каллиграфіи; нерѣдко упоминается также „прилежаніе“.

Вообще сохранилось довольно много школьныхъ документовъ, которые не только находились въ помѣщеніи школы или гимназіи, но и выставлялись на какомъ-либо людномъ, видномъ мѣстѣ, на площади передъ зданіемъ совѣта или храма и т. п. Имѣются, напр., оффиціальные списки школьнаго персонала, въ особенности эфебовъ. Въ Аѳинахъ имена юношей, вносимыхъ въ списокъ эфебовъ, записывались на выбѣленныхъ дощечкахъ, съ обозначеніемъ архонта, при которомъ запись происходила, а впослѣдствіи—на мѣдной доскѣ, которая и ставилась передъ зданіемъ совѣта. Приблизительно такъ было и во многихъ другихъ городахъ,

при чемъ иногда въ началѣ списка поименовывались учителя и наблюдатели. Это — нѣчто въ родѣ тѣхъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности учебныхъ заведеній, которые публикуются теперь. Въ одномъ изъ списковъ при именахъ эфебовъ отмѣчены мѣсяцъ и число, когда эти эфебы приняты. Попадается указаніе и на вступительный взносъ, напоминающій нашу плату за право ученья. Къ сожалѣнію, матеріалъ слишкомъ отрывоченъ и недостаточенъ для того, чтобы опредѣлить, насколько была распространена подобная плата и каковы были размѣры ея.

Впослѣдствіи, особенно съ уменьшеніемъ народонаселенія и упадкомъ мѣстныхъ школъ, списки выставлялись уже не правительствомъ или городомъ, а самими учениками или отдѣльными лицами, заинтересованными въ успѣхѣ школъ. До насъ дошелъ, напр., списокъ 178 удостоенныхъ перевода изъ разряда „мальчиковъ“ въ разрядъ „эфебовъ“ въ Пергамской гимназіи,—списокъ, который они выставили въ 147—6 г. до Р. Х. въ одной изъ нишъ своей гимназіи, вмѣстѣ со статуей принца Аттала, въ честь послѣдняго. Для содержателей частныхъ школъ подобные списки служили своего рода рекламой. Во многихъ городахъ велись списки только отличившихся учениковъ, удостоенныхъ награды. Ученики въ спискахъ обыкновенно распредѣлялись по успѣхамъ, по классамъ или по возрасту: „мальчики“, „эфебы“, „младшаго“, „средняго“, „старшаго возраста“ — таковы обычныя категоріи. Иногда отмѣчаются „новички“ и „старые ученики“.

Были, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ школахъ того времени и *ученицы*.

Случалось нерѣдко, что ученики заведенія собирались всѣ, употребляя современное выраженіе, на сходку и выражали свое настроеніе и свою волю въ формѣ какого-либо постановленія, напр.—выразить уваженіе или благодарность гимназіарху, выразить преданность царю Птолемею Евергету, какъ своему „представителю“. Подобныя постановленія дѣлались большею частью по поводу какого-нибудь пожертвованія, дара и проч. Иногда собирались на сходку ученики даже нѣсколькихъ учебныхъ заведеній. Въ школу проникала и политика. Еще Платонъ (въ „Законахъ“, 636 B) замѣчаетъ: „Гимназіи и сисситіи (общественные столы или обѣды) полезны городамъ во многихъ отношеніяхъ, но въ отношеніи смутъ тягостны“,—и ссылается, между прочимъ, на примѣръ мальчиковъ въ Милетѣ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Въ греческомъ мірѣ даже въ эллинистическую и римскую эпоху обнаруживался сильный корпоративный духъ, стремленіе къ образованію различныхъ обществъ и товариществъ [1]). И среди учащихся возникали цѣлыя корпораціи, организованные союзы, общества, товарищества, кружки и клубы. „Θίασοι гимназіи“, т.-е. члены такихъ товариществъ, въ процессіяхъ выступаютъ наряду съ „совѣтомъ городскимъ“ и „демосомъ“. Выступаютъ корпоративно иногда и ученицы. Такіе школьные союзы или общества могли владѣть собственностью,

[1]) *Poland*, Geschichte des griechischen Vereinswesens. Leipz. 1909.

принимать въ свою пользу пожертвованія и т. п. Встрѣчаются и болѣе мелкія группировки — товарищества „друзей“, синэфебовъ, бывшихъ въ одно и то-же время питомцами одного и того-же заведенія, общества для гимнастическихъ упражненій. Особые союзы или корпораціи возникали и по совершенно другимъ поводамъ. Такъ напр., по желанію и иниціативѣ родителей рано умершаго эфеба Эпаминонда (II в. по Р. Х.) изъ товарищей его образовался кружокъ или „синодъ“ его имени, для ежегоднаго чествованія памяти умершаго на могилѣ его и его сестры. Членамъ предоставлены были нѣкоторыя преимущества, напр. участіе въ поминальномъ пиршествѣ. Мать покойнаго тщательно слѣдила за участниками этого общества и исключала изъ списка тѣхъ, кто по ея мнѣнію недостаточно почиталъ память ея сына.

Греческая школа принимала самое живое участіе въ общественной жизни города — въ празднествахъ и въ торжественныхъ процессіяхъ. Участіе учениковъ въ нихъ было большею частью даже обязательнымъ, и противъ тѣхъ изъ нихъ, которые почему-либо отсутствовали, или противъ ихъ родителей принимались карательныя мѣры. Такъ, по закону острова Аморгоса, вводившему новое празднество, процессію открываютъ пританы, идя изъ зданія совѣта; за ними слѣдуютъ гимназіархъ съ эфебами и младшіе ученики *всѣ*; въ противномъ случаѣ гимназіархъ долженъ принуждать ихъ „всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами“. Въ Магнесіи на Меандрѣ былъ старинный обычай, чтобы ученики освобождались отъ занятій каждый хра-

мовой праздникъ, и когда введенъ былъ тамъ новый культъ „Зевса Спасителя города“, то къ участію въ празднествѣ привлечена была и школа. Торжественному жертвоприношенію предшествовала выставка жертвеннаго животнаго; при этомъ отъ школъ присутствовали депутаціи изъ девяти мальчиковъ и девяти дѣвочекъ, родители которыхъ были еще живы. Спустя нѣкоторое время, въ мѣсяцѣ Артемисіонѣ, совершалась торжественная процессія веденія быка къ алтарю; въ ней участвовали совѣтъ, жрецы, всѣ должностныя лица, эфебы, „молодые“ и мальчики (но не дѣвочки), далѣе—побѣдители на Артемидовыхъ играхъ и въ другихъ агонахъ. Послѣ жертвоприношенія всѣ участвовавшіе получали свою долю мяса.

Поводы къ празднествамъ и процессіямъ бывали самые разнообразные: въѣздъ царя въ городъ или вообще царскій день—а при діадохахъ такихъ дней было очень много,—похороны знатнаго гражданина, благотворителя школы, возвращеніе изъ Рима посла послѣ успѣшно выполненнаго порученія, открытіе какого-либо памятника, годовщина знаменитой побѣды или просто день вступленія гимназіарха въ должность. Всюду въ торжествахъ участвовали школы и гимназіи, со своими гимназіархами и педономами, эфебами и мальчиками. Въ Кимѣ, напр., при погребеніи благотворителя школы эфебы и молодые люди лично несли его останки сначала на площадь, гдѣ покойника вѣнчали золотымъ вѣнкомъ, а потомъ—въ гимназію, гдѣ его погребали.

Какъ часты были праздники въ эллинистическую эпоху, видно изъ гимназическаго календаря съ острова

Коса [1]): въ мѣсяцѣ Артамитіи 4-го числа—праздникъ Посейдона, 5-го—состязаніе эфебовъ, 6-го—процессія въ честь Евмена, въ общемъ двѣнадцать праздниковъ въ теченіе одного мѣсяца!

Гимназія, съ ея просторными помѣщеніями, сама часто служила мѣстомъ празднествъ. Въ одномъ законѣ (г. Эгіалы, на о-вѣ Аморгосѣ) мы имѣемъ описаніе подобнаго празднества. Послѣ процессіи съ жертвеннымъ животнымъ еще не раздѣленные куски мяса относились въ гимназію. Тамъ граждане располагались за столомъ и начиналось пиршество. Распорядители празднества на счетъ города доставляли мясо, вино, цвѣты, дессертъ и все необходимое для приготовленія обѣда—дрова, воду, масло... Одного жертвеннаго животнаго не хватало на всѣхъ, и эфебы получали свиное жаркое, каждый одну мину (около $^2/_3$ фунта). Шкуры жертвенныхъ животныхъ тутъ же на мѣстѣ продавались, и выручка шла на угощеніе народа. Кто предпочиталъ ѣсть дома, тотъ могъ взять съ собою свою долю отъ всѣхъ кушаній.

Ученики посѣщали и театры, имѣли тамъ опредѣленныя мѣста, обозначенныя надписями на каменныхъ сидѣньяхъ. Они вообще близко знакомились со всѣмъ строемъ жизни. Эфебы посѣщали народное собраніе, хотя, напр., въ Аѳинахъ участвовать въ немъ еще не могли. Характерна клятва, которую они нѣкогда дàвали въ Аѳинахъ при внесеніи въ списокъ гражданъ: „Я не посрамлю священнаго оружія, не оставлю со-

[1]) *Dittenberger*, Sylloge, II², n° 619.

ратника въ бою, буду защищать все священное и несвященное, одинъ и вмѣстѣ съ другими; отечество передамъ (наслѣдникамъ) не меньшимъ, а болѣе сильнымъ и славнымъ, чѣмъ какое унаслѣдовалъ самъ; буду слушаться властей и буду повиноваться законамъ установленнымъ и тѣмъ, какіе народъ установитъ единомысленно; не буду допускать, если кто-либо будетъ ихъ отмѣнять или имъ не повиноваться, но буду защищать ихъ одинъ и со всѣми; буду чтить отечественныя святыни". Въ Милетѣ, при выпускѣ изъ гимназіи, отъ эфебовъ требовалась присяга въ вѣрности народнымъ постановленіямъ. Иногда присягали въ вѣрности союзу съ тѣмъ или другимъ городомъ. Особая клятва была въ Кибирѣ: эфебы клялись охранять существующіе школьные порядки, какъ они установлены учрежденіемъ гимназіархіи Вераніемъ Филаргомъ, т.-е. сохранять доходы этой должности за даннымъ заведеніемъ.

Бывшіе эфебы составляли между собою союзы, товарищества. Воспитанники гимназій занимали въ обществѣ привилегированное положеніе. Въ одномъ прошеніи, найденномъ въ Египтѣ, отецъ, ходатайствуя о пріемѣ его сына въ число эфебовъ, просьбу свою подкрѣпляетъ ссылкой на то, что и самъ онъ, отецъ, „изъ гимназіи" и былъ въ свое время тоже эфебомъ, что это — его законный сынъ отъ обозначенной выше (въ началѣ прошенія) жены, свободной, отъ свободныхъ родителей [1]). Эти „изъ гимназіи" въ Египтѣ временъ Птолемеевъ составляли привилегированный классъ на-

[1]) *Wilcken*, Chrestomathie, № 145.

селенія, своего рода умственную аристократію. Среди папирусовъ есть свидѣтельство объ эфебіи,—выпись изъ актовъ о пріемѣ въ число эфебовъ [1]). Вмѣсто свидѣтельства или удостовѣренія объ окончаніи курса служила иногда клятва, что такой-то образованіе получилъ тамъ-то, въ такомъ-то отдѣленіи эфебовъ. Въ каждомъ городѣ и деревнѣ велся оффиціальный списокъ лицъ „съ гимназическимъ образованіемъ“, и только такія лица могли быть кандидатами на высшія общественныя должности, въ томъ числѣ и на такую почетную и важную, какъ постъ гимназіарха.

И что̀ замѣчательно, — въ эту эпоху, уже подъ властью эллинистическихъ владѣтелей и римскихъ цезарей, при утратѣ политической свободы и независимости, греки проявляютъ попрежнему духъ общественности, самоуправленія, и этотъ духъ находитъ яркое выраженіе въ организаціи школьнаго дѣла у нихъ.

---

[1]) *Wilcken*, Chrestomathie, № 146.

IX.

Черты изъ обыденной жизни, преимущественно греко-римскаго Египта — Письма.

Добавимъ еще нѣкоторыя отрывочныя черты изъ обыденной жизни грековъ.

Еще въ глубокой древности, въ эпоху критско-микенской культуры, встрѣчаются явленія, поражающія своею „современностью“ или сходствомъ съ тѣмъ, что было не такъ давно. Напр., „какой археологъ или художникъ“, замѣчаетъ современный французскій изслѣдователь, „представляя себѣ Федру или Пасифаю, помыслилъ бы сблизить ея образъ съ образомъ своей бабушки въ бальномъ костюмѣ, танцовавшей при дворѣ Карла X или Луи Филиппа?“ А между тѣмъ на стѣнахъ Кносскаго дворца, открытаго въ самомъ началѣ XX в. Эвансомъ и названнаго имъ „дворцомъ Миноса“, мы видимъ миніатюрныя изображенія элегантныхъ „дамъ“, кокетливо разряженныхъ, съ высокою прическою, съ длинными ниспадающими черными волосами, очень декольтированныхъ, съ перетянутою, какъ у осы, таліею, въ украшенныхъ воланами платьяхъ голубого

и желтаго цвѣта, съ широкими вздутыми рукавами. Дамы эти сидятъ и, повидимому, ведутъ разговоръ, а вокругъ нихъ, на второмъ планѣ, изображены мужчины, „кавалеры“. Спеціальный изслѣдователь древне-критскихъ туалетовъ [1]) полагаетъ, что уже въ то время существовали корсеты, декольте, рукава, воротники, турнюры, передники, штаны, шляпы и т. под. „Костюмъ древне-критскій и костюмъ нѣкоторыхъ странъ современной Европы“, говоритъ онъ, „—одного и того-же происхожденія; это—два развѣтвленія одного и того-же ствола, отдѣленныя вѣками другъ отъ друга“.

Впрочемъ, еще вопросъ, была ли критская культура той эпохи культурой эллинской. Обратимся къ болѣе позднимъ временамъ.

Маленькія статуэтки, называемыя по мѣсту ихъ нахожденія „Танагрскими фигурами“, вводятъ насъ въ повседневную жизнь грековъ преимущественно IV в. до Р. Х. Мы видимъ, глядя на эти статуэтки, что и тогда, какъ теперь, женщины занимались своимъ туалетомъ, своимъ хозяйствомъ, печеньемъ хлѣба и т. под., цирульникъ стригъ своего кліента, поваръ готовилъ обѣдъ, торговецъ выкрикивалъ свой товаръ, дѣти играли, писали и т. д.

Чѣмъ ближе къ концу античнаго греческаго міра, тѣмъ болѣе растетъ матеріалъ для параллели между античностью и современностью, и при томъ матеріалъ новый, въ видѣ открываемыхъ надписей и особенно папирусовъ.

---

[1]) *Deonna*, Les toilettes modernes de la Crète Minoenne. Genève. 1911. См. Berl. Phil. Wochenschr., 1912, № 12.

Изъ найденной, напр., недавно надписи II в. до Р. Х. мы узнаемъ, что заключались контракты между товариществами артистовъ [1]) и городами; при этомъ точно устанавливались обязанности и права артистовъ, размѣръ содержанія, дни представленій, штрафы за нарушеніе контракта. Среди греческихъ папирусовъ немало ангажементовъ разныхъ артистовъ, плясуновъ и танцовщицъ, актеровъ и декламаторовъ, приглашаемыхъ на какой-либо городской или деревенскій праздникъ. Въ одномъ изъ такихъ ангажементовъ плясунъ, напр., даетъ обязательство „простату“ (вѣроятно, главѣ товарищества): „согласенъ служить у тебя вмѣстѣ съ другими тремя плясунами въ деревнѣ такой-то въ теченіе семи дней, а получать отъ тебя я долженъ поденно 28 драхмъ; ты долженъ содержать насъ, доставить соотвѣтствующее помѣщеніе и дать въ награду 3 артабы финиковъ“. Дошли до насъ и другого рода договоры,— брачные контракты, договоры о разводѣ, договоры съ кормилицами, иные очень подробные. Напр., кормилица обязывается кормить ребенка въ теченіе двухъ лѣтъ, а если онъ умретъ въ теченіе этого срока, то взять вмѣсто него другого; все это время она должна вести себя цѣломудренно, не быть беременною и ни отъ кого другого не брать ребенка; по истеченіи срока, вещи, употребляемыя при ребенкѣ, должны быть возвращены или стоимость ихъ возмѣщена, за исключеніемъ губокъ, мыла, ванны, гребней.

---

[1]) Артисты и танцоры часто составляли товарищества, корпораціи или ферейны Въ Милетѣ корпорація танцоровъ Аполлона существовала въ теченіе семи вѣковъ.

Вообще, изъ открываемыхъ теперь въ такомъ множествѣ папирусовъ особенно много новыхъ чертъ мы узнаемъ касательно греко-римской жизни въ Египтѣ.

Одна домовладѣлица клятвенно увѣряетъ, что въ ея домѣ, „кромѣ ранѣе прописанныхъ лицъ, нѣтъ никого, ни александрійца, ни римлянина, ни египтянина“; повидимому, администрація требовала точныхъ свѣдѣній о жильцахъ. Во время одного празднества восьмилѣтній рабъ взлѣзъ на крышу, чтобы оттуда лучше видѣть танцы, слишкомъ переклонился, смотря внизъ, упалъ и скончался Чтобы похоронить его, просятъ стратега прислать, для осмотра трупа, служителя вмѣстѣ съ оффиціальнымъ врачемъ. Стратегъ даетъ соотвѣтствующій приказъ. Повидимому, въ подобныхъ случаяхъ безъ заключенія врача нельзя было хоронить. Имѣются заявленія о рожденіи сыновей и наоборотъ—заявленія о смертныхъ случаяхъ, обращенныя къ податнымъ чиновникамъ, чтобы скончавшійся былъ исключенъ изъ податныхъ списковъ и внесенъ въ списокъ умершихъ. Есть свидѣтельства объ освобожденіи отъ военной службы вслѣдствіе болѣзни и плохого зрѣнія, медицинскіе протоколы или свидѣтельства полицейскихъ врачей о полученныхъ потерпѣвшимъ пораненіяхъ, побояхъ или увѣчьяхъ.

Среди папирусовъ—большое количество частныхъ писемъ самаго разнообразнаго содержанія. Аналогія съ нашими современными письмами бросается въ глаза.

Уже тогда разсылались приглашенія, напр., на свадьбу: „Такая-то проситъ тебя принять участіе въ

обѣдѣ по случаю свадьбы ея дѣтей, въ ея домѣ, завтра 5-го, въ 3 часа". Или: „Діонисій проситъ тебя отобѣдать съ нимъ по случаю свадьбы его дѣтей въ домѣ Исхиріона, завтра, 30-го, въ такомъ-то часу". Вотъ приглашеніе въ иномъ родѣ: „Привѣтъ тебѣ, дорогая Серенія, отъ твоего Петосириса. Обязательно постарайся, милая моя, пріѣхать завтра, 20-го, на празднованіе дня рожденія бога и дай мнѣ знать, будетъ ли тебѣ пріятнѣе пріѣхать на челнѣ или на ослѣ, чтобы они могли быть посланы за тобой. Постарайся не забыть этого, милая моя. Желаю тебѣ оставаться постоянно здоровой". Дѣвушка—повидимому, раба, быть можетъ, дочь—пишетъ стратегу Аполлонію, котораго она называетъ „господиномъ": „Если бы мы имѣли крылья, чтобы я могла прилетѣть и поклониться тебѣ!" Есть письма съ выраженіемъ сочувствія въ горѣ. Есть извѣщенія о посылкѣ, напр.: „Если доставитель письма дастъ тебѣ пакетецъ, то это я посылаю его". Или сообщается о посылкѣ фруктовъ, причемъ прибавляется: „Хорошо бы вы сдѣлали, если бы въ свою очередь прислали мнѣ чрезъ этого же посланнаго бѣлаго хлѣба на двѣ драхмы". А вотъ напоминаніе о долгѣ: „Такой-то шлетъ привѣтъ своему милѣйшему Г. Тебѣ, собственно говоря, слѣдовало бы и безъ моего письма прислать мнѣ 20 драхмъ, которыя ты мнѣ долженъ; однако ты ждалъ все время, не платя ни гроша. Передай, поэтому, деньги немедленно предъявителю сего письма и избавь меня такимъ образомъ отъ того безвыходнаго положенія, въ которомъ я нахожусь. Сдѣлай это непремѣнно; не доводи дѣла до того, чтобы я самъ

былъ принужденъ явиться къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы взыскать эти деньги. Я тебя видѣлъ недавно въ П. и хотѣлъ поздороваться съ тобой, но ты не остановился; очевидно, совѣсть твоя была нечиста".

Имѣется цѣлый рядъ писемъ, въ которыхъ родители выражаютъ трогательную заботу о здоровьѣ отсутствующихъ дѣтей. Напр., мать проситъ сына написать, какъ онъ поживаетъ: „ты, вѣдь, знаешь тревогу матери". Или мать проситъ сына, чтобы онъ немедленно написалъ и увѣдомилъ, если въ чемъ нуждается. Она съ сожалѣніемъ узнала, что учитель, къ которому отдали его для обученія, уѣхалъ. Она хотѣла справиться о здоровьѣ сына, узнать, что̀ читаетъ онъ теперь? и услыхала, что „шестую" (повидимому, 6-ю пѣснь Иліады). Пусть сынъ вмѣстѣ съ находящимся при немъ „педагогомъ" позаботится о пріисканіи себѣ новаго учителя. Въ письмахъ выражается радость при полученіи вѣсти. Мать радуется, что ея сынъ учится „египетской грамотѣ", т.-е. демотическому письму, и теперь, прибывъ въ городъ, будетъ учить дѣтей у врача (слѣдуетъ имя, не вполнѣ сохранившееся) и такимъ образомъ имѣть на старость пропитаніе. Отецъ поздравляетъ сына съ женитьбой; онъ, очевидно, въ веселомъ настроеніи: проситъ передать его привѣтствіе молодой невѣсткѣ и въ шутку подписывается: „Острая борода". Высказывались и упреки дѣтямъ по разнообразнымъ поводамъ. Напр.: „Я очень сердитъ на тебя", пишетъ отецъ сыну, „за то, что у тебя издохли два поросенка вслѣдствіе переутомленія въ дорогѣ, между тѣмъ какъ у тебя же въ деревнѣ десять вьючныхъ животныхъ. Погонщикъ

говоритъ, что онъ не виноватъ; онъ говоритъ, что ты ему приказалъ гнать поросятъ пѣшкомъ". Или упрекъ зятю: онъ долженъ нанять кормилицу, а не допускать, чтобы его жена сама кормила ребенка.

Вотъ письмо „блуднаго сына" къ матери: „Я тебѣ пишу, потому что у меня болѣе ровно ничего нѣтъ. Умоляю тебя, помирись со мною. Все остальное я знаю; я теперь далъ себѣ слово, теперь проученъ горькимъ опытомъ, я знаю, что, какъ бы то ни было, я провинился. Мнѣ разсказываютъ, что кто-то посѣтилъ тебя, поступилъ весьма необдуманно и все разсказалъ тебѣ". Далѣе, среди неразборчиваго текста, еще раза два повторяются слова: „умоляю тебя". — Сынъ-солдатъ проситъ мать прислать ему разныя вещи и денегъ; „но, главнымъ образомъ, дорогая, пришли мнѣ поскорѣе мое ежемѣсячное пособіе... Когда я былъ у тебя, ты мнѣ обѣщала, что пришлешь..., но ты мнѣ ничего не прислала... Ты не сказала, что у тебя ничего нѣтъ, но отослала меня, какъ какую-нибудь собаченку. Отецъ также, когда посѣтилъ меня, ровно ничего мнѣ не далъ. Всѣ смѣются надо мною и говорятъ: твой отецъ вѣдь также солдатъ, а между тѣмъ ничего тебѣ не даетъ. Отецъ мой сказалъ мнѣ, что если онъ вернется на родину, вы мнѣ все пришлете, но вы ничего не прислали. Почему вы такъ поступили? Вотъ мать Валерія, она ему послала пару набрюшниковъ, горшочекъ масла, корзину, наполненную припасами, и 200 драхмъ. Поэтому, прошу тебя, мать, пришли мнѣ посылку!.." Матросъ пишетъ изъ Италіи домой, отцу: „Прежде всего желаю тебѣ здоровья и во всемъ благополучія

вмѣстѣ съ сестрою моею и дочерью ея и братомъ моимъ“ и т. д.

Вообще поклоны и привѣтствія, какъ и теперь, занимали видное мѣсто въ тогдашнихъ письмахъ. Мать пишетъ своимъ дѣтямъ и прибавляетъ: „кланяются вамъ Кирилла и кормилица Германубисъ, домашняя учительница Аѳинаида, а также Кассія и всѣ домашніе“. А въ одномъ письмѣ поклоны занимаютъ 13 строкъ, — и это при дороговизнѣ тогдашняго писчаго матеріала — папируса! Письмо обращено къ брату: „Кланяюсь моей сестрѣ Таонофрисъ и дочери Беллая. Кланяется тебѣ Дидимъ и Геліодоръ. Кланяются вамъ Птолемей и Тиберикъ и Сарапіонъ. Кланяюсь Сарапіону, сыну Имуѳа, и дѣтямъ его, и Зомѣ, и дѣтямъ его, и женѣ его“ и т. д.

Въ заключеніе, въ видѣ курьеза, приведемъ еще одно письмо. Избалованный мальчикъ, обиженный тѣмъ, что отецъ уѣхалъ въ Александрію, не взявъ его съ собою, пишетъ своему отцу, съ трудомъ выводя буквы и дѣлая грубыя грамматическія и орѳографическія ошибки: „Ѳеонъ своему отцу Ѳеону. Какъ ты прекрасно поступилъ, что не взялъ меня съ собой въ городъ! Или ты не хочешь меня взять съ собой въ Александрію? Нѣтъ? такъ я не напишу тебѣ письма, не буду говорить съ тобой и не пожелаю тебѣ здоровья. А потомъ, когда ты пріѣдешь въ Александрію (вмѣсто: изъ Александріи), я не дамъ тебѣ руки и не буду здороваться съ тобою. Да, если ты не возьмешь меня съ собою, то это будетъ такъ. И мать моя сказала Архелаю: негодный мальчишка еще погубитъ меня. Но хорошо ты

сдѣлалъ, что прислалъ мнѣ подарки... Насъ провели (обманули) тогда, 12-го, когда ты уѣзжалъ. Такъ пришли за мною, прошу тебя. Но если ты этого не сдѣлаешь, то я навѣрное не буду ни ѣсть, ни пить. Вотъ что! Прощай!“ [1]).

---

[1]) Большинство изъ приведенныхъ примѣровъ и выдержекъ взято изъ *Wilcken*, Chrestomathie; *Witkowski*. Epistulae privatae graecae. Berl.-Leipz. 1906 (2-е изд.—1911); *Sudhoff*, Ärztliches aus griechischen Papyrus-Urkunden; *Preisigke*, Familienbriefe aus alter Zeit (Preuss. Jahrbücher. 1902, 108 Bd., Apr.); *А. М Придикъ*, Греческіе папирусы Варшава. 1907.

X.

Разочарованіе въ культурѣ и призывъ къ опрощенію: Діонъ Хрисостомъ.

Намъ знакомо то разочарованіе въ культурѣ и въ ея благахъ, которое является среди ея высшаго развитія и утонченности, когда раздаются голоса, осуждающіе культуру, какъ источникъ неравенства, испорченности и всякихъ золъ,—голоса, призывающіе къ опрощенію, къ жизни, близкой къ природѣ, представляющіе въ идеальномъ видѣ „естественное состояніе“ первобытныхъ народовъ. Во Франціи въ XVIII ст., въ вѣкъ „Просвѣщенія“, былъ Руссо; у насъ еще недавно — Л. Н. Толстой. Идеи, сходныя съ идеями Ж. Ж. Руссо и Л. Толстого, мы встрѣчаемъ и въ античномъ мірѣ. Еще Платонъ склоненъ былъ идеализировать жизнь въ естественномъ состояніи. Философія циниковъ была реакціей противъ современной ей культуры, съ ея утонченностью, изнѣженностью и подчасъ извращенностью; она хотѣла поставить человѣка внѣ зависимости отъ условій этой культуры; она стремилась возвратиться къ естественной простотѣ. Но, быть можетъ, больше всего

замѣчается сходства съ идеями Руссо и Л. Толстого у сравнительно мало извѣстнаго Діона Хрисостома („Златоуста"), уроженца города Прусы (въ Виѳиніи), сперва ритора-софиста, потомъ философа-циника, I и начала II в. по Р. Х. [1]).

Въ первобытномъ состояніи, говорилъ Діонъ, люди жили счастливо. Многообразныя ухищренія культуры, безчисленныя изобрѣтенія и приспособленія только ухудшили ихъ положеніе и сдѣлали ихъ несчастными, потому что „не на нравственное усовершенствованіе употребляютъ люди свои познанія, а на удовлетвореніе низменныхъ инстинктовъ". Культура изнѣживаетъ человѣка. Бѣдные стоятъ ближе къ природѣ. Богатые, въ сущности, живутъ хуже и несчастнѣе бѣдныхъ. Люди, живущіе среди условій, созданныхъ культурой, проводятъ всю свою жизнь въ постоянномъ смятеніи, въ вѣчныхъ дрязгахъ, среди безчисленныхъ страданій. Они трепещутъ, что у нихъ не хватитъ „средствъ къ жизни", и заняты заботой, чтобы дѣтямъ оставить побольше денегъ. Многіе бросаютъ естественныя занятія—земледѣліе, охоту, скотоводство—и переселяются въ городъ, берутся за ремесла и профессіи, служащія удовлетворенію низкихъ инстинктовъ и ненужныхъ прихотей богачей, вредныя для тѣла и для души. Жизнь

---

[1]) См. *А. И Сонни*, Къ характеристикѣ Діона Хрисостома („Филолог. Обозрѣніе", 1898, XIV); *его-же*, Ad Dionem Chrysostomum Analecta. Кіевъ. 1896; *v. Arnim*, Leben und Schriften des Dio von Prusa. Berl. 1898. Арниму принадлежитъ и лучшее изданіе сочиненій Діона (Berl. 1893—6, въ 2 т.). По поводу книги Арнима—ст. *Weil'я*, перепечат. въ его Études sur l'antiquité grecque. P. 1900.

въ большихъ городахъ ненормальна, скученность и чрезмѣрное раздѣленіе труда вредны; городской житель не знаетъ настоящаго здороваго труда. Недурно было бы, если бы городскіе жители стали мужиками... Діонъ рисуетъ простую жизнь двухъ пастуховъ на островѣ Евбеѣ, вдали отъ цивилизаціи, на лонѣ природы. Извращенной культурѣ онъ противополагаетъ счастливую простоту дикихъ народовъ. Варвары, по его мнѣнію, живутъ правильнѣе и лучше, чѣмъ цивилизованные греки и римляне. Культурный человѣкъ исполненъ ложныхъ представленій и самообмана. Сюда относятся государственныя учрежденія, законы и большинство сложившихся нравственныхъ понятій. „Истиннаго, дѣйствительнаго, явнаго закона люди не видятъ и не дѣлаютъ его путеводителемъ своей жизни. Они какъ-будто зажигаютъ лучины и головни при полуденномъ сіяніи солнца, оставивъ божественный свѣтъ и идя за дымомъ, показывающимъ ничтожную искру огня. Законъ природы исчезъ у васъ и потерянъ, несчастные; зато вы охраняете скрижали и грамоты, высѣченныя на камнѣ постановленія и безполезныя буквы. Завѣтъ Зевса вы давно нарушили; а чтобы предписанія того или другого человѣка не были нарушены, за этимъ вы наблюдаете“. Угорѣвшіе отъ чада страстей люди живутъ, не задумываясь надъ своею жизнью, вѣчно заняты ненужными дѣлами, вѣчно мечутся, вѣчно хлопочутъ о чемъ-то, въ суетѣ, не имѣя опредѣленной цѣли жизни.

Этому своего рода рабству противополагается истинная свобода, когда человѣкъ отрѣшается отъ условностей культуры, когда онъ стоитъ выше случайностей и

ударовъ судьбы. Для этого, прежде всего, надо познать самого себя, затѣмъ—„*перечеканить монету*“ (произвести „переоцѣнку цѣнностей“!), жить согласно съ природой. Только освободившись отъ чада культуры, человѣкъ можетъ сосредоточиться на томъ единомъ, что на потребу, и сдѣлать законъ правды, который есть законъ природы, единственнымъ путеводителемъ своей жизни... Надо „пойти въ народъ“,—опроститься!.. [1]).

Мы не можемъ останавливаться здѣсь на тѣхъ явленіяхъ въ античномъ язычествѣ, которыя представляютъ аналогію христіанству, напр., на культѣ героевъ, на Гермесѣ „Трижды-Величайшемъ“ и „Триединомъ“ [2]), на мистеріяхъ, на ученіи о Логосѣ и т. д. Это слишкомъ сложные, слишкомъ крупные вопросы, чтобы касаться ихъ слегка. Скажемъ только, что въ настоящее время дѣлается рядъ попытокъ вывести христіанство изъ античныхъ воззрѣній, вообще изъ античной культуры, и новѣйшая наука открываетъ все больше и больше связи между эллинизмомъ и христіанствомъ. Мы не касаемся также параллелей въ литературѣ античной и новой, хотя матеріалъ здѣсь довольно богатъ и недаромъ, напр., Ореста сравниваютъ съ Шекспировскимъ Гамлетомъ.

Мы на нѣсколькихъ примѣрахъ, большею частью отрывочныхъ, старались показать, какъ много „совре-

[1]) *А. И. Соннн*, Филол. Обозр., l. c.

[2]) „Hermes omnia solus et ter unus“ (Марціалъ).

меннаго“ и живого въ античномъ мірѣ, какъ онъ близокъ и понятенъ намъ. Но не надо забывать, что это только одна сторона; для правильнаго же пониманія этого міра не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду и другую—отличія: было бы ошибочно и односторонне видѣть одно только сходство между древностью и современностью, слишкомъ модернизировать первую. Въ исторіи полнаго тождества не бываетъ; есть только аналогія. Всякій историческій фактъ индивидуаленъ. Пусть, какъ говоритъ господствующее теперь въ наукѣ воззрѣніе, представителями котораго являются такіе ученые, какъ Эд. Мейеръ и Пельманъ,—пусть схема развитія древняго міра и міра западно-европейскаго одна и та-же; пусть греческій міръ прошелъ чрезъ тѣ-же стадіи развитія, что и западно-европейскій, и въ немъ были своя „древность“, свое „средневѣковье“, свое „новое время“. Но каждый періодъ, каждый народъ, наряду съ общими чертами, имѣетъ свои особенности, ему свойственныя; въ христіанскомъ, западно-европейскомъ средневѣковьѣ, напр., наблюдаются такіе элементы и такія черты, какихъ не было въ греческомъ средневѣковьѣ. Кромѣ того, надо имѣть въ виду силу историческаго наслѣдія и исторической традиціи: прошлое не исчезаетъ безслѣдно; оно входитъ, какъ одинъ изъ могучихъ составныхъ элементовъ, въ новое развитіе; оно существуетъ, оно живетъ вокругъ насъ, начиная съ обломковъ старины и кончая идеями, учрежденіями, культурой вообще.

ДОБАВЛЕНІЯ.

Къ стр. 3, прим. 1.—Въ настоящее время выходитъ коллекція изданій: Das Erbe der Alten. Schriften über Wesen und Wirkungen der Antike, gesammelt und herausgegeben von *O. Crusius, O. Immisch, Th. Zielinski.*

Къ стр. 11. Попытка представительнаго правленія обнаруживается и въ союзныхъ организаціяхъ, κοινά, III в.

Къ стр. 40. Объ идеѣ возмездія въ античной трагедіи и жизни—ст. *Ѳ. Ф. Зѣлинскаго* въ „Рус. Мысли", 1912, ноябрь. У Софокла („Эдипъ въ Колонѣ", ст. 1266 сл.) говорится:

„Во всякомъ дѣлѣ у престола Зевса
Въ его совѣтѣ Милость возсѣдаетъ".

Въ „Вакханкахъ" Еврипида старецъ Тиресій, оскорбленный вспыльчивымъ Пенѳеемъ, беретъ за руку дѣда обидчика, Кадма, и говоритъ ему (ст. 360 сл.):

„Пойдемъ, мой Кадмъ; умолимъ Діониса
И за него, хоть злобой онъ дышетъ,
И за отчизну нашу, чтобъ отъ кары
Ее спасти"...

Въ недавно открытой пьесѣ Менандра („Отрѣзан. коса“, пер. Г. Ф. Церетели, ст. 433 сл.) встрѣчаются такія слова:

„Люба мнѣ рѣчь твоя: „отецъ я съ нимъ мирюсь“.
Прощать, когда тебѣ вновь улыбнулось счастье,
Вотъ это—подлинно по-эллински, дитя“.

См. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, тамъ-же, стр. 2—3.

Къ стр. 56, прим. 1. Ст. *М. И. Ростовцева*—и въ „Трудахъ I съѣзда преподавателей древнихъ языковъ“. Спб. 1912.

Къ стр. 70, прим. 1. Объ эллинистическомъ государствѣ см. также ст. *Wachsmuth*'a, Das Königthum der hellenistischen Zeit, besonders das von Pergamon (Histor. Vierteljahresschrift, II, 1899).

Къ стр. 114. Ученикъ Сократа, Аристиппъ, говорилъ о себѣ, что онъ „всюду гость“ (*Xenoph.*, Memorab., II, 1, 13). Объ индивидуализмѣ и космополитизмѣ—интересныя замѣчанія у *Kaerst*, Gesch. d. hellenist. Zeitalters. Leipz. 1901, I, 37 сл.

Къ стр. 117, прим. 3. По исторіи математики на русск. яз.—труды *М. Е. Ващенко-Захарченко* („Характеръ развитія матем. наукъ у различн. народовъ древн. и нов. міра до XV в.“. Кіевъ. 1882; „Исторія математики“. Т. I. Кіевъ. 1883).

Опечатка: на стр. 77, въ заглавіи, вм. „Женщины.—Философы и профессора“, слѣд. „Женщины-философы и профессора“.

Къ стр. 113. Для греческаго пессимизма чрезвычайно характерно то, что одинъ изъ представителей киренской школы, предшественницы эпикуреизма, Гегесій явился „проповѣдникомъ смерти“, какъ его прозвали. Въ своихъ лекціяхъ и въ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Самоубійца посредствомъ воздержанія отъ пищи“, онъ доказывалъ, что такъ какъ высшую цѣнность жизни составляетъ удовольствіе, а стремленіе къ нему обыкновенно не достигаетъ цѣли и ничто не избавляетъ насъ отъ страданій, назначенныхъ намъ природой, то лучшее, чего мы можемъ достичь, это— смерть, дающая намъ отсутствіе страданій. Гегесій жилъ въ концѣ IV в. до Р. Х. и своею пропагандою самоубійства производилъ такое впечатлѣніе, что въ Александріи власти, говорятъ, запретили ему читать лекціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	III
Введеніе.	1
I. Греческое государство.—Его нравственныя основы.—Понятіе о гражданинѣ —Вопросъ о формахъ правленія.—Характеристика демократіи —Свобода и равенство въ теоріи и на практикѣ	4
II Законъ и декретъ.—Наказаніе.—Право и сила . .	35
III Соціальная борьба и соціальный вопросъ въ Греціи.—Коммунистическія идеи.—Государственный соціализмъ	50
IV. Государство эллинистической эпохи. — Антисемитизмъ въ Александріи	70
V Женскій вопросъ въ древней Греціи.—Женское движеніе въ изображеніи Аристофана. — Воззрѣнія Платона — Женская эмансипація въ эпоху „Просвѣщенія“; Аспазія.—Женщины-философы и профессора; Ипатія	77
VI. Индивидуализмъ.—Пессимизмъ.—Космополитизмъ .	102
VII. Раціональная наука у грековъ. — Ученіе о государствѣ.—Исторія.—Медицина и гигіена	116
VIII. Школьное дѣло у грековъ по новымъ даннымъ. — Отношеніе государства и общества къ школѣ. — Пожертвованія и заботы о школахъ. — Положеніе учителей. — Греческія гимназіи и греческій урокъ.—Надписи на стѣнахъ.—Ученическія тетради и прописи.—Школьные документы.—Участіе школы въ торжествахъ —Лица „съ гимназическимъ образованіемъ“	141

стр.

IX. Черты изъ обыденной жизни, преимущественно грекоримскаго Египта—Письма 179
X. Разочарованіе въ культурѣ и призывъ къ опрощенію; Діонъ Хрисостомъ. 188
Заключеніе 191
Добавленія 193

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ